Каролина
Павлова.

Собраніе сочиненій

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА
Кн-во К. Ф. Некрасова

КАРОЛИНА ПАВЛОВА.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

РЕДАКЦІЯ И МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ
К. ПАВЛОВОЙ ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Томъ второй.

МОСКВА.
Издательство К. Ф. Некрасова.
MCMXV.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. Ф. НЕКРАСОВА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ.

Our life is twofold: Sleep hath its own
world,
A boundary between the things misnamed
Death and existence.

Byron.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Вамъ этой мысли приношенье,
Моей поэзіи привѣтъ,
Вамъ этотъ трудъ уединенья,
Рабыни шума и суетъ.
Васъ всѣхъ, не встрѣченныхъ Цецилій,
Мой грустный вздохъ назвалъ въ тиши,
Васъ всѣхъ, Психей, лишенныхъ крылій,
Нѣмыхъ сестеръ моей души!
Дай Богъ и вамъ, семьѣ безвѣстной,
Средь грѣшной лжи хоть сонъ святой,
Въ неволи жизни этой тѣсной
Хоть взрывъ мгновенный жизни той.

Сентябрь 1846.

I.

— А богаты?

— Кажется, имѣніе порядочное; живутъ довольно хорошо, кромѣ обыкновенныхъ субботъ даютъ нѣсколько баловъ въ теченіе зимы; онъ самъ ни во что не входитъ, всѣмъ располагаетъ жена; c'est une femme de tête.

— А дочь какова?

— Ничего нѣтъ особеннаго; довольно хороша собой и, говорятъ, не глупа, да кто же теперь глупъ? Впрочемъ, я съ ней никогда ни о чемъ не разсуждалъ, кромѣ погоды и баловъ, но у ней, должно быть, не даромъ примѣсь отцовской, нѣмецкой крови. Я всѣхъ этихъ нѣмокъ и полунѣмокъ терпѣть не могу.

— Партія хорошая?

— Нѣтъ! есть меньшой братъ.

— А что жъ у нихъ дѣлаютъ по субботамъ?

— Да такъ, разговариваютъ; общество немногочисленное; вотъ увидишь.

— Охъ! ужъ эти мнѣ разговоры! не уйдешь отъ нихъ.

Карета остановилась у подъѣзда большого дома на Тверскомъ бульварѣ.

— Мы прiѣхали,—сказалъ одинъ изъ двухъ молодыхъ людей, которые въ ней сидѣли, и оба вышли и вбѣжали на чугунную лѣстницу; въ передней взглядомъ убѣдились, что все издѣлье нѣмецкаго портного сидитъ на нихъ какъ слѣдуетъ, вошли, поклонились хозяйкѣ, и оглянулись.

Въ нарядномъ салонѣ было человѣкъ съ тридцать. Иные говорили между собой въ полголоса, другiе прислушивались, но на всѣхъ какъ будто бы тяготѣла какая-то обязанность, повидимому, довольно трудная, и имъ всѣмъ, казалось, было немного скучно забавляться. Громкихъ голосовъ и споровъ не было, также какъ и сигарокъ, это былъ салонъ совершенно comme il faut; даже и дамы не курили.

Недалеко отъ дверей сидѣла хозяйка на одной безымянной мебели, какими теперь наполняются наши комнаты; въ другомъ углу стоялъ чайный столъ; въ его сосѣдствѣ шептало между собой нѣсколько премилыхъ дѣвушекъ; немного подальше, возлѣ большихъ, бронзовыхъ часовъ, на которыхъ только что пробила половина одиннадцатаго, очень замѣтная, грацiозная женщина, утопая, такъ сказать, въ огромныхъ бархатныхъ креслахъ, занималась тремя молодыми людьми, усѣвшимися около нея; они о комъ-то говорили.

— Онъ нынче утромъ умеръ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Не о чемъ жалѣть,—отвѣчала, съ чрезвычайно милымъ взглядомъ, его прекрасная сосѣдка.

— Однако,—промолвилъ другой юноша улыбаясь,—онъ былъ хотя уже не такъ молодъ, но очень хорошъ собой, и хотя золъ, но уменъ.

— Онъ просто былъ несносенъ,—сказала дама,—и красота его мнѣ никогда не нравилась; въ ней было что-то сердитое.

— Кто умеръ?—спросила тихонько стройная, черноволосая, блѣдная дѣвушка, лѣтъ осмьнадцати, подходя къ чайному столу, и наклоняясь къ одной изъ окружающихъ его барышенъ:—Кто умеръ, Ольга?

— Не знаю,—отвѣчала Ольга.

Черноволосая дѣвушка сѣла за столъ, и стала разливать чай.

Граціозная дама въ бархатныхъ креслахъ продолжала, между тѣмъ, свой искусственный тройной tête à tête. Судя по словамъ этого разговора, онъ былъ довольно вялъ и общемѣстенъ, но судя по физіономіи, улыбкѣ и взглядамъ разговаривающихъ, онъ былъ чрезвычайно оживленъ и замысловатъ.

— Это кто, Cécile?—шепнула Ольга молодой дѣвушкѣ, разливающей чай. Цецилія взглянула.

— Тотъ, что входитъ съ Ильичевымъ? я его имя

забыла; онъ въ первый разъ пріѣзжаетъ къ намъ въ домъ; кажется, поэтъ.

Ольга надула спесиво губы и повернула головку на другую сторону. Явилось еще двое мужчинъ: одинъ изъ нихъ подвелъ другого къ хозяйкѣ дома, Вѣрѣ Владиміровнѣ фонъ Линденборнъ, и представилъ. Она его привѣтствовала очень любезно:

— Я истинно рада, что мнѣ, наконецъ, удалось съ вами познакомиться; надѣюсь, что вы когда-нибудь намъ доставите наслажденіе услышать ваши сочиненія.

Вѣра Владиміровна была не только женщина высоко образованная, которая принимала поэтовъ и артистовъ, но еще и женщина деликатная; она не хотѣла съ перваго раза воспользоваться талантомъ своего посѣтителя.

Въ противоположномъ углу салона видный мужчина, съ просѣдью, едва замѣтной при свѣчахъ, съ нѣкоторой искусственной небрежностью въ одеждѣ, съ притязаніями на глубокомысленность и проницательность, подошелъ къ одному молодому щеголю, который, прислонясь къ окну, рисовался съ искренно-удовлетвореннымъ видомъ на спадавшей до паркета тяжелой занавѣси вишневаго цвѣта, и выставляя очень удачно свой жилетъ новѣйшаго парижскаго покроя, свою эксцентрическую прическу и свои не-

порочныя перчатки, не думалъ имѣть какихъ-нибудь другихъ притязаній.

— Посмотрите на группу возлѣ чайнаго стола,— сказалъ ему подошедшій,—хотите, я вамъ разскажу, что тамъ происходитъ. Софья Стренецкая размышляетъ, гдѣ бы ей найти великодушнаго жениха, который бы выручилъ все семейство отъ неминуемой бѣды и внесъ бы за нихъ долгъ въ Опекунскій Совѣтъ; Ольга Валицкая не въ духѣ, потому что не пріѣхалъ князь Викторъ. Княжна Алина напрасно смѣется такъ усердно, побѣдоносный уланъ не отходитъ сегодня отъ ея двоюродной сестрицы, а эта употребляетъ его средствомъ взбѣсить одного присутствующаго господина. Не забавно ли?

— Вы ужасный человѣкъ!—отвѣчалъ съ уваженіемъ молодой щеголь, крутя свои усики.

Ужасный человѣкъ улыбнулся снисходительно.

Въ кругу созрѣлыхъ дамъ бесѣда была невиннѣе.

— Скоро ли вы переселяетесь въ паркъ?—спросила Вѣру Владиміровну сидѣвшая съ ней рядомъ высокая, важная дама, которая до этихъ поръ наблюдала строгое молчаніе.

— Недѣли черезъ двѣ, въ началѣ іюня,—отвѣчала та,—кажется, погода установилась. Вы тоже тамъ будете?

— Да, я очень люблю паркъ; тамъ, по крайней

мѣрѣ, можно провести лѣто въ хорошемъ обществѣ; не такъ какъ у себя въ деревнѣ, гдѣ приходится знаться, Богъ вѣсть, съ какими сосѣдями.

— Я совершенно съ вами согласна,—сказала другая нарядная дама, лѣтъ сорока, которая употребляла куаффюры съ розами и короткіе рукава какимъ-то противоядіемъ противъ вреда, причиненнаго злыми годами.—Я чрезвычайно рада, что избѣгла Рязанской губерніи; мужъ непремѣнно хотѣлъ везти меня туда на лѣто, но благодаря свадьбѣ моего брата, я вмѣсто Рязани попаду въ Петербургъ, что гораздо получше. Мнѣ ужъ и здѣсь въ Москвѣ становится немного душно.

— Вы противница Москвы,—замѣтила Вѣра Владиміровна.

— Почему же? я только нѣсколько раздѣляю мнѣніе Наполеона, и думаю, что за исключеніемъ двухъ-трехъ салоновъ въ родѣ этого, Москва большая деревня; а я признаюсь, не обожаю деревни.

Между тѣмъ, разливанье чая кончилось и Цецилія вышла съ молодыми дѣвушками на широкій балконъ. Тамъ сіяла всѣми своими созвѣздіями великолѣпная майская ночь. Недавно позеленѣвшія липы передъ балкономъ шумѣли такъ тихо, такъ созвучно-печально, такъ таинственно, какъ будто бы онѣ стояли не на Тверскомъ бульварѣ, а въ свободномъ просторѣ дѣвственной пустыни. Цецилія

оперлась на чугунную рѣшетку, и задумалась, Богъ вѣсть, о чемъ.

Ея пріятельницы смѣялись между собой; одна, очень живая блондинка, прислоняясь спиною къ рѣшеткѣ, глядѣла лорнетомъ въ салонъ, и полушопотомъ дѣлала свои замѣчанія. Ей нельзя было не насмѣхаться надъ знакомыми, потому что она слыла очень остроумной.

— Я думаю,—сказала она,—что это голубое платье скоро получитъ пряжку, такъ оно долго служитъ.

Дѣвушки почти захохотали.

— Не правда ли,—спросила одна изъ нихъ,—что моему брату мундиръ очень къ лицу?

— Совсѣмъ нѣтъ,—возразила блондинка,—мужчина въ мундирѣ долженъ быть смуглый и черноволосый, какъ, напримѣръ, Чацкій; согласись, Cécile, что Чацкій очень хорошъ собой.

— По моему, нѣтъ,—отвѣчала Цецилія,—у него черты слишкомъ рѣзки. Я въ мужчинѣ люблю наружность скромную, и даже нѣкоторую женскую застѣнчивость.

— Гдѣ же Дмитрій Ивачинскій?—спросила ее вдругъ блондинка.

— Онъ уѣхалъ къ отцу въ деревню,—сказала Цецилія голосомъ, по которому можно было угадать, что она краснѣла.

— Когда же онъ воротится?—продолжала та съ замысловатой улыбкой.

— Почему я знаю?—и Цецилія повернулась и вошла опять въ салонъ.

Тамъ уже нѣкоторыя маменьки искали дочерей, чтобы ѣхать домой.

Къ Цециліи подошла Вѣра Владиміровна:—тебѣ пора спать, Cécile,—сказала она,—ты знаешь, что, по приказанію доктора, ты должна ложиться рано; а теперь уже скоро двѣнадцать часовъ. Поди, мой другъ, тебя извинятъ. Она ее перекрестила, и Цецилія вышла, прошла длинный рядъ покоевъ, свѣтлыхъ и полутемныхъ, повернула въ чуть освѣщенный корридоръ и вошла въ свою комнату.

Тутъ все было мирно и безмолвно, въ смежномъ кабинетѣ спала уже часа два крѣпкимъ сномъ старая ея англичанка. Извѣстно, что дѣвушкѣ высшаго круга безъ англичанки быть нельзя. У насъ въ обществѣ по-англійски не говорятъ, англійскіе романы барышни наши обыкновенно читаютъ въ переводѣ французскомъ, а Шекспиръ и Байронъ для нихъ вовсе неприкосновенны, но если ваша шестилѣтняя дочь говоритъ иначе, какъ по-англійски, то она дурно воспитана. Изъ этого часто слѣдуетъ, что мать, не такъ хорошо воспитанная, какъ ея дочка, не можетъ съ ней изъясняться, но это неудобство

маловажное; ребенку англійская нянька нужнѣе матери.

Цецилія позвала горничную, и стала раздѣваться медленно и задумчиво; она думала, что, по всей вѣроятности, проведетъ наступающее лѣто самымъ пріятнымъ образомъ, что въ паркѣ будетъ очень весело, что скоро воротится Дмитрій Ивачинскій, и что они будутъ вмѣстѣ гулять, и танцовать, и ѣздить верхомъ. А между тѣмъ, сквозь эту веселую мысль проглядывала безпрестанно, совсѣмъ не кстати, мысль странная и неизъяснимая, чувство тягостное и неотступное, какъ будто бы ей должно было разгадать какую-то загадку, найти какое-то слово, вспомнить какое-то имя, которое ей не давалось... Наконецъ, она легла, горничная вышла со свѣчкой, и все смолкло; въ уютной, беззвучной комнатѣ мерцала только лампадка передъ иконою Спасителя.

Часы на маленькой колоннѣ между оконъ пробили средь тишины однимъ звонкимъ ударомъ половину перваго. Взоръ Цециліи блуждалъ лѣниво по спальнѣ; мирный образъ въ блестящемъ окладѣ то виднѣлся, то пропадалъ передъ глазами; смыкала ихъ уже дремота... но все вопросъ въ душѣ не засыпалъ... Какъ это было?.. кто?.. и гдѣ?

Вотъ,—засіялъ звѣздами сводъ небесный...
Слетѣлъ туманъ... повѣялъ ароматъ...

Покой ли то воздушный и чудесный,
Роскошный ли и свѣтлолунный садъ.
Какъ внятенъ ей фонтана плачъ безсонный!
Какъ ей предѣлъ невѣдомый знакомъ!
Къ ней, съ ласкою склоняясь благовонной,
Блестятъ цвѣты стыдливые кругомъ.
Покоится луна въ глуби эфира,
Какъ ясный перлъ въ безбрежности морской;
Звучитъ въ листахъ, какъ шепчущая лира,
И носится въ дали отвѣтъ глухой.
И всѣ міровъ полночныя сіянья,
И вздохи всѣ, скользя сквозь тишину,
И всѣ весны душистыя дыханья,
Въ гармонію сливаются одну.

Какимъ таинственнымъ сознаньемъ
Душа младая смущена?
Неотразимымъ ожиданьемъ
Кого предчувствуетъ она?
Надъ кѣмъ склонились сикоморы?
Что въ той тѣни блеститъ свѣтло?
Законодательные взоры,
Побѣдоносное чело.
Въ ней помнитъ мысль о небываломъ,
Невстрѣченнаго узнаетъ;
Онъ отраженъ въ ней думъ зерцаломъ,
Какъ блескъ звѣзды зерцаломъ водъ.

Стоитъ онъ, полонъ строгой мочи,
Стоитъ недвижный и нѣмой;
Онъ ей глядитъ очами въ очи,
Глядитъ онъ въ душу ей душой.
Какой вины, какой ошибки
Упрекъ нахмурилъ эту бровь!
На этомъ ликѣ безъ улыбки
Какая грустная любовь!
Что-жъ дѣвѣ въ грудь легло такъ больно,
Какъ неизбѣжный приговоръ?
Она идетъ—идетъ невольно
Чрезъ нѣмѣющій просторъ,
Туда, гдѣ властный и унылый
Тотъ взглядъ сіяетъ, какъ призывъ,
И стала предъ безвѣстной силой,
Главу покорную склонивъ.
И съ устъ его упало слово,
Печальнѣй пѣнья дальнихъ струй.
И будто бы чела младого
Коснулся тихій поцѣлуй.

———

II.

Въ воскресенье утромъ Цецилія стала передъ своимъ зеркаломъ, и спѣшила одѣться, потому что уже пробило десять часовъ; къ ней вошла горничная.

— Маменька приказали узнать, скоро ли вы будете готовы-съ?

— Скажи, что сейчасъ иду.

— Маменька приказали вамъ доложить, чтобы изволили одѣться получше и надѣть бѣлую шляпку. Они послѣ обѣдни будутъ ѣхать съ визитами-съ.

— Хорошо.

Она надѣла бѣлую шляпку и пошла къ матери. Черезъ нѣсколько минутъ обѣ сидѣли въ нарядной коляскѣ, и огромный лакей, захлопывая дверцы, закричалъ громогласно: Въ Шереметьевскую!

Поклонясь набожно, Вѣра Владиміровна отправилась съ Цециліей, во-первыхъ, къ старой теткѣ, гдѣ надлежало просидѣть съ часъ, изъ уваженія къ лѣтамъ и имѣнію старухи бездѣтной. Тамъ все было еще по-старинному, грязная передняя, болонки, лакеи

въ нанковыхъ сюртукахъ, и горничныя босыя; все одно къ одному, все въ удивительно - гармонической связи, внѣшнее и внутренное, тѣло и душа. Урочный часъ кое-какъ пришелъ, мать и дочь сѣли, наконецъ, опять въ свою коляску и понеслась далѣе, въ другую сторону, въ другой вѣкъ, въ другой міръ, гдѣ были уже переднія съ коврами, важные швейцары, и прислуга въ перчаткахъ.

Съ топографическими познаніями дамъ, онѣ прокатились вдоль и поперекъ по Москвѣ, съ Мясницкой на Арбатъ, съ Арбата на Петровку, и напослѣдокъ вошли въ кабинетъ Валицкой, матери любимой подруги Цециліи, Ольги Алексѣевны.

Валицкая, женщина очень богатая, женщина чрезвычайно строгая во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ и сужденіяхъ, вполнѣ заслуживала уваженія свѣтскаго общества, для котораго нѣтъ ни будущаго, ни прошедшаго. Она ревностно платила свой долгъ добродѣтели и нравственности, тѣмъ болѣе, что принялась за это нѣсколько поздно, ни мало не думавъ о подобной платѣ въ теченіе лучшей половины своей жизни, но потомъ убѣдясь въ ея необходимости, она—надо ей отдать эту справедливость, — съ неимовѣрнымъ усердіемъ старалась внести вышеупомянутый долгъ со всѣми накопившимися процентами.

Вѣроятно, нѣтъ никого довольно неопытнаго, чтобы удивиться тому, что Вѣра Владиміровна, несмотря

на свою всегдашнюю непорочность, и на свои неумолимыя правила, была въ дружескихъ сношеніяхъ съ Валицкой. Кому приходитъ на умъ заботиться о томъ, какова была прошедшая молодость женщины, которая давно ведетъ жизнь самую пристойную, и сверхъ того, принимаетъ лучшее общество, даетъ прекрасные балы, и всегда готова оказать услугу своимъ друзьямъ. Строгій свѣтъ иногда такъ добродушенъ: смотря по обстоятельствамъ, онъ глядитъ съ такимъ христіанскимъ чувствомъ снисхожденія на людей сильныхъ, на женщинъ знатныхъ и богатыхъ. И притомъ, въ аристократическомъ, образованномъ мірѣ, все угловатое такъ сглажено, все рѣзкое такъ притуплено, на каждое уродливое и гнусное дѣло есть такія пристойныя слова и названія, все такъ устроено для большаго удобства, что всякій срамъ, среди этихъ превосходныхъ условій, катится какъ по маслу, безъ затрудненія и шума. Если бы какой-нибудь неучъ упомянулъ въ любомъ салонѣ о нѣкоторыхъ прежнихъ приключеніяхъ Валицкой, онъ бы никого не нашелъ, кто бы про нихъ вѣдалъ, и получилъ бы въ отвѣтъ, что это, вѣрно, клевета, выдуманная на счетъ умной и милой женщины, которая въ своей молодости была развѣ только, можетъ быть, нѣсколько вѣтрена. Вообще въ собраніяхъ свѣтскихъ не любятъ говорить о какомъ-нибудь развратѣ, вѣроятно, по той же причинѣ,

по которой, въ старинныя времена, не любили упоминать о чортѣ, опасаясь его присутствія.

Итакъ, Валицкая, среди этого цивилизированнаго общества, была, какъ выражались на иноземномъ языкѣ: parfaitement bien posée. Вѣра Владиміровна же находила еще свои особенныя выгоды въ этомъ знакомствѣ. Тонъ салона Валицкой удовлетворялъ вполнѣ ея желаніямъ; она знала, что нигдѣ не отыщетъ круга болѣе строгаго и осторожнаго, что нигдѣ Цецилія не могла быть безопаснѣе, что тутъ ей нельзя было услышать ни единаго легкомысленнаго слова или намека. И опытъ доказалъ, до какой степени, полагаясь на истину французской пословицы, что въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ, Вѣра Владиміровна была права, потому, что у Натальи Афанасьевны Валицкой, въ этомъ смыслѣ, не упоминалось даже и о ниточкѣ.

Узнавъ о пріѣздѣ Цециліи, Ольга Валицкая сошла поспѣшно въ кабинетъ матери. Обѣ молодыя дѣвушки, разставшись наканунѣ вечеромъ, обнялись какъ послѣ годовой разлуки, сѣли на диванчикъ въ углу, нѣсколько минутъ пошептали вмѣстѣ, и потомъ опять вскочили.—Maman,—сказала Ольга,—мы пойдемъ въ мою комнату; и она съ Цециліей скользнула изъ дверей.

Вѣра Владиміровна поглядѣла имъ въ слѣдъ:

— Какъ Ольга похорошѣла!—замѣтила она.

— Cécile вдвое лучше, — отвѣчала Валицкая,—но надо пристально наблюдать за ея здоровьемъ, оно все еще нѣсколько разстроено. Вы очень хорошо дѣлаете, что не везете ее нынче на балъ къ княгинѣ Аннѣ Сергѣвнѣ.

— Да, это благоразумнѣе, и я не поѣду, хотя меня вчера княгиня очень просила. Какая милая и достойная женщина!

— Рѣдко добрая мать,—сказала Валицкая.

-- И счастливая мать,—прибавила Вѣра Владиміровна;—князь Викторъ замѣчательный молодой человѣкъ.

Лицо Валицкой сдѣлалось важнѣе и она возразила, потупя дѣвственно взоръ.

— Къ сожалѣнію, нельзя вполнѣ одобрить его поведеніе.

— Конечно,—отвѣчала Вѣра Владиміровна голосомъ, созвучнымъ съ нравственной интонаціей Валицкой;—но не должно судить и слишкомъ строго; гдѣ же найти молодого человѣка, который бы болѣе или менѣе незаслуживалъ подобнаго упрека?—потомъ года берутъ свое, и добродѣтельная жена можетъ совершенно исправить легкомысленнаго мужа.

Валицкая бросила съ боку на свою пріятельницу мгновенный взглядъ, который значилъ: Ага!—и едва замѣтно закусила губы.

— Я сама думала не ѣхать на этотъ балъ,— ска-

зала она,—но Ольга меня упросила, ей чрезвычайно хочется видѣть молодыхъ, для которыхъ онъ дается; она такой ребенокъ! танцуетъ и забавляется, какъ десятилѣтняя. Я этимъ, впрочемъ, очень довольна. Вы знаете, что я совершенно раздѣляю ваши правила на счетъ воспитанія, и должно признаться, что вы ихъ приложили какъ нельзя успѣшнѣе. Cécile лучшее доказательство ихъ справедливости.

Вѣра Владиміровна, съ весьма самодовольной скромностью стала играть своимъ лорнетомъ.

— Да, я могу признаться, что мои старанія не пропали. Cécile совершенно то, что я хотѣла изъ нея сдѣлать. Ей всякая мечтательность вовсе чужда, я умѣла дать большой перевѣсъ ея разуму, и она никогда не будетъ заниматься пустыми бреднями; но, конечно, я съ нея, такъ сказать, не спускала глазъ.

— Первая обязанность матери,—замѣтила Валицкая;—мы должны умѣть читать въ душѣ нашей дочери, чтобы предугадать всякое вредное впечатлѣніе, и сберечь ее во всей дѣтской невинности!

Между тѣмъ, какъ маменьки такъ разсуждали въ кабинетѣ, ихъ дочери разговаривали совсѣмъ иначе въ Ольгиной комнатѣ. Тамъ сидѣла тоже пожилая англичанка, но все ея вниманіе было обращено на какое-то безконечное одѣяло, которое она вязала съ незапамятныхъ временъ; при томъ же она, какъ обыкновенно всѣ наши англичанки, едва ли пони-

мала болѣе двадцати русскихъ словъ, и потому Ольга, усѣвшись возлѣ подруги, тотчасъ завела русскій разговоръ.

— Такъ тебя не везутъ нынче вечеромъ на балъ къ княгинѣ?

— Нѣтъ, maman говоритъ, что я слишкомъ устану, что мнѣ должно беречься.

— Ты точно нынче очень блѣдна, что съ тобою?

— Голова болитъ; я дурно спала; представь, Ольга, я видѣла во снѣ того, про котораго вчера у насъ говорили, что онъ утромъ умеръ.

— Богъ съ тобой! да кто же это вчера утромъ умеръ?

— Сама не знаю; помнишь, говорили за чаемъ про кого-то.

— Ты вѣчно во снѣ видишь пустяки и разные ужасы. Ахъ! какъ жаль, что ты не ѣдешь на балъ, Онъ дается для молодыхъ и, говорятъ, будетъ прекрасный. На молодой будетъ нарядъ, выписанный изъ Парижа, а хочешь видѣть мое платье?

Не дождавшись отвѣта, Ольга позвонила:

— Маша! покажи мое платье.

Горничная принесла прелестное, воздушное платье, съ таліей, граціозно убранною чудесными лентами, съ двойною юбкою, одна накинутая на другую, какъ розовый туманъ; платье восхитительное! Цецилія занялась имъ и вполнѣ оцѣнила его достоинство.

— Кто сшилъ? Madame André?

— Да, насилу согласилась; у ней заказано одиннадцать платьевъ къ нынѣшнему вечеру; я до смерти боялась, что не успѣетъ. Какъ досадно, что ты не ѣдешь!—я уже почти на всѣ танцы ангажирована; мазурку обѣщала князю Виктору.

— Что же князь Викторъ?—спросила Цецилія въ полголоса,—ѣдетъ въ Петербургъ?

Ольга потупила глаза и отвѣчала еще тише:

— Не знаю, можетъ быть, поѣдетъ.

— То-есть, какъ тебѣ будетъ угодно?

— Нѣтъ, душенька,—шепнула Ольга, пожимая руку своей наперсницы,—нѣтъ еще; Богъ знаетъ, что будетъ. Только, ради Христа, не говори никому. Maman мнѣ строго запретила проронить слово объ этомъ, и особливо съ тобой; ты знаешь, она воображаетъ, что тебѣ самой хочется пойти за князя Виктора. Она не знаетъ, что ты думаешь о другомъ.

Цецилія улыбнулась, и черезъ нѣсколько минутъ горничная Маша вошла съ докладомъ:

— Цецилія Александровна! васъ маменька приказали позвать; они тотчасъ изволятъ ѣхать.

Обѣ подруги сбѣжали внизъ. Вѣра Владиміровна уже стояла съ Валицкой въ залѣ, готовая отправиться домой; пожилыя пріятельницы пожали другъ другу руку, молодыя обнялись раза съ три и, наконецъ, рѣшили разстаться.

На лѣстницѣ своего дома Вѣра Владиміровна встрѣтила племянника.

— Здравствуй, Serge! куда ты?

— Я отъ васъ, ma tante, заѣзжалъ узнать о вашемъ здоровьѣ, а теперь спѣшу къ Ильичеву, мы съ нимъ обѣдаемъ у Шевалье.

— Такъ, я тебя не хочу задерживать, до свиданья, мой другъ.

Она взошла нѣсколько ступенекъ, и опять остановилась:

— A propos, Serge; послушай!

— Что угодно, ma tante?

— Вѣдь, ты, кажется, знаешь этого молодого человѣка, какъ его, котораго мнѣ Ильичевъ вчера представилъ: литераторъ?

— Знаю, ma tante.

— Такъ сдѣлай милость, привези мнѣ его въ будущую субботу, съ тѣмъ, чтобъ онъ кое-что прочелъ; вчерашній вечеръ былъ какъ-то неудаченъ, и эта суббота будетъ послѣдняя, такъ надо ее чѣмъ-нибудь наполнить. Настоящая эпитимья.

— Очень хорошо, ma tante, я вамъ литератора доставлю.

— Да, пожалуйста, не забудь.

— Помилуйте!

Племянникъ сбѣжалъ внизъ; тетушка вошла къ себѣ.

Почти всѣ знакомые Вѣры Владиміровны были въ этотъ этотъ день на упомянутомъ балѣ, такъ что она провела вечеръ у себя очень тихо; съѣхались, однако, у нея двѣ старыя дамы, и одна немолодая; онѣ съ хозяйкой дома взялись вчетверомъ за преферансъ, лучшее препровожденіе времени въ подобныхъ случаяхъ. Мужъ Вѣры Владиміровны (упоминая о немъ, его обыкновенно называли мужемъ Вѣры Владиміровны, и онъ самъ, разъ какъ незнакомецъ спросилъ его, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить, представился ему подъ этимъ названіемъ)—мужъ Вѣры Владиміровны былъ, какъ всегда, въ клубѣ.

У Цециліи голова къ вечеру очень разболѣласъ; она, разливши чай, попросила позволенія идти ложиться спать.

— Изволь, мой другъ,—сказала мать,—но не послать ли за докторомъ?

— Нѣтъ, maman, это ничего; я завтра буду здорова.

Она поцѣловала руку матери, пошла къ себѣ и легла.

Необыкновенное утомленіе, вѣроятно, послѣдствіе утреннихъ разъѣздовъ, владѣло ею; было тяжело на сердцѣ, неизвѣстно почему; она долго лежала безъ сна, съ закрытыми глазами. Болѣе и болѣе усталость тяготѣла надъ ней; мысли затихали, сонъ налеталъ; она забыла все;—а сквозь это забвеніе въ

глубинѣ души таилось какое-то невнятное воспоминаніе. Туманнымъ покрываломъ ее какъ кто-то обложилъ, и словно она спускалась тихо-тихо-тихо и вдругъ по членамъ пробѣжала дрожь:

Какъ будто бы пришлось свершиться чуду...
„Да,—какъ вчера,—ты здѣсь!.. ты вновь со мной!“—
„Я вновь съ тобой! тебѣ я вѣренъ буду;
Я ждалъ тебя,—я призванный,—я твой.“—

Кто-жъ ты?—
Я то, что ты искала
Въ сіяньи звѣздной высоты;
Я грусть твоя средь шума бала,
Я таинство твоей мечты;
Чего умомъ не постигала,
Что сердцемъ понимала ты.—
Ты мыслей въ міръ несясь богатый,
Его границъ не перешла ль?
Безвѣстнымъ не была ль полна ты!
И не глядѣла ли ты въ даль!
Тебѣ, незнающей утраты,
Чего-то не было ли жаль!

Они сидятъ въ сіяньи лунномъ оба,
И имъ поетъ сребристая струя.
„Да, это ты!—живой ты всталъ изъ гроба!
Возможно ли? иль сплю и брежу я?“

Что невозможно, что возможно,
Какъ знать земному существу?
Быть можетъ, тамъ все было ложно,
Быть можетъ, здѣсь ты на яву.—

Та узница людского края,
Та жертва жалкой суеты,
Обычная раба слѣпая,
Та малодушная—не ты.—

Тебя они сковали съ дѣтства,
Твой вольный спеленали умъ;
Лишили вѣчнаго наслѣдства,
Свободы чувствъ и царства думъ.

И подъ ярмомъ желѣзнымъ вѣка,
Затихъ въ груди святой порывъ;
Но въ грѣшномъ тѣлѣ человѣка.
Господень духъ остался живъ.

Такъ хоть на мигъ же мимолетный
Вспорхни ты вольною душой:
Есть въ прахѣ жизни край безплодный,
Средь міра ихъ есть міръ другой.

Поймешь ты тайну вдохновеній,
Жизнь духа проживешь вполнѣ;
Что на яву узнаетъ геній,
Узнаешь ты, дитя, во снѣ.

И позабудешь, что узнала;
Не отравлю я дней твоихъ,
Не подниму я покрывала
Съ твоихъ очей въ странѣ слѣпыхъ.—

И тамъ мое замолкнетъ слово,
Моей любви исчезнетъ слѣдъ;
Меня, средь говора людского,
Ты какъ пустой припомнишь бредъ.

Но слетитъ молчанья фея,
Міръ заснетъ, какъ тихій домъ,
И молитвой пламенѣя,
Станутъ звѣзды предъ Творцомъ.

И невѣдомо приду я
Съ дивнымъ сномъ къ тебѣ въ тиши;
Тайной силой поцѣлуя
Цѣпь сниму съ твоей души.

Чтобъ взнеслось святое пѣнье
И повѣялъ ѳиміамъ,
И зажглось богослуженье
Вновь въ тебѣ, безмолвный храмъ.

———

III.

Послѣдняя суббота Вѣры Владиміровны очень удалась; явился желанный поэтъ. Общество въ этотъ вечеръ состояло изъ самыхъ избранныхъ любителей и любительницъ литературы; такого рода кругъ въ теперешнее время составить вовсе не трудно потому, что литературу чрезвычайно уважаютъ, и въ особенности дамы съ нѣкоторыхъ поръ такъ о ней заботятся, что только по едва замѣтнымъ признакамъ возможно угадать, что онѣ не въ самомъ дѣлѣ принимаютъ въ ней живое участіе. Итакъ, поэтъ явился, застѣнчивый, не совсѣмъ ловкій молодой человѣкъ, въ не совсѣмъ свѣжихъ перчаткахъ. Онъ вошелъ съ нѣкоторымъ чувствомъ робкой гордости въ этотъ освѣщенный и просвѣщенный салонъ, гдѣ такія важныя особы, такія прекрасныя женщины собрались его слушать, но имъ всѣмъ было теперь не до него. Племянникъ Вѣры Владиміровны привезъ къ ней неожиданно только что прибывшаго въ Москву путешественника, испанскаго графа, преинтереснаго, смуглаго, гордаго карлиста, съ блестящими глазами.

Онъ, разумѣется, сдѣлался тотчасъ предметомъ общаго вниманія, средоточіемъ всѣхъ женскихъ взоровъ, центромъ салона. Всѣ присутствующія дамы занялись имъ, съ тѣмъ страстнымъ стараніемъ угодить человѣку пріѣзжему, понравиться посѣтителю чужому, съ той извѣстной, неизлѣчимой привѣтливостью, которая иногда до того добродушна и ревностна, что становится нѣсколько непристойна, и дѣлаетъ насъ часто смѣшными, а нашихъ иностранныхъ гостей почти всегда наглыми. Бѣдный литераторъ остался въ углу, вовсе незамѣченный; да что же тутъ и удивительнаго, что никто даже не взглянулъ на него, при такомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ?

Вѣдь, московскимъ дамамъ литераторы не въ диковину, а испанскій графъ для нихъ еще невидальщина. Но часа черезъ два графъ уѣхалъ, и тогда хозяйка дома взялась за поэта. Она къ нему подошла и очень любезнымъ образомъ высказала свое и общее нетерпѣніе и ожиданіе обѣщаннаго чтенія, потомъ усадила его у стола, а слушателей вокругъ него, сама великодушно занявъ самое видное и близкое къ нему мѣсто, гдѣ уже нельзя было ни шепнуть, ни зѣвнуть. Бѣдный молодой человѣкъ нѣсколько смутился, сталъ перелистывать свою тетрадь, и не зналъ, что изъ нея выбрать. По всему было видно, что онъ въ первый разъ готовился за-

нять собою этотъ разрядъ людей, отдѣляющихся отъ остального человѣчества, и составляющихъ тотъ надменный *свѣтъ*, такъ наивно названный, для котораго нѣтъ иного въ Господней вселенной.

По причинѣ Цециліи и другихъ присутствующихъ барышенъ, чтенію надлежало быть совершенно нравственному и невинному; итакъ, робкій поэтъ, въ недоумѣніи, рѣшился, наконецъ, прочитать свой неизвѣстный переводъ „Колокола“ Шиллера, кашлянулъ и произнесъ скромнымъ голосомъ: „Пѣснь о Колоколѣ“. Послѣдовало минутное молчаніе; нѣкоторыя граціозныя головки двинулись впередъ, нѣсколько розовыхъ губокъ умильно улыбнулось, нѣсколько милыхъ слушательницъ устремило на юнаго поэта свои привѣтливые взоры, и между тѣмъ, вспомнили про себя, что, кажется, эта пьеса очень длинна. Ободренный такимъ лестнымъ вниманіемъ, молодой человѣкъ началъ читать, сперва въ полголоса, потомъ звучнѣе и живѣе. Онъ былъ до того молодъ и неопытенъ, что читалъ свои стихи при этомъ аристократическомъ обществѣ съ тѣмъ же жаромъ, съ какимъ говорилъ ихъ въ своей скромной комнатѣ, наединѣ съ самимъ собой; онъ былъ до того закаленъ въ огнѣ поэзіи, что не чувствовалъ вѣющаго отъ всѣхъ этихъ лицъ свѣтскаго холода. Онъ провелъ передъ ними тотъ рядъ волшебно смѣющихся картинъ: мирное дѣтство, бурную юность, и восторги

любви, и спокойствіе счастья, и бѣду, низверженную съ неба, пламень пожара, мракъ опустошенія, и смерть матери; и потомъ, вдали, поляны въ блескѣ вечера, съ медленными, возвращающимися стадами, тихо сходящую ночь, и благодатный порядокъ, и внезапный мятежъ; радости жизни и бѣдствія, звучно провозглашенныя тѣмъ молитвеннымъ, роковымъ отзывомъ колокола, и, наконецъ, съ горячихъ устъ его слетѣли послѣднія, вдохновенныя слова:

„И будь отнынѣ такого
Предназначенія его.
Тамъ средь небеснаго объема,
Высоко надъ землей взнесенъ,
Пусть плаваетъ, сосѣдомъ грома,
И съ міромъ звѣздъ граничитъ онъ.
Пусть будетъ свыше гласъ священный,
Какъ всѣхъ созвѣздій хороводъ;
Пусть славитъ онъ Творца вселенной,
И щедрый провожаетъ годъ.
Лишь то, что свято, что всевластно,
Гласи онъ мѣднымъ языкомъ;
И мимолетомъ, ежечасно,
Пусть время бьетъ въ него крыломъ.
Да будетъ онъ глаголомъ рока,
Надъ всѣмъ безчувственно стоя,
Да возвѣщаетъ издалека

Игру земного бытія.
И поражая быстротечно
Могучимъ звукомъ насъ съ высотъ,
Да учитъ онъ, что все невѣчно,
Что все подлунное пройдетъ."

Тетрадь выпала изъ рукъ его,—онъ замолчалъ.

— C'est délicieux! c'est charmant! шепнули нѣкоторые голоса.

Вѣра Владиміровна повторила съ чувствомъ:

— C'est charmant!—и поблагодарила поэта за доставленное удовольствіе.

— Какъ это хорошо!—сказала Цецилія на ухо сидящей возлѣ нея Ольгѣ.

— Очень хорошо,—отвѣчала Ольга, смотря пристально въ лорнетъ на кого-то.

Послѣдовало короткое молчаніе.

— Да,—молвилъ одинъ низенькій, миловидненькій господинъ, лѣтъ пятидесяти,—эта мысль о времени очень счастлива, но немного растянута на нѣмецкій манеръ. Какъ сжато и сильно умѣлъ ее выразить въ двухъ стихахъ Jean Baptiste Rousseau:

„Le temps, cette image mobile
„De l'immobile Eternité".

Одна изъ прелестныхъ сосѣдокъ литератора наклонилась поближе къ нему и спросила съ участіемъ:

— Сколько времени стоилъ вамъ этотъ прекрасный переводъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ бѣдный, смущенный молодой человѣкъ.

Она отвернулась съ едва замѣтной улыбкой.

— Дѣйствительно хорошіе стихи,—сказалъ, усѣвшійся очень спокойно въ большихъ креслахъ, худощавый, серьезный мужчина, князь какой-то,—но это— онъ на минуту умолкъ, понюхалъ табаку, протянулъ правую ногу на лѣвую, и продолжалъ свою рѣчь: но это поэзія не современная, мы уже недовольствуемся пустой мечтательностью, мы требуемъ дѣла. Въ нашъ вѣкъ, поэтъ долженъ такъ же содѣйствовать поколѣнію трудолюбивому; поэзія должна быть полезна, она должна клеймить какой-нибудь порокъ, и вѣнчать какую-нибудь добродѣтель.

Вѣра Владиміровна вступилась за Шиллера.

— Позвольте, князь!—замѣтила она,—мнѣ кажется, вы не совсѣмъ правы на счетъ стихотворенія; въ немъ есть много нравоучительнаго и истинно полезнаго.

— Да,—прервалъ князь разгорячаясь своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ,—но все это какъ-то не довольно живо, не довольно разительно, мы хотимъ ясно видѣть цѣль всякаго стихотворенія. Поймите это,—продолжалъ онъ, обращаясь къ литератору,— ваше призванье теперь важнѣе прежняго, нравствен-

нѣе, выше. Пишите стихи противъ жестокосердія эгоистовъ, противъ разврата лекомысленной юности, расшевелите совѣсть злодѣя, — и вы будете поэтомъ современнымъ. Мы признаемъ только полезное человѣчеству.

Бѣдный молодой поэтъ подумалъ, можетъ быть, что чувствовать и мыслить, любить и молиться, также нѣсколько полезно для человѣчества, но онъ смолчалъ.

Вѣра Владиміровна хотѣла было попросить его прочесть еще какое-нибудь стихотвореніе, но, взглянувъ на присутствующихъ, она замѣтила, что они всѣ казались нѣсколько утомлены поэтическимъ наслажденіемъ. Притомъ было уже и довольно поздно, такъ что вечеръ ея могъ благополучно кончиться безъ помощи какой бы то ни было художественной примѣси. И въ самомъ дѣлѣ, общество любителей литературы мало-по-малу разошлось, съ очень довольнымъ видомъ; и еще на лѣстницѣ слышались похвалы:

— Молодой человѣкъ съ талантомъ.

— А испанецъ будетъ завтра у меня.

— Онъ очень интересенъ.

— Чудесные глаза.

— Какой пріятный вечеръ!

„Особенно тѣмъ, что кончился“ — промолвилъ ми-

моходомъ спесивый юноша, надвигая бойко шляпу на брови.

Черезъ часъ послѣ чтенія, богатый салонъ былъ пустъ, и Цецилія, передъ своимъ туалетомъ завивала на ночь свои густыя, черныя кудри.

Ей было какъ-то странно и неловко; въ ея памяти невольно повторялись нѣкоторые изъ слышанныхъ стиховъ, и мелькали снова ей такъ живо представленныя видѣнья, и все это выходило вовсе изъ обычныхъ предѣловъ ея мыслей.

Цецилія была воспитана въ страхѣ Бога и общества; заповѣди Господни и законы приличія были равновѣсны въ ея понятіяхъ; нарушить, даже мысленно, первыя и послѣднія, казалось ей равно невозможно и невообразимо; а Вѣра Владиміровна, хотя, какъ уже доказано, очень уважала и любила поэзію, но все-таки считала неприличнымъ для молодой дѣвушки слишкомъ заниматься ею. Она весьма справедливо опасалась всякаго рода развитія воображенія и вдохновенія, этихъ вѣчныхъ враговъ приличій. Она такъ осторожно образовала душевныя способности своей дочери, что Цецилія, вмѣсто того, чтобъ мечтать о маркизѣ Позѣ, объ Эгмонтѣ, о Ларѣ, и тому подобномъ, могла мечтать только о прекрасномъ балѣ, о новомъ нарядѣ и гуляньи перваго мая.

Вѣра Владиміровна, какъ уже извѣстно, очень

гордилась этимъ удачнымъ воспитаніемъ; тѣмъ болѣе, можетъ быть, что оно свершилось не безъ труда, что, вѣроятно, стоило времени и умѣнья, чтобы истребить въ душѣ врожденную жажду восторга и увлеченія; но какъ бы то ни было, Цецилія, готовая для высшаго общества, затвердивши наизусть всѣ его требованія и уставы, никогда не могла сдѣлать противъ нихъ малѣйшаго прегрѣшенія, незамѣтнѣйшей ошибки, ни въ какомъ случаѣ не могла забыться на минуту, возвысивъ голосъ на полтона, вскочить со стула, увлечься разговоромъ съ мужчиной до того, чтобы бесѣдовать съ нимъ на десять минутъ долѣе, чѣмъ слѣдовало, или взглянуть направо, когда должно было глядѣть налѣво. И нынѣ она, осьмнадцатилѣтняя, такъ привыкла къ своему умственному корсету, что не чувствовала его на себѣ болѣе своего шелковаго, который снимала только на ночь. У ней, разумѣется, были и таланты, но таланты умѣренные, пристойные, des talents de société, какъ называетъ ихъ весьма точно языкъ преимущественно общественный. Она пѣла очень мило, и рисовала также очень мило. Поэзія, какъ выше сказано, была ей извѣстна болѣе по наслышкѣ, какъ что-то дикое и несовмѣстное съ порядочнымъ образомъ жизни. Она знала, что есть даже и женщины поэты; но это ей всегда было представляемо, какъ

самое жалкое, ненормальное состоянiе, какъ бѣдственная и опасная болѣзнь.

А теперь она невольно думала объ этой странной способности души; въ ней безсознательно просыпалось сочувствiе новое и непонятное въ этой гармонiи стиха, къ этимъ созвучнымъ думамъ, къ этимъ неприличнымъ восторгамъ, и такое нежданное сочувствiе почти пугало ее: она опять приводила себѣ на умъ, что это все-таки пустыя и ненужныя бредни, которыми заниматься не должно, и такъ размышляя, она положила грацiозную головку на подушку, и осталась одна среди ночного молчанiя. Но нѣтъ— нѣтъ, сквозь дремоту, опять звучала въ ней рифма, опять слышался стихъ, и ей, полусонной, вздумалось вдругъ, что, можетъ быть, и она умѣла бы такъ говорить пѣснью... и уже засыпая, она улыбнулась этой нелѣпой мысли. А неотступное пѣнiе жужжало и звучало, и баюкало ее: все яснѣе она его слышала, и все лучше понимала и все естественнѣе казались ей гармоническiе порывы и вдохновенныя слова,—вокругъ нея, какъ будто волны катились переливныя... и какъ будто качалъ челнокъ... и несъ далеко... и точно,—берегъ гдѣ-гдѣ мелькаетъ—луна взошла...

Рѣка несется,—и шепча, льется
Въ рѣкѣ струя.

Несется мимо, неутомимо
Съ рѣкой ладья.

На встрѣчу дѣвы скользятъ напѣвы,
Средь тишины,
Какъ отзывъ дальный, какъ музыкальный
Аккордъ волны.

И самовластно, съ волной согласно,
Въ ней мысль поетъ,
И въ звучной мочи взвился средь ночи
Мечты полетъ,—

Мечты унылой и тревожной
О всемъ, что тщетно умъ хранилъ,
О тратѣ жалкой и безбожной
И лучшихъ благъ, и лучшихъ силъ,
О лжѣ житейской ихъ преграды,
О казняхъ свѣтскаго суда,
О всемъ, убитомъ безъ пощады,
О всемъ погибшемъ безъ слѣда.

— Рѣка несется, и шепча, льется
Въ рѣкѣ струя,
И съ дѣвой мимо, неутомимо
Скользитъ ладья,

Плыветъ далеко, по волѣ тока,—
И звѣздный хоръ,

Блестя широко, лучемъ упрека
Встрѣчаетъ взоръ.

Ведетъ путь млечный въ міръ безконечный
Вдали надъ ней;
И вздохъ сердечный въ той волѣ вѣчной
Взлетѣлъ грустнѣй:

„Да пройдутъ, быть можетъ, лѣта,
И настанетъ лучшій вѣкъ;
Не всегда силъ грѣшныхъ свѣта
Будетъ жертвой человѣкъ!
Можетъ быть, дни упованья,
Дни блаженства впереди,
И священныя алканья
Вновь взволнуются въ груди.
Но зачѣмъ встрѣчать упреки,
Гибнуть даромъ въ нашей мглѣ,
Безполезные пророки,
Богъ васъ нынѣ шлетъ землѣ?
Жизни горестныя чаши
Пьете тщетно вы до дна;
Людямъ чужды вѣры ваши,
Ваша пѣснь имъ не нужна“.

И мимо, мимо, неутолимо,
Скользитъ ладья;
Рѣка несется, и громче льется
Въ рѣкѣ струя.

И волнъ вся стая поетъ, сливая
Свой звучный гласъ:
И даль чужая нѣмого края
Отозвалась.

И вѣтръ летучій, въ тѣни дремучей,
Сквозь пѣнье водъ,
Сквозь гулъ созвучій, отвѣтъ могучій
Оттоль несетъ,

Они идутъ средь потрясеній,
Бросая въ міръ свой громкій стихъ;
Имъ пѣснь важнѣй людскихъ стремленій,
Имъ сны нужнѣй даровъ земныхъ.

Ихъ убѣжденьямъ нѣтъ отвѣта,
Ихъ вдохновеньямъ нѣтъ наградъ;
Но недоступны власти свѣта,
Они поютъ, они творятъ,
Не для толпы пустой отрады:—
Ей тщетно жизнь полна чудесъ,
И звѣздъ сіяютъ миріады,
И солнце блещетъ средь небесъ,—
Но чтобы люди, тайну чуя,
Ея отвергнуть не могли;
Но чтобъ поэта Аллилуія
Неслась надъ ропотомъ земли.
Но потому, что для вселенной

Неистощима благодать;
Что всюду сходитъ даръ священный
Его хоть нѣкому понять.
Что міра каждое созданье
Должно, исполнясь бытіемъ,
Свое вносить благоуханье,
Блеснуть сквозь мракъ своимъ лучемъ;
И что въ дали пустынь не даромъ
Вѣкъ цѣлый солнце пальму жгло,
Когда подъ ней, измучась жаромъ,
Склонилось хоть одно чело;
Когда въ странѣ безплодной зноя,
Одинъ пришлецъ, лишенный силъ,
Нашелъ у ней хоть часъ покоя,
И тѣнь ея благословилъ.

IV.

Прошло уже нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра Владиміровна переселилась въ одно изъ тѣхъ милыхъ готическо-фантастическихъ китайскихъ зданій, какими усѣянъ Петровскій паркъ. Тутъ также все соотвѣтствовало требованіямъ и условіямъ свѣта. Вокругъ наряднаго домика нарядный садикъ, зелень вездѣ отличная, избранная, зелень, можно сказать, аристократическая, нигдѣ ни увядшаго листика, ни сухого сучка, ни лишней травки; изгнано все, что въ божьемъ созданіи есть грубаго, пошлаго, плебейскаго. Сами кустики около дома красовались съ какой-то парижской чопорностью, сами цвѣты, усаженные, и уставленные, гдѣ только можно, принимали какой-то видъ хорошаго тона, сама природа дѣлалась неестественна.—Однимъ словомъ, все было, какъ слѣдовало быть.

Среди этой красивой и искусной декораціи стояли, въ теплый и свѣтлый іюньскій вечеръ, возлѣ нарядныхъ грумовъ, нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, изъ которыхъ три съ дамскими сѣдлами. Вокругъ

нихъ ходили и заботились пять-шесть молодыхъ щеголей; въ ихъ числѣ былъ и князь Викторъ, и недавно прибывшій Дмитрій Ивачинскій. Подальше, коляска и пара легкихъ мужскихъ экипажей ждали, заложенные и готовые. Дамы сидѣли въ салонѣ, ожидая наѣздницъ, которыя еще оканчивали свой нарядъ. Наконецъ, онѣ явились, и все общество вышло на широкое крыльцо.—Цецилія и Ольга, еще стройнѣе обыкновеннаго, въ длинныхъ, верховыхъ платьяхъ темнаго цвѣта, еще граціознѣе въ черныхъ, полумужскихъ шляпкахъ, изъ-подъ которыхъ струились густые волосы и блистали живые глаза, остановились на чугунныхъ ступенькахъ, съ хлыстиками въ рукахъ, отважныя, прекрасныя. Имъ подвели нетерпѣливыхъ коней; едва вступивъ узенькой ножкой на подставленное стремя, онѣ взлетѣли на нихъ, дернули поводомъ, и понеслись, опережая мужчинъ, съ той безумной женской смѣлостью, которая такъ далека отъ храбрости.

Третья всадница была одна изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ и полезныхъ пріятельницъ, которыми обыкновенно запасаются умныя, свѣтскія женщины. Она принадлежала къ безчисленному множеству барышенъ, у которыхъ нѣтъ денегъ, нѣтъ и красоты, нѣтъ даже и привлекательнаго ума, этой тщетной и недостаточной замѣны тѣхъ важнѣйшихъ достоинствъ.—Но за то Надежда Ивановна была не-

обходима для Валицкой, за то Надежда Ивановна раздѣляла всѣ увеселенія этого блестящаго круга, и она, бѣдная, ежедневно и неутомимо ставила свой толстый станъ, свое тридцатилѣтнее, пошлое лицо, свое скудное платье, возлѣ стройной таліи, свѣжаго личика, и чудесно искуснаго наряда Ольги, и, вѣроятно, сама не понимала всего своего самоотверженія, а, можетъ быть, и понимала, какъ знать? — Есть люди, которые готовы платить кровью жилъ своихъ за то, чтобы коснуться высшаго общества, и будто бы участвовать въ его забавахъ.

Цѣль прогулки было Останкино.

Уже кавалькада, сопровождаемая экипажами, неслась вдоль свѣжей и широкой рощи, которую народъ, съ врожденнымъ ему смысломъ, избралъ для своихъ увеселеній и сдѣлалъ своей неоспоримою собственностью, оставляя пыльный Петровскій паркъ, и песчаные Сокольники людямъ болѣе просвѣщеннымъ.—Цецилія скакала впередъ; она съ дѣтской радостью предавалась прелести верховой ѣзды, быстрому влеченію этой живой силы, этой полусвободной воли, которая ее уносила и которою она управляла. И притомъ вечеръ былъ прекрасенъ, поле широко, воздухъ живителенъ, небо бездонно ясно.— Она ударила лошадь хлыстикомъ, и помчалась во весь опоръ. Ею овладѣло какое-то непонятное опьяненіе; ей вдругъ захотѣлось ускакать отъ всей

жизненной неволи, отъ всѣхъ зависимостей, отъ всѣхъ необходимостей. Она неслась съ блестящими глазами, съ распущенными кудрями. Внезапно кто-то поровнялся съ ней, и чужая рука схватила поводья ея лошади и остановила ее.

— Васъ лошадь понесла,—сказалъ князь Викторъ,

Цецилія опомнилась и перевела духъ:

— Нѣтъ, я ее пустила.

— Какъ вы насъ напугали,—продолжалъ онъ, и прибавилъ въ полголоса:—какъ вы меня напугали!

— Будто бы?

— Вы этому не вѣрите?

Она улыбнулась, поправила волосы, надвинула шляпку на лобъ, и поѣхала шагомъ. Князь остался возлѣ нея и продолжалъ разговоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ послышался имъ неистовый галопъ, и Ольга пролетѣла мимо съ Дмитріемъ Ивачинскимъ; Ольга смѣялась.

Но въ коляскѣ Валицкая не спускала лорнета съ глазъ и очень заботилась о Цециліи. Вѣра Владиміровна сидѣла возлѣ нея, съ болѣе довольнымъ, чѣмъ испуганнымъ лицомъ, и увѣряла свою пріятельницу, что Цецилія очень хорошо ѣздитъ верхомъ, и что ея лошадь самая вѣрная, и ни мало ея не понесла. Валицкая не могла убѣдиться, и до того была встревожена, что раза два прибѣгнула къ своей золотой касолеткѣ.

Наконецъ, всѣ они благополучно докатились и доскакали до входа въ Останкинскій садъ. Наѣздники соскочили и сняли съ лошадей разгоряченныхъ наѣздницъ. Въ одной бесѣдкѣ готовился для общества чай съ плодами и мороженымъ. Между тѣмъ, отправились гулять. Цецилія и Ольга шли впередъ, окруженныя мужчинами. Осторожная Вѣра Владиміровна убѣдилась быстрымъ взглядомъ, что ея услужливый племянникъ Serge совершенно понялъ нѣсколько ему прошептанныхъ ею словъ, и занималъ очень усердно Ольгу, а что князь Викторъ былъ возлѣ Цециліи, и добрая, предусмотрительная мать, сопровождаемая Надеждой Ивановной, послѣдовала за молодежью, очень довольная своими стратегическими распоряженіями. Валицкая шла послѣдняя, взявъ руку Дмитрія Ивачинскаго, шла скромно и медленно, и разговаривала съ нимъ о прелести вечера и о свѣжей прохладѣ Останкинскаго парка. Они незамѣтно нѣсколько отстали отъ другихъ; Валицкая продолжала разговоръ своимъ кроткимъ, тихимъ голосомъ. (Она всегда говорила вполголоса).

— Мы, кажется, идемъ вокругъ всего парка: я боюсь, что прогулка слишкомъ продлится и что намъ придется ѣхать домой въ сумеркахъ. Который теперь часъ, Дмитрій Андреевичъ? на мнѣ часовъ нѣтъ.

Дмитрій, который и не подозрѣвалъ, къ чему мо-

жетъ иногда вести невиннѣйшій вопросъ: который часъ? вынулъ часы и отвѣчалъ простосердечно:— безъ четверти восемь.

— Я не знаю,—продолжала Наталья Аѳанасьевна,— позволю ли я Ольгѣ ѣхать домой верхомъ; я этой ѣзды всегда боюсь. Я давеча донельзя испугалась, какъ лошадь понесла Цецилію.

— Да, Цецилія Александровна увѣряетъ, что ее лошадь совсѣмъ не понесла.

— Вздоръ, я сама видѣла. Да какъ же вы тотчасъ же поскакали за нею! она была на волосъ отъ смерти.

— Да, я... я не замѣтилъ; она была впереди.

— Хороши же вы господа! однако, князь Викторъ тотчасъ же замѣтилъ, и помчался безъ ума, чтобы остановить лошадь.

Дмитрій чуть-чуть улыбнулся.

— Это доказываетъ, что князь Викторъ расторопнѣе меня.

Валицкая тоже немного улыбнулась, отвѣчая:

— Это доказываетъ, можетъ быть, и что-нибудь другое.

Улыбка осталась на лицѣ Дмитрія.—Я думаю,— сказалъ онъ,—что князь Викторъ никогда не будетъ подверженъ опасности влюбиться.

— Почему же? Цецилія чрезвычайно мила; да она будетъ и очень хорошая партія. Старая тетка, по-

слѣ смерти сына своего, намѣрилась сдѣлать ее своей единственной наслѣдницей, я это знаю навѣрно; а у старухи имѣніе очень значительное, и она едва ли долго проживетъ; мнѣ Вѣра Владиміровна еще вчера говорила о ея совершенно разстроенномъ здоровьи. Вѣра Владиміровна ее искренно любитъ, и очень о ней заботится и тужитъ. Бѣдная Вѣра Владиміровна! ей угрожаетъ еще другое горе, несравненно высшее. Въ ея молодомъ сынѣ развивается та же бѣдственная болѣзнь, которая, какъ вы знаете, убила въ первомъ возрастѣ уже трехъ дѣтей несчастной матери. Цецилія, вѣроятно, останется ея единымъ утѣшеніемъ.

И, при этой грустной мысли, Валицкая со вздохомъ поникла головой, и прекратила разговоръ.

Дмитрій Ивачинскій былъ добрый человѣкъ, даже благородный человѣкъ, въ обыкновенномъ значеніи этого слова; но почему доброму и благородному человѣку не желать вдобавокъ быть и богатымъ. Какъ для большей части нашего поколѣнія, деньги, и даже много денегъ, были для него нужнѣйшей стихіей жизни. Онъ самъ имѣлъ изрядное состояніе; но къ чему служитъ въ нашъ вѣкъ изрядное состояніе, какъ развѣ къ тому, чтобы безпрестанно ограничивать свои желанья, и живѣе и болѣзненнѣе чувствовать всю необходимость богатства? Цецилія ему давно нравилась, но онъ ее полагалъ такъ назы-

ваемою безприданницею, и очень благоразумно и справедливо разсчитывалъ, что если съ пятнадцатью тысячами годового дохода ему, холостому, и можно было (по его выраженію) жить кое-какъ, то женатому будетъ плохо. Ума притомъ ограниченнаго, онъ обыкновенно глядѣлъ только туда, куда ему указывали; и теперь, слѣдуя указанію, онъ въ первый разъ увидѣлъ Цецилію въ другомъ освѣщеніи, и въ необыкновенно для нея выгодномъ. Онъ рѣшительно не желалъ смерти ни брату ея, ни даже старой теткѣ, но такъ какъ ему невозможно было никакими силами спасти ни бѣднаго мальчика, ни доброй старушки, то онъ сталъ ихъ считать уже похороненными. А Цецилія была рѣшительно премилая, прехорошая и предобрая дѣвушка; дѣвушка, которая могла сдѣлать мужа пресчастливымъ.

Размышляя объ этомъ, Дмитрій шелъ молча, возлѣ Валицкой, которая также молчала и думала про себя, что съ нѣкоторыми людьми неимовѣрно легко справиться.

Воротились къ бесѣдкѣ, гдѣ прислуга ждала съ чаемъ, и усѣлись. Валицкая подошла къ дочери, стоявшей поодаль, повидимому, чтобы поправить ей волосы, совсѣмъ развитые ѣздой; этотъ материнскій трудъ продлился минутъ въ десять, вслѣдствіе чего Ольга взяла Цецилію подъ руку, и пошла съ ней бродить по обширному партеру. Никто изъ мужчинъ

не смѣлъ вмѣшиваться въ эту дружескую бесѣду; видно было, что онѣ обѣ говорили очень живо, особенно Ольга. Мать ея глядѣла издали, и могла замѣтить, что Цецилія сначала имѣла видъ довольно серьезный; но вскорѣ она стала веселѣе, и потупила глаза съ премилой улыбкою. Тогда Наталья Аѳанасьевна оборотилась къ столу, и съ большимъ удовольствіемъ стала кушать мороженое, которое уже давно стояло передъ нею.

Накушавшись, нагулявшись, стали собираться ѣхать домой; Дмитрій Ивачинскій подвелъ лошадь Цециліи и подставилъ руку ступенькой для стройной ножки.

— Цецилія Александровна,—сказалъ онъ полушопотомъ, поправляя длинное ея платье;—позвольте мнѣ ѣхать съ вами рядомъ; вы меня давеча такъ испугали, что я совсѣмъ потерялся.

— Вы имѣли время и опомниться,—отвѣчала она.

— О! когда я опомнился, вы были уже спасены рыцарскимъ княземъ, и я не смѣлъ помѣшать вамъ въ изъявленіи вашей благодарности.

Цецилія слегка засмѣялась очень весело, взглянула быстро на Дмитрія, и поскакала. Въ этомъ полусмѣхѣ, въ этомъ полувзглядѣ было позволеніе, о которомъ онъ просилъ, и они вмѣстѣ пустились черезъ зеленый лугъ, на который уже сумерки бросали легкую тѣнь, и восходящая луна блѣдные лучи. Покинутый князь Викторъ сталъ ухаживать за Оль-

гой, считая это, въ наивности своего благоговѣнія къ себѣ, жестокою местью за обиду, нанесенную ему Цециліей. Лошади бѣжали живѣе на возвратномъ пути, и вскорѣ донеслись до цѣли.

У крыльца Дмитрій соскочилъ, и подошелъ къ Цециліи, чтобы снять ее. Она шагнула, прыгнула, опираясь на его поднятую руку; и въ теченіе полуминуты эта охраняющая, твердая рука пожала ручку нѣжную, какъ будто бы она ее никогда выпустить не хотѣла. Цецилія вошла поспѣшно въ домъ, раскраснѣвшись уже не отъ верховой ѣзды.

А вы, Вѣра Владиміровна, въ эту роковую минуту, вы спокойно выбирались изъ коляски. Гдѣ же былъ вашъ зоркій глазъ, осторожная мать? гдѣ же былъ вашъ неизбѣжный лорнетъ?

Наступала уже полночь, когда Цецилія, раздѣвшись, отослала горничную, и въ легкомъ пенюарѣ сѣла у открытаго окна своей уютной комнатки. Теплый, едва движимый ночной воздухъ вѣялъ ей въ лицо. По небу проносились тихія тучи; кругомъ все было пусто. Великолѣпная ночь отнимала даже у Петровскаго парка его чопорную пошлость. Виднѣлся только таинственный просторъ, чернѣли только массы деревъ, мерцали только кое-гдѣ огоньки спокойныхъ жилищъ. Широколистный кленъ предъ окномъ чуть роптал ъ. Поодаль ходилъ сторожъ и пѣлъ. Протяжная русская пѣсня раздавалась въ тишинѣ,

полная грусти смиренной, раздольной, безпредѣльной, какъ страна.

На всѣхъ царемъ служба сказана.
Мому милому давно явлена;
На всѣхъ царемъ по коню дали,
Мому милому коня не дали;
Коня не дали, ѣхать не на чемъ.
Ты, мой милой другъ, заложи меня,
Заложи меня, ты купи коня;
Послужи службу, службу выслужишь,
Коня выучишь, меня выручишь.
И всѣ домой попріѣхали,
Мово милаго и вѣсти нѣтъ;
Одинъ конь бѣжитъ, на немъ знакъ лежитъ,
На немъ знакъ лежитъ, пухова шляпа,
Во шляпѣ-то мой шелкòвъ платокъ.
Мнѣ не жаль платка, въ шляпѣ носится,
Мнѣ жаль дружка, съ иной водится,
Съ иной водится, со мной ссорится.

Долго сидѣла Цецилія, въ тихомъ, неопредѣленномъ раздумьи. Наконецъ, усталая, легла, еще слушая унылый напѣвъ, и слыша только собственныя мысли и думы; печально усыпляли ее дальніе звуки, радостно убаюкивали сердечныя мечты. Листья подъ окномъ перешептывались...

Тихій часъ, просторъ туманный,
Теплота и пустота;
Ходитъ въ рощѣ шорохъ странный.
Шепчутъ листья, какъ уста;
Теменъ долъ благоуханный,
Свѣтлозвѣздна высота.

И фонтанъ, въ дали сверкая,
Сыплетъ слезы безъ числа;
Слышится, въ объемѣ края,
Будто тихая хула.
Въ сердцѣ радость молодая
Тяжкимъ горемъ залегла

Тамъ идутъ, какъ духи ночи,
Тѣни черной чередой;
Тамъ возникнетъ въ строгой мочи,
Посѣтитель роковой.
Глубоко вперились очи
Въ мракъ бездонный и нѣмой.

И сливаяся съ родною,
Тайной жалобой тиши,
Съ грустно шепчущей струею,
Съ ропотомъ лѣсной глуши,
Напоенныя тоскою
Полились слова души:

„Смирись! смирись! что спрашивать напрасно?
Ужель намъ всѣмъ удѣлъ нашъ незнакомъ?
Недаромъ, грусть ты входишь ежечасно
Въ грудь женскую, какъ въ собственный свой домъ.

Безсильному когда была пощада?
И кто его уважитъ бытіе?
Не ты одинъ хранишь, утесъ Левкада,
Печальное преданіе свое!

О, гласъ любви и самоотверженья!
Ведешь ты насъ къ обманамъ и бѣдамъ.
Восторга лучъ, святыя откровенья,
Дары небесъ! вы безполезны намъ.

Все суета! высокія призванья,
Порывы чувствъ, и радости мечта,
И всѣ борьбы, и жертвы, и страданья,
Дѣла земли — все та же суета!

Смолкнулъ вздохъ. И свѣтлымъ привидѣньемъ
Онъ стоитъ передъ лишенной силъ;
И, взглянувъ къ лучамъ ночныхъ свѣтилъ,
Съ горестнымъ любви благословеньемъ,
На главу ей руку положилъ.

И катясь, какъ мощныхъ волнъ разливы,
Носятся созвучно передъ ней

Чувствъ ея и грустныхъ думъ отзывы,
Но яснѣй, и строже, и полнѣй:

—Что ищешь ты, безумница младая?
Взгляни кругомъ, о чемъ хлопочетъ міръ!
Всю жизнь свою призраку посвящая,
Повѣрь ему; найди себѣ кумиръ!

И наряди его въ твои мечтанья,
И счастья жди, упрямое дитя!
На пылъ души, на сердца изліянья
Отвѣтитъ онъ, скучая иль шутя.

Твою любовь вознаградитъ порою
Разсѣянный, поспѣшный поцѣлуй.
Ты, женщина! умѣй владѣть собою,
Сомкни уста, и душу ты закуй!

Сдержи порывъ, уйми свои ты стоны,
Свою слезу учи не кануть съ вѣждъ!
Ты, женщина! живи безъ обороны,
Безъ прихоти, безъ воли, безъ надеждъ.

Рабовъ нужды, слѣпыхъ сыновъ заботы
Въ свой тайный міръ, въ міръ сердца не зови:
Ихъ съ каждымъ днемъ ждутъ новыя работы,
Имъ время нѣтъ для счастья и любви.

Но ты храни священныя химеры,
Но ты, въ душѣ обманутой своей,
Умѣй сберечь завѣтъ нетлѣнной вѣры
Въ тревогѣ ихъ языческихъ страстей.

Не вѣдай ты безплодной ихъ свободы,
Отъ дѣла ихъ свое отстổрони;
Пускай спѣшатъ, пускай шумятъ народы,
Не спрашивай, о чемъ шумятъ они.

Иди, смирясь; иди опять къ пустынѣ,
Къ свершенію напраснаго труда;
Иди опять къ тому, что̀ было нынѣ,
Что будетъ вновь и завтра, и всегда,

И у конца томительной дороги,
Спроси, къ чему такъ много тяжкихъ дней,
Зачѣмъ Творца велѣнія такъ строги,
И немочныхъ зачѣмъ удѣлъ труднѣй!

V.

Около недѣли послѣ прогулки въ Останкино, въ началѣ знойнаго дня, Вѣра Владиміровна съ дочерью кушала чай на своемъ балконѣ, въ тѣни нѣсколькихъ тощихъ, запыленныхъ, сыроватыхъ деревъ. Передъ садикомъ блистала на солнцѣ, во всей своей яркости, широкая, бѣлая дорога; вѣтеръ взвивалъ по ней мелкій песокъ; по обѣимъ сторонамъ виднѣлись одинъ за другимъ, красивые столбики тротуара; напротивъ стоялъ точно такой же нарядный домикъ съ балкономъ, цвѣтникомъ, деревцами и зеленой рѣшеткой. По понятіямъ обѣихъ дамъ было еще очень рано, то-есть около десяти часовъ, и онѣ, завтракая, наслаждались тѣмъ, что представляли себѣ природой и утромъ. Цецилія была блѣднѣе и молчаливѣе обыкновеннаго; она безсознательно чувствовала въ себѣ что-то непривычное и неудобное, съ чѣмъ она не умѣла справиться.

Ея душа была такъ обдѣлана, ея понятія такъ перепутаны, ея способности такъ переобразованы и изувѣчены неутомимымъ воспитаніемъ, что всякій

жизненный вопросъ затруднялъ и стращалъ ее. Материнскіе уроки и нравоученія были ей, въ отношеніи къ жизни, точно также полезны, какъ полезны, относительно къ Шекспиру и Данте, безконечные коментаріи усердныхъ ученыхъ, которыхъ, прочитавъ, не поймешь уже и самаго яснаго и простого смысла въ твореніи поэта. Ея нравственность и разсудокъ улучшили такъ же произвольно и тщательно, какъ улучшали бѣдныя деревья въ Версальскихъ садахъ, безсовѣстно обстригивая ихъ въ колонны, вазы, шары, пирамиды; такъ, что это представляло что угодно, только не дерево. Впрочемъ, матери въ родѣ Вѣры Владиміровны, вѣроятно, нѣсколько понимаютъ возможныя послѣдствія своей методы, потому что онѣ всѣ неимовѣрно спѣшатъ сбыть съ рукъ усовершенствованныхъ дочерей, и возложить на другого опасную обязанность, тяготѣющую на нихъ.

По звонкому шоссе прогремѣлъ передъ домомъ быстрый экипажъ, и остановился у подъѣзда.

— Наталья Аѳанасьевна,—сказала Цецилія, взглянувъ; и Наталья Аѳанасьевна вошла съ Надеждой Ивановной.

— Bon jour, chère! вы меня не ожидали такъ рано; но я боюсь жара; вѣдь, мнѣ надо проѣхать весь паркъ, чтобы васъ увидѣть, я встала нынче по деревенскому, et me voilà. Что же вы дѣлаете?

— Да ничего особеннаго,—отвѣчала Вѣра Владиміровна;—Cécile была эти два дня не совсѣмъ здорова, но нынче ей уже лучше, да и у меня сегодня сильное головокруженіе. А Ольга?

— Ольга здорова; она спѣшитъ кончить свой коверъ для нашей лотереи. Кстати, сколько вы помѣстили билетовъ?

— Только двадцать, да восемь дала Сергѣю.

— Пожалуйста, постарайтесь раздать и остальные; у меня ихъ еще остается съ пятьдесятъ; но я дамъ завтра половину княжнѣ Алинѣ, она мастерица ихъ помѣщать. A propos, ѣдете вы нынче на похороны бѣдной Стенцовой?

— Да, кажется, должно бы,—отвѣчала Вѣра Владиміровна;—мнѣ вчера княгиня Анна Сергѣвна сказала, что и она поѣдетъ; только я не знаю, какъ мнѣ быть; я нынче рѣшительно такъ нездорова, что не въ силахъ простоять во время всей службы; я думаю въ церковь не ѣхать, а просто сѣсть въ карету и проводить до кладбища, такъ, изъ уваженія къ старой матери.

— Очень хорошо, и я точно также сдѣлаю; мнѣ нынче утромъ пропасть дѣлъ необходимыхъ, я въ церковь не поспѣю, а пріѣду только къ концу церемоніи. Итакъ, мы можемъ ѣхать вмѣстѣ. Если вы хотите, заѣзжайте за мной, вамъ по дорогѣ.

— Именно. Какая неожиданная смерть!

— Да, она, бѣдная, еще была на послѣднемъ вечерѣ у княгини.

— Точно; я тамъ съ ней говорила. Какихъ она лѣтъ умерла?

— Лѣтъ около тридцати двухъ; но она казалась старше.

— Очень жаль ея! она была премилая и предобрая женщина. Мужъ долженъ быть внѣ себя.

— Ну мужъ-то, кажется, въ себѣ,—отвѣчала Валицкая съ легкой улыбкой.—Да и не о чемъ ему слишкомъ грустить; его счастье было незавидное.

— Да, говорятъ. Впрочемъ, она его очень любила.

— Да, любила по-своему; можетъ быть, и слишкомъ. По крайней мѣрѣ, онъ самъ объявлялъ, что желалъ бы уменьшить эту любовь.

— Ужели онъ не успѣлъ въ этомъ? — спросила Вѣра Владиміровна.

— Да кажется, что нѣтъ, какъ ни старался.

— Вѣра Владиміровна вспомнила о присутствіи Цециліи, и воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы помѣстить нравственное правило.—Во всѣхъ проступкахъ мужа,--сказала она строгимъ голосомъ,—виновата жена. Ея долгъ умѣть привязывать его къ себѣ, и заставить любитъ добродѣтель.—Съ этимъ Валицкая была, разумѣется, совершенно согласна.

Разговоръ продлился еще нѣсколько минутъ по-

добнымъ образомъ, потомъ Наталья Аѳанасьевна встала.

— Итакъ, прощайте покамѣстъ; я вамъ оставлю Надежду Ивановну; вы мнѣ ее ужо привезете назадъ. А tantôt; да, пожалуйста, не опоздайте, будьте у меня въ два часа.

Она уѣхала; а Надежда Ивановна, вслѣдствіе долговременной привычки, ни мало не изумляясь тому, что ею такъ простосердечно располагали, какъ вещью, которая берется и дается въ займы, вынула изъ кармана полуоконченный кошелекъ, назначенный также для дня благотворительной лотереи, и принялась его вязать.

Видъ парка мало-по-малу измѣнялся, тротуары становились многолюднѣе, дорога шумнѣе, пыль гуще и обильнѣе; катились коляски, скакали верхомъ блистательные мужчины; шли по сторонамъ шоссе привлекательныя дамы, воспользоваться прохладой полуденной. Другіе усѣлись на свои балконы и терассы, подъ тѣнью широкихъ маркизъ. Оживился весь этотъ условный, богатый, спесивый бытъ.

Простолюдиновъ уже не видно было, работники ушли домой. Развѣ гдѣ, подъ кустомъ, отдыхающій мужикъ, услыша вдругъ какой-нибудь неистовый грохотъ колесъ, или галопъ коня, приподнималъ немного голову, взглядывалъ спокойно и ложился опять, дивуясь молча.

Настало время утреннихъ визитовъ; салонъ Вѣры Владиміровны посѣтили двѣ-три дамы, пять-шесть мужчинъ. Пріѣхалъ и Дмитрій Ивачинскій, явился и князь Викторъ. Заговорили опять о скоропостижной смерти Стенцовой и пожалѣли объ умершей.

— Она была очень недурна,—сказалъ князь Викторъ.

— Слишкомъ смугла, — молвила Надежда Ивановна.

Князь оглянулся на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ, не ожидавъ неприличности возраженія отъ этой живой мебели, и продолжалъ лѣниво:

Очень недурна, замѣчательные глаза, только прескучная.

— Женщина довольно пустая,—сказала одна дама,— я съ ней никогда не могла проговорить болѣе десяти минутъ, и то съ трудомъ.

— Она, къ сожалѣнію, была женщина безразсудная,—отвѣчала Вѣра Владиміровна,—и не умѣла сохранить любовь мужа, которому она была обязана всѣмъ своимъ состояніемъ.

— Состояніе не огромное,—замѣтилъ Дмитрій Ивачинскій,—шестьсотъ душъ.

— Да въ томъ числѣ и Костромскія,—прибавилъ какой-то толстый господинъ, у котораго были души Тамбовскія и Ярославскія.

— Счастье, что нѣтъ дѣтей,—сказала другая дама,— Стенцовъ, вѣрно, опять женится.

— Да уже и догадываются, на комъ,—промолвилъ толстый господинъ, съ несносно замысловатымъ смѣхомъ.

Въ продолженіе этого разговора Цецилія сидѣла у окна за пяльцами. Дмитрій Ивачинскій всталъ съ своего мѣста, подошелъ, приближаясь къ этому окну, къ недалеко усѣвшейся Надеждѣ Ивановнѣ, и началъ съ ней говорить что-то, глядя, между тѣмъ, пристально и неотступно, на порожній табуретъ возлѣ Цециліи.

Подобную реторику не объясняетъ ни одна мать, и понимаетъ каждая дочь. Цецилія подняла тихо глаза, съ благосклоннымъ, нѣмымъ отвѣтомъ на скромный вопросъ, и опустила ихъ вдругъ строго и непривѣтливо. Противъ нея, прислонясь къ двери балкона, стоялъ князь Викторъ съ едва замѣтной улыбкой и смущающимъ взглядомъ. Послушный Дмитрій остался за стуломъ Надежды Ивановны, а князь медленно пріосанился, пошелъ прямо къ завѣтному табурету, и сѣлъ на него, не спросясь. Цецилія нагнула краснѣющее лицо къ стоящимъ возлѣ нея цвѣтамъ, и долго выбирая, сорвала вѣточку геліотропа. Князь заговорилъ о вчерашнемъ водевилѣ и будущей скачкѣ. Цециліи нельзя было не слушать и не отвѣчать. Князь, говоря, протянулъ небрежно руку на пяльцы, гдѣ Цецилія играла сор-

ванной вѣткой, и взялъ ее. Вѣра Владиміровна, спокойно сидя въ своихъ длинныхъ креслахъ, слѣдила незамѣтно за всѣми его движеніями. Присутствующія дамы, такъ же искусно, какъ и она, видѣли все то, на что онѣ не обращали вниманія, но всѣ были достаточно образованы, и знали, что благоразумной матери слѣдуетъ поступать строго только съ бѣдными претендентами, и что неумѣстны законы утонченнѣйшихъ приличій съ тѣмъ, кто можетъ, въ замѣну взятаго цвѣточка, дать полмилліона ежегоднаго дохода.

Князь, минутъ черезъ десять, слегка зѣвнулъ, всталъ, чуть-чуть наклонился, вышелъ и умчался въ своемъ заграничномъ экипажѣ, въ своемъ заграничномъ платьѣ, съ своимъ заграничнымъ умомъ, оставляя измятую вѣточку геліотропа на полу, и обиженнаго Дмитрія возлѣ Надежды Ивановны.

Цецилія, изъ своего окна, взглянула въ слѣдъ бурнымъ воронымъ, уносившимся въ пыльномъ облакѣ. Пожалѣла ли она внутренно о томъ, что у Дмитрія такой упряжи не было? замѣтила ли про себя, что его русскій кучеръ неимовѣрно терялъ въ сравненіи съ англійскимъ грумомъ князя? подумала ли, что всѣ женщины позавидовали бы той, которая пролетѣла бы мимо ихъ въ этомъ обворожительномъ произведеніи лондонскаго fashion?.... она взглянула мгновенно, и наклонилась на свое шитье.

Въ салонѣ шелъ споръ, довольно живой:

— Прелестная свадьба,—сказалъ кто-то.

— Она очень умно поступила,—утверждала одна дама,—ихъ состоянiе совсѣмъ разстроено, имѣнiе должно было продаваться съ молотка; долговъ множество. Она изыскала себѣ зятя, который все поправитъ и заплатитъ.

— Monsieur Chardet! — отвѣчалъ разговаривающiй мужчина.

— Да, хоть и Monsieur Chardet,—возразила она;— онъ, право, человѣкъ очень порядочный.

— Точно ли онъ богатъ?

— Разумѣется,—онъ дѣлалъ какiя-то превыгодныя дѣла,—Софья съ нимъ будетъ очень счастлива.

— Онъ ей подарилъ чудесный изумрудный нарядъ, сказала другая дама; я его вчера видѣла.

— Все-таки непрiятное средство спасенiя.

— Помилуйте,—вы отстаете отъ вѣка; что значатъ въ такомъ случаѣ аристократическiе предразсудки! теперь мезаллiансы очень въ модѣ. Жоржъ Зандъ придала какую-то прелесть простолюдинамъ.

— Развѣ вы Жоржъ-Зандистка? —спросилъ ее, улыбаясь Дмитрiй Ивачинскiй.

— Въ нѣкоторомъ отношенiи; я очень люблю народный элементъ.

— За исключенiемъ народныхъ нагольныхъ тулуповъ,—замѣтилъ онъ.

— Да, разумѣется, — но есть въ самомъ дѣлѣ мужики прекрасные, ихъ можно видѣть съ удовольствіемъ, только, конечно, не у себя въ гостяхъ.

Между тѣмъ, время проходило; салонъ Вѣры Владиміровны опустѣлъ.

— Cécile,—сказала она,—мнѣ пора ѣхать на похороны; ты остаешься съ мистрисъ Стивенсонъ; я, можетъ быть, возвращусь поздно; мы, вѣроятно, съ Натальей Афанасьевной вечеромъ побываемъ у матери Стенцовой, да еще кое-гдѣ; такъ не дожидайся меня и ложись спать заблаговременно; ты все нездорова. Прощай, мой другъ!

Вѣра Владиміровна уѣхала съ Надеждой Ивановной, и Цецилія осталась одна съ мистрисъ Стивенсонъ, то-есть совершенно одна. Ей было рѣшительно не по себѣ. Что тяготѣло въ ея душѣ, этого она не могла себѣ растолковать, и не слишкомъ старалась. Она себѣ не дѣлала единственно нужнаго вопроса, она не спрашивала себя, любитъ ли она въ самомъ дѣлѣ Дмитрія Ивачинскаго. По ея понятію, тутъ не было сомнѣнія. Но она не знала, что ей должно было дѣлать, какъ дойти до исполненія своихъ желаній, какъ поступить! Если-бъ она была въ состояніи понять, что истинное чувство затрудняться и колебаться не можетъ, что съ той минуты, гдѣ сознаніе естественно и ясно, такъ же ясно и естественно дѣйствіе, потому, что оно сдѣлалось необ-

ходимостью, а для необходимости препятствій нѣтъ; еслибъ ее научили глядѣть въ лицо какой-нибудь правдѣ, еслибъ она могла догадаться, что значитъ *любить*... Но гдѣ была возможность, когда не только это чувство, не только понятіе о немъ, но и самое слово всегда было отъ нея отдалено и отброшено, какъ чумная вещь? когда всѣ старанія вели къ тому, чтобы подавить въ ней всякія духовныя силы, убить все внутреннее существованіе! А молодая грудь все-таки не могла разучиться трепетать, а сердце все-таки не могло отречься отъ бытія и любви; и взыскивающая, нетерпѣливая душа была готова обнять облако и призракъ вмѣсто небожительницы!— Она теперь смутно и безотчетно чуяла что-то ложное, но что и гдѣ?—во внутреннемъ или внѣшнемъ ея бытѣ, этого она не смѣла отыскивать и уяснять... увы! вся ея жизнь была только долгая и безпрерывная ложь!

Къ вечеру ея нѣсколько лихорадочное состояніе усилилось. Мистрисъ Стивенсонъ посовѣтовала ей напиться малины и лечь,—она легла. Несвязныя мысли бродили въ головѣ; она вспомнила и о поѣздкѣ въ Останкино, и о нынѣшнемъ утрѣ, и о князѣ Викторѣ, и объ этой бѣдной, только что похороненной женщинѣ, которая, еще не много дней тому назадъ, сидѣла передъ ней, напряженная и веселая... Становилось поздно...—она глубоко задумалась,—долго ея

глаза смотрѣли въ полумракъ спальни, но вечеръ темнѣлъ, спальня начинала исчезать предъ глазами, наконецъ, исчезла и тьма широкая легла;—но что-то издали сверкало и свѣтлѣло... и было много лицъ, и много тамъ огней:—между тѣмъ, въ тѣни таинственно завѣтной, *Его* чуть внятный вздохъ повѣялъ вновь надъ ней...

И, между тѣмъ, опять носился шумъ нестройный,
Тѣснилася толпа среди блестящихъ залъ;
Струилося вино, шелъ пиръ заупокойный;
И гулъ вокругъ стола ширѣлъ и возрасталъ,
И звонкія слова смѣняли рѣчь глухую,
Улыбки ожили, проснулась клевета;
Стучалась дерзостно и въ доску гробовую
Неотразимая, мірская суета.
А тамъ, вдали, луна всходила,
А тамъ, въ безвѣстности ночной,
Чернѣла новая могила,
Уже забытая толпой.
И липы, шепча межъ собою
На непонятномъ языкѣ,
Качали тихо головою
Въ своей таинственной тоскѣ.
И заливалася поляна
Слезами крупными росы,
И въ легкомъ сумракѣ тумана

Двѣ забѣлѣли полосы.
Два дуновенья близъ могилы
Повѣяли въ пустынной тьмѣ;
Два голоса слились, унылы,
Съ роптаньемъ листьевъ на холмѣ.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

И ты скрестила въ гробѣ руки,
Оставя міра шумъ вдали,
И всѣ борьбы, и всѣ разлуки,
И всѣ стремленія земли!
Свой чистый перлъ въ житейскомъ морѣ
Искала, бѣдная, и ты;
И ты угасла въ тщетномъ горѣ,
Добыча пагубной мечты!

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Она въ сей міръ вступила для того ли,
Чтобъ праздно жить и безполезно пасть?
И не грѣшна ль слѣпая трата воли?
И не стыдна ль безумной думы власть?
Гдѣ дань ея? гдѣ жизненное дѣло?
Чѣмъ разочлась душа ея съ землей?
Въ лицо судьбы она взглянула ль смѣло?
Не солгала ль она себѣ самой?
Не уняла ль мочь внутренняго зова?

Свершила ль долгъ, препорученный ей?
Пошла ль впередъ? искала ль жизни слово?
Своей тоски была ль она сильнѣй?

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Она ярмо земныхъ стѣсненій
Не приняла въ земномъ краю;
Не усумнилась средь сомнѣній,
Не убоялася въ бою.
Любила горестно и страстно,
Въ чужія вѣрила сердца;
И до конца ждала напрасно,
И уповала до конца.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Зачѣмъ роптать на вѣчные законы?
Возможности не признавать межи?
Трудовъ святыхъ не замѣняютъ стоны;
Жизнь лучше словъ, и правда выше лжи.
Кто виноватъ, что мочи ей не стало
Глядѣть на путь, измѣрить крутизну,
Не ждать чудесъ, людей понять съ начала,
И на себя надѣяться одну!
Зачѣмъ, обманъ встрѣчая ежедневной,
Отъ ложныхъ вѣръ она не отреклась?
И въ пагубной алхиміи душевной
Высокихъ благъ истратила запасъ?

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Сильнѣй обидъ, сильнѣй обмана
Былъ въ ней любви священный жаръ;
Въ ней не могла затихнуть рана,
Не могъ изсякнуть грустный даръ.
Кто зналъ, въ томъ мірѣ лживо-строгомъ,
Гдѣ скорбь постыдна и смѣшна,
Какъ безутѣшно передъ Богомъ,
Смиряясь плакала она?
Какія жертвы приносила?
Какой въ груди ропталъ вопросъ?
Въ какой грозѣ ея вѣтрило,
Противясь долго, порвалось?
Нѣтъ! кто стремился непонятно
Къ тому, что въ жизни не сыскать,
Кто могъ, обманутый стократно,
Сберечь надежды благодать;
Кто на землѣ душой измѣрилъ,
Избытокъ тѣхъ надземныхъ силъ,
Не виноватъ онъ въ томъ, что вѣрилъ,
Не виноватъ онъ, что любилъ!

———

VI.

Приближался день, который Вѣра Владиміровна всегда праздновала, день рожденія Цециліи. И въ этотъ разъ она дѣлала разныя приготовленія, чтобы его провести какъ можно веселѣе: обѣдъ, концертъ, bal champêtre, ужинъ, все только возможное учреждалось съ большимъ стараніемъ и съ большими издержками. Веселіе людей высшаго круга неимовѣрно дорого. Въ этотъ день Цецилія, просыпаясь, нашла на своемъ диванѣ материнскіе подарки: два прелестныя платья, одно для обѣда, другое для вечера, и чудеснѣйшій, изъ Парижа выписанный, кружевной шарфъ. Въ теченіе утра она получила дюжины двѣ букетовъ, и дюжины три дружескихъ записокъ, всѣ одного и того же содержанія, на которыя должно было отвѣчать одно и тоже, разнымъ образомъ. Свѣтскія женщины дошли до этого изумительнаго искусства, варіировать разъ тридцать фразу, которая и съ перваго раза ничего не значитъ. Потомъ пріѣхала Валицкая съ дочерью (другихъ въ это утро не принимали), Цецилія пошла съ Ольгой въ

садикъ, немного отдохнуть отъ переписки. Онѣ усѣлись въ самый уголокъ, гдѣ было нѣсколько тѣни, и заболтали между собой, поговорили о двадцати разныхъ предметахъ, потомъ голосъ Ольги сдѣлался еще тише и таинственнѣе.

— Послушай,—сказала она,—ты погубишь Ивачинскаго, онъ такъ былъ убитъ твоимъ вчерашнимъ равнодушіемъ, что съ отчаянія всю ночь проигралъ въ карты у Ильичева, и былъ совсѣмъ, какъ безумный.

— Кто тебѣ сказалъ?—спросила Цецилія.

— Двоюродный братъ разсказывалъ маменькѣ, онъ тамъ былъ, и видѣлъ Дмитрія. Ты его право доведешь до Богъ знаетъ чего; онъ сдѣлается игрокомъ.

Это говорила не сама Ольга, это былъ урокъ ея матери.

Одна Валицкая знала всю силу и наивность женскаго самолюбія, одна Валицкая вѣдала, до какой степени мужчина становится интереснѣе для женщины, и ей милѣе, какъ скоро она видитъ возможность измѣнить его по своему, исправить отъ порока, спасти отъ гибели. Чѣмъ важнѣе опасность, чѣмъ бездоннѣе пропасть, готовая его проглотить, тѣмъ лучше, тѣмъ выше торжество, тѣмъ соблазнительнѣй успѣхъ, тѣмъ пріятнѣе протянуть погибающему спасительную ручку, слабую и всесильную. Валицкая

рѣшила, что Цецилія должна была сдѣлаться женою Дмитрія, чтобы не сдѣлаться какъ-нибудь женою князя Виктора, и Валицкая шла къ цѣли; а Ольга, съ своей стороны, имѣя такъ же въ виду сберечь для себя драгоцѣннаго князя, и не очень будучи увѣрена въ Цециліи въ этомъ отношеніи, была, хоть слишкомъ молода, чтобы придумать нужные рычаги, но довольно умна, чтобы ихъ употребить по материнскому указанію. Въ словарѣ языка свѣтскаго такого рода поступки называются ловкими или смышлеными.

Цецилія, вмѣсто отвѣта, склонила голову и задумалась. Но въ этотъ день ей долго задумываться было некогда; приходило время одѣваться къ обѣду. Валицкая уѣхала съ дочерью, чтобы также одѣться и вернуться часа черезъ два; а Цецилія пошла въ свою комнату, позвала горничную, и сѣла передъ туалетомъ, распуская свои черныя косы. Она до того была занята мечтами и мыслями, что не обращала ни малѣйшаго вниманія на свою прическу, надъ которой трудилась Аннушка;—она, глядя въ зеркало, думала только объ Ольгиныхъ словахъ. Итакъ, она могла довести Дмитрія до отчаянія!—возможность всегда лестная и удовлетворительная для женщины, вслѣдствіе которой она стала ожидать его съ большимъ нетерпѣніемъ.

Но какъ эти думы ею ни обладали, нельзя же

было не развлечься хоть на нѣсколько времени, надѣвая новое, прекрасное платье! и въ самомъ дѣлѣ, когда она, готовая, остановилась передъ зеркаломъ, оно ей представило такую граціозную картину, что она, смотря въ него, совершенно поняла сердечныя терзанія бѣднаго Дмитрія.

Обѣдъ былъ, какъ всѣ обѣды такого рода, длинный и скучный. Кромѣ мужа Вѣры Владиміровны и двухъ-трехъ на него похожихъ гостей, которые кушали съ большимъ аппетитомъ, всѣ ждали конца, болѣе всѣхъ Цецилія и Ольга; потому что князь Викторъ и Дмитрій должны были пріѣхать только вечеромъ. Справившись съ обѣдомъ, сумѣли еще провести часа два съ удовольствіемъ, не очень замѣтнымъ. Наступило, наконецъ, время концерта; умноженное общество втѣснилось въ залу, и стало слушать, очень терпѣливо, варіаціи и фантазіи, аріи и дуэты, аккомпанированныя ежеминутнымъ двиганьемъ стульевъ, которые ставили пріѣзжающимъ. Концертъ заключалъ итальянскій дуэтъ, пѣтый Ольгой и Цециліей; онъ, разумѣется, былъ восхитителенъ, потому что взятъ изъ самой новой оперы, и, разумѣется, восхитилъ слушателей до нельзя. Весь тройной рядъ токовъ и чепцовъ передъ фортепіянами заколебался; всѣ, въ углахъ и вдоль стѣнъ, безжалостно стиснутые мужчины захлопали съ буйнымъ восторгомъ; только что вышедшій въ двери Дмитрій

Ивачинскій такъ не щадилъ себя, что въ куски изорвалъ свои перчатки; самъ князь Викторъ аппладировалъ болѣе, чѣмъ когда онъ въ Парижѣ слушалъ Гризи. Однимъ словомъ, дуэтъ произвелъ огромный эффектъ, послѣ котораго всѣ разошлись въ садъ съ искренней радостью.

Цецилія взяла Ольгу подъ руку, и побѣжала съ ней въ свою комнату, чтобы укрыться отъ всеобщей благодарности, поправить прическу и переодѣться для бала. Въ дверяхъ стоялъ Дмитрій Ивачинскій; онъ ей поклонился и прошепталъ пять-шесть словъ; Цецилія кивнула головой и промелькнула.

— Ольга!—сказала она,—вбѣжавши къ себѣ въ верхъ, и приглаживая передъ зеркаломъ темныя струи своихъ волосъ,—ты ангажирована на мазурку?

— Со вчерашняго утра,—отвѣчала Ольга такимъ довольнымъ голосомъ, что нельзя было сомнѣваться, кѣмъ она была ангажирована.—А ты?

— Только что съ минуту тому назадъ,—сказала Цецилія еще довольнѣе ея, бросая на диванъ свой чудесный шарфъ.

Ей было необыкновенно весело, какъ-то буйно и отважно весело. Она предавалась новымъ увлекательнымъ впечатлѣніямъ, она темно понимала какія-то невѣдомыя возможности. Дочь Евы вкушала запрещенный плодъ; молодая плѣнница дохнула вольнымъ, ароматнымъ, незнакомымъ воздухомъ, и опьянѣла

отъ него. Этого никогда не хотѣла предвидѣть Вѣра Владимiровна; этого никогда не предвидятъ эти благоразумныя, предусмотрительныя, осторожныя женщины. Онѣ совершенно надѣются на свои материнскія старанiя; онѣ неимовѣрно послѣдовательны съ дочерями. Вмѣсто духа онѣ имъ даютъ букву, вмѣсто живого чувства, мертвое правило, вмѣсто святой истины, нелѣпый обманъ, и имъ часто удается сквозь эти искусныя, предохранительныя потемки довести благополучно дочь свою до того, что называется хорошая партiя. Тогда ихъ цѣль достигнута, тогда онѣ спутанную, обезсиленную, невѣдающую и непонимающую оставляютъ на волю Божiю, и потомъ спокойно садятся за обѣдъ, и ложатся спать. И эту же дочь онѣ шестилѣтнюю не рѣшались оставить одну въ комнатѣ, опасаясь, чтобъ она не упала со стула. Но тогда дѣло шло о тѣлесныхъ ранахъ; кровь бросается въ глаза, физическая боль пугаетъ; это не душевное, безвѣстное, нѣмое страданiе.

Еслибъ такъ поступали дурныя матери, можно бы утѣшиться: дурныхъ матерей не много.

Но это дѣлаютъ самыя добрыя матери, и будутъ дѣлать безконечно. И всѣ эти воспитательницы были молоды, были также воспитаны. Неужели онѣ остались до того довольны своей жизнью и собою, что рады возобновить опытъ на своихъ дѣтяхъ? неужели всякая нелѣпость также живуча, какъ тѣ гадины,

которыя, разрѣзанныя на куски, продолжаютъ существовать? Развѣ эти бѣдныя женщины не плакали? не обвиняли себя и другихъ? не искали напрасно помощи? не испытали ничтожества имъ данныхъ опоръ? не познали горькаго плода этого сѣмени лжи?..

А можетъ быть, многія и нѣтъ! есть невѣроятные случаи и странныя исключенія. Бывали примѣры, что люди падали съ третьяго этажа на мостовую, и оставались невредимы; почему не столкнуть и дочь?

А опять таки и то сказать: такъ многое забывается въ жизни, годы такъ странно измѣняютъ и переработываютъ насъ! Такъ много молодыхъ, восторженныхъ мечтателей дѣлаются со временемъ откупщиками и винокурами; такъ много юныхъ беззаботныхъ лѣнивцевъ сибирскими золотопромышленниками; такъ много вѣтренныхъ негодяевъ безжалостными карателями всякаго увлеченія. Время—странная сила!

Когда обѣ подруги сошли вмѣстѣ внизъ, въ своемъ бальномъ нарядѣ, и явились среди гостей, онѣ были истинно прекрасны. Ольга, въ бѣломъ платьѣ, неимовѣрно дорогой простоты, съ васильками въ бѣлокурыхъ, длинныхъ локонахъ, была удивительно хороша; но Цецилія, также вся въ бѣломъ съ вѣнкомъ бѣлыхъ розъ, накинутымъ на черныя,

гордыя косы, была лучше ея. Ольга еще искала, Цецилія уже нашла; Ольга озарялась надеждой, Цецилія сіяла торжествомъ. Въ ея лицѣ, въ ея улыбкѣ, во всякомъ взглядѣ, во всякомъ движеніи было что-то даже слишкомъ прекрасное для хорошаго тона; что-то великолѣпно-упоительное, какая-то Полтавская побѣда И это была только тѣнь любви! но любовь до того невыразимо восхитительна, что даже и тѣнь ея прелестна, и лучше всего другого.

Погода была самая благопріятная; звѣздная ночь вѣяла чудесной животворной теплотой. Балъ, такъ называемый сельскій, былъ устроенъ по примѣру одного недавно даннаго Парижскаго праздника, и въ совершенно новомъ вкусѣ. Бальной залой служилъ тщательно укатанный дворъ передъ подъѣздомъ, но кругомъ былъ тѣсно обставленъ двойнымъ рядомъ лавровыхъ и померанцевыхъ деревъ, и высокихъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Промежду вѣтвей горѣли газовыя лампы и обливали весь объемъ своимъ яркимъ свѣтомъ. Смежный садъ былъ также освѣщенъ, но слабѣе, тихими огнями въ полупрозрачныхъ фарфоровыхъ шарахъ и алебастровыхъ вазахъ. Онъ обратился въ салонъ, кабинеты и буфетъ. По немъ была искусно разставлена богатая мебель; подъ благовонными кустами стояли чайные столы, посреди разноцвѣтныхъ далій и прекрасныхъ камелій, соединенныхъ въ роскошныя кучи, плоды возвышались

пирамидами. Фантастически сіяли, сквозь темную зелень, таинственные лучи. Все это было въ самомъ дѣлѣ удивительно хорошо.

Изъ-за густой массы акацій заигралъ незримый оркестръ; балъ начался. Благодаря этой необыкновенной обстановкѣ и привлекательной новизнѣ, пристойно, лѣнивое аристократическое общество неожиданно оживилось; танцы слѣдовали быстро одинъ за другимъ, иногда слышался въ ночномъ воздухѣ легкій женскій смѣхъ; все двигалось, шумѣло и забавлялось. Съ высоты глядѣли спокойныя звѣзды, нѣсколько старыхъ деревъ стояли мрачно и неподвижно среди толпы, въ угрюмомъ молчаніи.

Время текло, танцы продолжались. Цецилія, всегда скоро утомленная, въ этотъ вечеръ не чувствовала усталости. Въ ней развивалось новое, неизъяснимое существованіе. Ей пробилъ одинъ изъ тѣхъ благодатныхъ часовъ жизни, гдѣ сердце до того самонадѣянно, что никакое счастье не можетъ его удивить. Въ эту минуту ей чудо показалось бы естественнымъ и обыкновеннымъ; она даже на него не обратила бы вниманія. Если бъ теперь одна изъ тѣхъ сіяющихъ звѣздъ упала на землю передъ ней, она бы ее просто оттолкнула ногой.

Провидѣніе даруетъ иногда земному бытію такія мгновенія!

Было около полуночи; праздникъ, какъ всегда бы-

ваетъ объ эту пору, достигъ своего самаго блестящаго момента. Вездѣ былъ гулъ и движеніе; вездѣ сквозь зелень, мелькали разноцвѣтныя одежды, вѣющіе шарфы, сверкающіе браслеты на бѣлыхъ рукахъ; вездѣ слышались голоса; шутки, насмѣшки любезности, злословіе, пошлость иныхъ, остроуміе другихъ, кокетство третьихъ, все смѣшивалось и сливалось въ одинъ всеобщій говоръ. Своей мрачною бездной сіяло странно ночное небо надъ этой суматохой; какъ-то дерзко звучали, въ темной безпредѣльности, эти рѣчи салоновъ, эти пустыя слова; какъ-то грѣшно и святотатственно шумѣлъ свѣтскій, ложный, цивилизированный бытъ въ Божьемъ, свободномъ просторѣ.

Послѣ многихъ кадрилей сидѣли, отдыхая втроемъ на диванчикѣ, въ уютномъ, полускрытомъ углу садика, Ольга, Цецилія и еще одна молодая дѣвушка. Дмитрій Ивачинскій подошелъ и сталъ говорить съ послѣдней, она смѣялась и отвѣчала ему очень весело. Внезапно раздалась мазурка. Ольга схватила за руку свою сосѣдку, говорившую съ Дмитріемъ, и побѣжала съ ней. Цецилія также встала, сдѣлала два шага, оглянулась и остановилась. Она на минуту была одна съ Ивачинскимъ.

— Дмитрій Андреевичъ,—сказала она вдругъ, прелестно краснѣя,—у меня есть до васъ просьба, не

играйте въ карты, какъ вчера у Ильичева. Вы это сдѣлаете, не правда ли? вы болѣе не будете играть?

— Не буду,—отвѣчалъ онъ,—если вы мнѣ дадите этотъ цвѣтокъ, который вырвали изъ своего букета и мнете въ пальцахъ.

Мазурка загремѣла звучнѣе, Цецилія порхнула сквозь садъ, но цвѣтокъ упалъ изъ рукъ ея на дорожку.

Она на секунду остановилась на поворотѣ: надо же было взглянуть, найдетъ ли онъ? Онъ былъ въ рукѣ за ней слѣдовавшаго Дмитрія; она слегка протянула свою, съ искреннимъ намѣреніемъ взять его назадъ; но взоръ былъ добросовѣстнѣе рукъ. Никого не оставалось въ садикѣ, Дмитрій схватилъ ея протянутые пальцы и быстро поцѣловалъ.

Двѣ минуты спустя, она съ нимъ начинала мазурку и скользила въ свѣтломъ кругу, обставленномъ стульями, среди толпы зрителей. Но кто изъ нихъ могъ видѣть, какъ нѣжно была сжата эта трепетная, въ первый разъ поцѣлованная ручка.

Это была опять таже простая, старая и вѣчно-новая повѣсть!

Дмитрій и въ самомъ дѣлѣ плѣнялся Цециліей. На него всегда удивительно дѣйствовалъ магнетизмъ чужого мнѣнія. Видя ее въ этотъ вечеръ такой блистательной и окруженной, онъ не могъ не быть довольнымъ ею, и не быть еще гораздо довольнѣе со-

бой. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ несильныхъ существъ, которыя пьянѣютъ отъ успѣха. Въ этотъ мигъ онъ уже не расчитывалъ, онъ видѣлъ себя поставленнымъ Цециліею выше всѣхъ другихъ, выше даже князя Виктора, спесиваго предмета его тайной зависти, и голова его закружилась. Въ немъ заиграло буйство юности и неодолимый порывъ, похожій на разгаръ боя, когда сражающійся слѣпо бросается вырвать знамя изъ вражьихъ рядовъ, во что бы то ни стало. Это дѣйствительно походило на любовь, можетъ быть, тутъ и вмѣшивалось нѣкоторое сердечное влеченіе; но это было только то мужское, безжалостное чувство, которое, по случаю какой нибудь неловкости со стороны женщины, его внушающей, по причинѣ какой-нибудь некрасивой прически, или не модной шляпы, готово обратиться въ злобную свирѣпость.

Но можно было побиться объ закладъ, что Цецилія не способна сдѣлать малѣйшей неловкости и всегда будетъ отлично одѣта и причесана.

Мазурка, наконецъ, прекратилась; ужинъ ждалъ на разныхъ столахъ и столикахъ, расположенныхъ въ саду. Цецилія и Дмитрій сѣли на самыхъ противоположныхъ сторонахъ; они теперь уже умышленно удалялись другъ отъ друга; это были уже два заговорщика, скрывающіе свое общество.

Праздникъ кончался, стали подавать кареты и ко-

ляски. По просьбѣ Валицкой, Дмитрій отыскалъ ея экипажъ и повелъ ее къ нему. Идучи, онъ немного наклонился къ ея уху, и прошепталъ замысловатымъ голосомъ:

— Позвольте мнѣ завтра утромъ быть у васъ, Наталья Аѳанасьевна, я долженъ васъ попросить о важной услугѣ.

— Я васъ буду ждать съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчала она;—пріѣзжайте въ первомъ часу.

Лакей отворилъ дверцы кареты, Валицкая сѣла въ нее почти также живо и весело, какъ ея дочь.

Короткая лѣтняя ночь уже блѣднѣла, когда общество совсѣмъ разъѣхалось. Можно было сказать, что всѣ, или, по крайней мѣрѣ, почти всѣ остались удовлетворенными. Они насуетились, наплясались, нашумѣлись и позабавились до упада. Съ своей стороны, Вѣра Владиміровна легла спать очень довольная: ея праздникъ вполнѣ удался, и князь Викторъ часто смотрѣлъ на Цецилію и дважды объявилъ, что она необыкновенно хороша. Валицкая легла также очень довольная: нуженъ былъ только еще одинъ толчекъ, чтобы отсторонить эту опасную Цецилію. Ольга легла еще довольнѣе. Князь ей наговорилъ множество вздору въ продолженіе мазурки и замѣтилъ, что ея нарядъ ей удивительно къ лицу. Дмитрій не могъ быть недовольнымъ: его самолюбіе было еще въ

полномъ разгулѣ, и онъ засыпая, внутренно торжествовалъ.

Князь Викторъ всегда ложился, совершенно довольный собой и другими. Наконецъ, даже бѣдная Надежда Ивановна, которой ничего никогда не удавалось, которая ничего не устраивала и не ожидала, съ которой никто не танцовалъ и не говорилъ, безъ всякой причины, уснула чрезвычайно довольная.

Но Цецилія легла съ этой роскошной радостью, которая иногда наполняетъ мгновенно осмнадцатилѣтнія сердца, и которая до того жива, что средь тишины и уединенія отъ нея становится больно. Она ничего не могла думать, но грудь волновалась и мечты играли. Ея сомкнутыя глаза еще видѣли балъ, пеструю толпу и освѣщенный садъ. И засыпающее сознаніе непонятно омрачалось какимъ-то безотчетнымъ чувствомъ; она, счастливая, горестно вздохнула, не зная о чемъ. И успокоительно спускалась на нее томная дремота. Сквозь безмолвіе носились будто бы еще отголоски оркестра, созвучія дальныя, полупечальныя; то утихали, то запѣвали снова, – и въ говоры сливались странные,—въ слова таинственныхъ бесѣдъ, во звуки чудные, желанные, въ его призывъ, въ его привѣтъ:

—Звѣзда далекая
Давно зажглась;

Давно жду срока я,
Проходитъ часъ.
Злымъ сномъ томимая
Въ чужбинѣ той,
Проснись, любимая,
Въ странѣ родной;
Среди торжественныхъ
Ночныхъ святынь,
Тревогъ вещественныхъ
Обманъ откинь!—

Печальна устъ его улыбка
Его слова текутъ нѣжнѣй:

—О, сердца вѣчная ошибка,
Какъ рано ты сроднилась съ ней!
Какъ скоро смѣлыхъ убѣжденій!
Проснулся глазъ въ ея груди!
Какъ много тяжкихъ откровеній,
Какъ много горя впереди!
Какъ будетъ душу жизнь напрасно
Разувѣрять до позднихъ лѣтъ!
Увы! тамъ въ мірѣ все не ясно
Тамъ все слѣпой и лживый бредъ!
Ты думой темною, нѣмою
Меня тамъ ищешь одного,
Въ меня ты вѣруешь душою.
Меня ты любишь, не его.

Но я, средь суеты превратной,
Въ житейскомъ бытіи твоемъ
Тоской останусь непонятной
Несбыточнымъ сердечнымъ сномъ.
И чуя лучъ за глубью мрака,
Ввѣряясь тайнѣ неземной,
Пойдешь къ призраку отъ призрака,
Отъ грусти къ грусти ты другой.
Во всемъ, что сердцу будетъ мило,
Во всемъ увидишь ту же ложь;
Ты безконечность не любила,
Неизмѣримости ты ждешь.
Не жизнь, о, жажда роковая,
Порывы утолитъ твои!
Тебѣ есть будущность другая,
Другія есть тебѣ струи.
Такъ пусть удѣлъ свершится строгой,
Надеждъ исчезнетъ свѣтлый рай!
Свыкайся съ трудовой дорогой
И силу слабыхъ узнавай.
Пойми, что Господа велѣнья
Васъ, безоружныхъ обрекли
На безусловное терпѣнье
На дѣло высшее земли.
Учись, жена, жены страданьямъ,
Знай, что, покорная, она
Къ своимъ мечтаньямъ, къ своимъ желаньямъ

Искать дороги не должна;
Что ропщетъ сердце въ ней напрасно,
Что долгъ ея неумолимъ,
Что вся душа ему подвластна,
Что скованы и мысли имъ.
Къ нѣмымъ слезамъ, къ борьбѣ безвѣстной
Всѣ силы юныя готовь:
О, дай тебѣ Отецъ Небесный
Непобѣдимую любовь!

VII.

Въ слѣдующее утро, еще прежде двѣнадцати часовъ, Наталья Аѳанасьевна сидѣла на своей терассѣ. На столикѣ передъ ней стояла чашка шоколада и лежалъ новѣйшій изъ безчисленныхъ романовъ Александра Дюма; но чашка вкуснаго напитка оставалась полна и книга увлекательнаго разказчика не развернута. Валицкой было теперь не до шоколада и не до сказокъ, она сама готовила развязку пролога одного для нея очень интереснаго, жизненнаго романа. Она облокачивалась задумчиво въ своихъ мягкихъ креслахъ, потомъ вынимала часы изъ подъ кушака своего утренняго пенюара и бросала на нихъ мгновенный взглядъ, потомъ иногда вставала, подходила къ одной сторонѣ терассы, откуда было видно широкое шоссе парка и глядѣла лорнетомъ въ пыльную даль. Возвращаясь, не удовлетворенная, къ своимъ кресламъ въ третій или четвертый разъ, она стала нетерпѣливо играть перламутровымъ ножикомъ, вложеннымъ въ книгу.

Послышались шаги, на терассѣ явилась Надежда Ивановна, очень красная и утомленная.

— Откуда вы?—спросила Наталья Аѳанасьевна.

— Мы съ Ольгой гуляли, и обошли почти половину парка; устали до нельзя.

— Зачѣмъ вы ходите въ жаръ? Гдѣ же Ольга?

— Она пошла съ миссъ Джеффрисъ въ свою комнату. Мы, какъ шли назадъ, встрѣтили молодыхъ, Софью Chardet съ мужемъ; они были въ коляскѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да; на ней былъ чудеснѣйшій бурнусъ.

— Послали вы узнать о здоровьѣ Катерины Васильевны?

— Послала; еще не пришли съ отвѣтомъ.

Валицкая опять поглядѣла на часы; продолжая дѣлать пустые вопросы вслухъ, она себѣ дѣлала внутренно совсѣмъ другіе, безпокойные вопросы:

Неужели онъ надумался и не пріѣдетъ?.. Невозможно. Какъ намъ будетъ сладить съ Вѣрой Владиміровной! Она не согласится. Партія-то не блистательная. Ужели я съ этимъ не справлюсь! Надо что-нибудь придумать! Что же?

Гремя, примчалась быстрая пролетка и остановилась. Это былъ Дмитрій.

Въ ту же самую минуту, будто вызванная этимъ стукомъ колесъ, блеснула Валицкой внезапная, вовсе неожиданная, смѣлая и великолѣпная мысль.

— Надежда Ивановна,—сказала она поспѣшно, при-

кажите мнѣ, пожалуйста, заложить карету; да оставьте меня одну съ Ивачинскимъ, мнѣ надо съ нимъ переговорить о дѣлѣ. Скажите, чтобы никого не принимали. Да чтобъ не входили сюда доложить, когда карета будетъ готова; я сама позвоню. Подите же.

Послушная Надежда Ивановна, исправляя свое почти ежедневное дежурство, вышла, а Дмитрій Ивачинскій вошелъ.

Валицкая ему протянула дружески руку.

— Наталья Аѳанасьевна,—сказалъ онъ,—я являюсь къ вамъ съ величайшей просьбой.

— Я готова сдѣлать все возможное,—прервала она одобрительно.

— Дѣло идетъ о счастьѣ моей жизни,—продолжалъ онъ, я съ вами объяснюсь прямо и безъ приготовленій; я люблю Цецилію Александровну, эта любовь давно владѣетъ мною; вотъ уже болѣе года, что я ее скрываю. Но дольше скрывать не могу.

Дмитрій всегда увлекался своими собственными словами. Можно было сказать, что не онъ ими управлялъ, а они имъ. Изъ этого выходило иногда нѣчто похожее на ложь.

— Я вашу тайну давно угадала,—отвѣчала Наталья Аѳанасьевна своимъ добрымъ голосомъ.

— Умоляю васъ,—прибавилъ онъ, помогите мнѣ достигнуть этого счастья! возьмите на себя передать

мою просьбу Вѣрѣ Владиміровнѣ: склоните ее; будьте моимъ провидѣніемъ.

— Вы увѣрены, что васъ Цецилія любитъ?—спросила она.

— Я имѣю причины это полагать,—отвѣчалъ онъ съ улыбкой, которая давала мѣру его ума.

— Мнѣ самой это казалось; но видите, Дмитрій Андреевичъ, все это дѣло очень трудное. Будемте говорить откровенно другъ съ другомъ. Тутъ есть препятствіе; князь Викторъ...

— Князь Викторъ!—проговорилъ Дмитрій съ гордымъ пренебреженіемъ, не будучи въ силахъ отказаться отъ наслажденія въ первый разъ произнести это имя съ такой интонаціей.

— Да, князь Викторъ, хотя я совершенно убѣждена, что онъ никогда не думалъ серьезно о Цециліи, какъ о невѣстѣ для себя...

— Онъ, можетъ быть, и думалъ о ней,—прервалъ слова Дмитрій съ самонадѣянной полушуткой,—но она-то о немъ не думаетъ.

Валицкая сдѣлала ту извѣстную мину, которая можетъ значить все что угодно и продолжала:

— Можетъ быть; но онъ все-таки съ ней любезничаетъ, а мать надѣется, что изъ этого выдетъ свадьба. Огромное его состояніе ее невольно прельщаетъ. Я съ своей стороны никогда не думала искать богатства при выборѣ мужа для Ольги, но Вѣра Влади-

міровна на этотъ счетъ мнѣнія другого. Я не знаю, могу ли я вамъ быть полезна въ этомъ дѣлѣ.

— Наталья Аѳанасьевна! будьте жалостливы! не откажите мнѣ въ вашей помощи! Вы однѣ можете все это устроить. Вы такъ коротки съ Вѣрой Владиміровной, убѣдите ее согласиться на наше счастіе. Это любовь взаимная. Цецилія будетъ несчастна съ другимъ мужемъ, какъ я съ другой женой. Вѣра Владиміровна вѣрно не захочетъ бѣдствія своей дочери, какъ и вы бы не захотѣли. Ужели вы бы не согласились съ радостью въ подобномъ случаѣ, если бы дѣло шло объ Ольгѣ Алексѣевнѣ?

Дуракъ! подумала Наталья Аѳанасьевна.

— Я не могу судить о другихъ по себѣ,—сказала она умильно, и не вправѣ требовать отъ нихъ моихъ чувствъ и мнѣній. У меня другія понятія о счастьѣ жизни, и я бы, разумѣется, въ подобныхъ обстоятельствахъ, не задумалась ни на минуту на мѣстѣ Вѣры Владиміровны. Но я боюсь, что она въ этомъ отношеніи на меня не похожа. Однако, я вамъ искренно желаю успѣха. Но для этого надо поступить чрезвычайно осторожно. Видите, я, разумѣется, очень дружна съ Вѣрой Владиміровной; но я на нее почти никакого вліянія не имѣю. Надо бы намъ, чтобы сдѣлать ей ваше предложеніе, найти кого-нибудь, чье мнѣніе могло бы на нее подѣйствовать; кого-нибудь, кто бы ей внушалъ почтеніе. Дайте

подумать... да вотъ, чего лучше?., только возьмется ли она?

— Кто же?—спросилъ Дмитрій.

— Именно княгиня Анна Сергѣевна, мать князя Виктора. Ея просьба будетъ имѣть большой вѣсъ, и можно бы почти ручаться за успѣхъ.

Только трудно будетъ ее уговорить. Вы съ ней мало знакомы.

— Но вы очень знакомы, Наталья Аѳанасьевна. Нельзя ли вамъ ее попросить?

— Да, можетъ быть, она мнѣ въ этомъ не откажетъ.

Она, впрочемъ, очень любитъ устраивать свадьбы. Попробуемъ! Я желаю вполнѣ оправдать ваше довѣріе ко мнѣ. Хотите, я васъ повезу къ ней теперь же, и постараюсь ее упросить?

— Наталья Аѳанасьевна! я вамъ невыразимо благодаренъ. Какія вы добрыя!

— Я всегда душевно рада оказать услугу моимъ друзьямъ,—сказала она,—особенно такую важную услугу. Дѣло идетъ о вашемъ счастіи; я употреблю всѣ старанія.

Она позвонила; человѣкъ вошелъ.

— Карету черезъ десять минутъ,—приказала Наталья Аѳанасьевна.

— Подождите меня здѣсь,—продолжала она, обращаясь къ Ивачинскому;—я тотчасъ буду готова.

Въ самомъ дѣлѣ, она, черезъ очень короткое время, воротилась одѣтая и въ шляпкѣ, а карету подали такъ скоро, что можно было бы угадать, что она уже стояла заложенная. Валицкая и Дмитрій сѣли въ нее, и поѣхали къ княгинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ.

На дорогѣ Наталья Аѳанасьевна, прислонясь въ уголъ кореты, молчала, или отвѣчала разсѣянно на слова Ивачинскаго. Мысль, вслѣдствіе которой она уже теперь дѣйствовала, лежала еще въ ней полутемная и неразвитая. Это былъ внезапный пробескъ, одно изъ тѣхъ геніальныхъ внушеній, которыя никогда не обманываютъ, какъ бы неестественны и странны ни казались; вѣрить въ успѣхъ, не видя еще возможности, не понимая еще исполненія. Теперь она обдумывала все, уясняла всѣ подробности, приготовляла мысленно всю сцену, и все болѣе понимала, что дѣло пойдетъ на ладъ, что невѣроятное сбудется, что случай не измѣнитъ, что никакое обстоятельство, никакая песчинка не помѣшаетъ удачѣ. Эта удача висѣла только на волоскѣ, могла рушиться отъ одного слова; но Валицкая предчувствовала, что волосокъ не оборвется, что слово не скажется. Это было чутье интриганки, похожее на ясновидѣнье великаго человѣка.

Они доѣхали, о нихъ доложили, ихъ приняли. Старуха княгиня была очень занята осмотромъ и выборомъ новыхъ матерій на платья. Но, ради Валицкой,

она прекратила свои глубокомысленные толки и разсужденія съ французской мамзелью, которая раскладывала передъ ней свой заманчивый товаръ, и, отсылая ее, приказала придти къ нимъ вечеромъ, чтобы можно было судить объ эффектѣ матерій при свѣчахъ. Потомъ она обратилась съ привѣтомъ къ Натальѣ Аѳанасьевнѣ.

— Княгиня!—начала эта послѣдняя,—зная до какой степени вы добры, я изволила себѣ привезти къ вамъ молодого человѣка, счастью котораго вы можете содѣйствовать. Я была впередъ увѣрена, что вы не откажитесь.

— Очень рада,—пробормотала княгиня, еще не понимая и не узнавая Ивачинскаго.

— Дмитрій Андреевичъ Ивачинскій,—сказала Валицкая, его представляя.— Вы его встрѣчали въ свѣтѣ.

— Очень рада,—повторила спесиво княгиня.

— Позвольте мнѣ войти съ вами въ вашъ кабинетъ,—продолжала Наталья Аѳанасьевна,—я вамъ причину нашего пріѣзда объясню въ пять минутъ. Я знаю, что вы всегда рады случаю сдѣлать доброе дѣло. Побудьте здѣсь покамѣстъ, Дмитрій Андреевичъ.

Она пошла въ кабинетъ съ княгиней, которая по правдѣ вовсе не была такъ падка къ добрымъ дѣламъ и услугамъ, какъ увѣряла Валицкая; но та-

кимъ увѣреніямъ и убѣжденіямъ очень трудно противорѣчить. Княгинѣ же это было еще труднѣе.

Княгиня Анна Сергѣевна, Богъ вѣсть, по какому откровенію, догадываясь какъ-то, что для того, чтобы быть женщиной совершенной, слѣдуетъ къ богатству еще прибавить нѣчто другое, между тѣмъ, презирая глубоко умственныя способности и таланты, которые ей всегда казались признаками плебейства, давно потерявъ свое прежнее преимущество, красоту, понимая опять-таки, что въ ея лѣта уже не великая добродѣтель быть добродѣтельной,— рѣшилась подъ старость быть доброй; это неимовѣрно стоило ея эгоистической натурѣ; но она упорствовала, и, въ самомъ дѣлѣ, прослыла, наконецъ, доброй до невозможности. Воспользовавшись этимъ, Валицкой было очень легко ее уговорить, хотя княгиня сначала и не слишкомъ понимала, зачѣмъ ей брать такое участіе въ этомъ Ивачинскомъ и ѣхать сватать его. Но Наталья Аѳанасьевна была мастерица въ такихъ случаяхъ: она, наединѣ съ княгиней, ей все дѣло превосходно объяснила и растолковала.

— Видите, княгиня, эти бѣдныя дѣти страстно любятъ другъ друга; но Вѣра Владиміровна ищетъ для дочери партію блистательную, а молодой человѣкъ не богатъ.

— Не всѣмъ быть богатымъ,—замѣтила очень справедливо княгиня.

— Совершенная правда! но все-таки Вѣрѣ Владиміровнѣ не хочется отдать Цецилію за него. Но она васъ до того почитаетъ и уважаетъ...

Лицо княгини говорило: еще бы не уважала.

— Ваше мнѣніе,—продолжала объяснительница,—имѣетъ такой вѣсъ, что она вѣрно согласится, если вы только возьметесь ей поговорить на этотъ счетъ. Вы понимаете, что ей вамъ отказать будетъ неловко.

— Разумѣется,—подтвердила княгиня.

— Итакъ, вы поѣдете и пожертвуете часомъ, чтобы устроить счастье двухъ сердецъ, и спасти ихъ отъ отчаянія; я ни минуты не сомнѣвалась въ вашей готовности исполнить мою просьбу.

— Хорошо,—отвѣчала княгиня,—я поѣду хоть сейчасъ; доброе дѣло не должно откладывать.

— Я васъ угадала,—сказала Наталья Аѳанасьевна.— Но еще одно. Вы понимаете лучше кого-бы то ни было какъ въ подобныхъ случаяхъ надо воспользоваться слабостями людей.

(Валицкая, говоря это, была истинно не подражаема).

— Вы знаете, какъ Вѣра Владиміровна гордится своей материнской проницательностью, и въ самомъ дѣлѣ, она необыкновенно слѣдитъ за всѣми чувствами и поступками своей дочери; она бы чрезмѣрно обидѣлась, если-бъ вы ей объ этой взаимной любви за-

говорили, какъ о событіи ей ненавистномъ, и если-бъ вы даже почли за нужное назвать имя молодого человѣка. Вы ей, разумѣется, только намекнете о немъ, чтобы не оскорбить ея главнаго самолюбія. Она васъ пойметъ при первыхъ словахъ, и будетъ очень довольна вамъ показать, что поняла, и что отъ нея ничего касательно Цециліи укрыться не можетъ. Что же дѣлать! она такая добрая женщина, что ей можно простить это маленькое материнское тщеславіе.

— Разумѣется,—молвила княгиня,—и я постараюсь ее пощадить.

— Вы всегда такъ деликатны,—продолжала Валицкая,—и такъ умѣете поступать со всѣми. Вы знаете, что для того, чтобы склонить Вѣру Владиміровну, ей совѣтовъ давать не должно; она ихъ не любитъ.

— Знаю,—отвѣчала княгиня;—я ей просто скажу, что я взяла на себя испросить ея согласія.

— Именно,—сказала Наталья Аѳанасьевна.

Онѣ вмѣстѣ вышли въ салонъ, гдѣ ждалъ нетерпѣливый Дмитрій. Княгиня приняла краснорѣчивыя изліянія его благодарности и велѣла подать свою карету.

— Будьте покойны,—повторила она, усаживаясь въ нее.—Я все устрою, и пришлю вамъ сказать.

— Я увѣрена, княгиня,—отвѣчала Наталья Аѳанасьевна,—что вы чрезвычайно ловко поступите, и

ничего не забудете, что бы могло довести до цѣли. У васъ память сердца.

Съ этимъ княгиня отправилась, уже очень довольная своимъ великодушнымъ самоотверженіемъ, которое ее увлекло ѣхать въ самый жаръ почти черезъ весь паркъ, для чужой пользы. А Наталья Аѳанасьевна сѣла опять съ Дмитріемъ въ свой экипажъ и не могла не выговорить нѣсколько вдохновенно: Домой!

Вѣра Владиміровна была готова отправиться по своей привычной визитной должности, когда ей доложили о пріѣздѣ княгини Анны Сергѣевны. Это было событіе необыкновенное: княгиня по утрамъ рѣдко выѣзжала и, пробывши наканунѣ весь вечеръ у Вѣры Владиміровны, очень ее удивила, являясь опять на другой день; тутъ можно было что-то вообразить. Вѣра Владиміровна поспѣшила ей на встрѣчу, и усадила ее.

— Я къ вамъ нынче пріѣхала не съ простымъ визитомъ,—начала княгиня;—я взяла на себя дѣло довольно деликатное; мнѣ поручено сдѣлать вамъ предложеніе...

Она остановилась, чтобы понюхать табаку. Вѣра Владиміровна внутренно вздрогнула, какъ отъ гальваническаго удара. Она еще не смѣла радоваться.

— Предложеніе на счетъ Цециліи, — продолжала княгиня медленно.—Вы вѣрно понимаете, о комъ идетъ рѣчь.

Вѣра Владиміровна не могла уже не обрадоваться.

— Вы вѣрно вчера замѣтили—прибавила княгиня, и опять понюхала табаку.

— Я,—сказала Вѣра Владиміровна,—я точно замѣтила.

Какъ ей было не признаться въ этомъ? Она и дѣйствительно такъ зорко слѣдила въ теченіе вчерашняго вечера за всѣми словами и шагами князя Виктора.

— Да,—промолвила еще княгиня,—и я также нѣчто видѣла. (Это доказало бы невѣроятную способность видѣть, потому что княгиня почти весь вечеръ провела за карточнымъ столомъ, въ особенной комнатѣ).

— Конечно,—продолжала она,—вы уже отгадали и Цециліину любовь.

Со стороны всякаго другого, Вѣра Владиміровна чрезвычайно бы обидѣлась, даже и предположеніемъ, что Цецилія тайно любитъ кого-то. Но это говорила сама мать князя Виктора, Вѣрѣ Владиміровнѣ нельзя было ей тутъ противорѣчить; да и дѣло уже не о томъ, чтобы обижаться.

— Любящая мать всегда отгадываетъ всѣ сердечныя движенія своей дочери,—возразила она съ чувствомъ, едва сказывая свое торжествующее блаженство.

— Я думаю,—молвила княгиня,—что вы ничего не имѣете противъ этого.

Если-бъ ея слова были выбраны самой Валицкой, они не могли бъ болѣе соотвѣтствовать цѣли этой послѣдней. Можно было пожалѣть о смѣлой учредительницѣ этой сцены, что она ее не видѣла.

— Я никогда не хотѣла стѣснять Цецилію,—отвѣчала нѣжная мать;—она была вольна въ своемъ выборѣ. Ея воспитаніе ручалось мнѣ за то, что этотъ выборъ будетъ мной одобренъ.

— Я такъ и полагала,—сказала княгиня,—и была увѣрена, что вы не будете противиться этой взаимной любви. Итакъ, вы соглашаетесь?

— Княгиня,—отвѣчала Вѣра Владиміровна, уступая очень естественному искушенію воспользоваться благопріятной минутой, которая ей позволяла быть безнаказанно женщиной великодушной и стоической,—я не думала о богатствѣ для Цециліи; я только желала ей найти мужа съ душевными достоинствами и съ теплымъ сердцемъ, человѣка благороднаго въ истинномъ смыслѣ этого слова. Мои желанія исполнились; Богъ услышалъ мою молитву!

— Итакъ,—повершила опять княгиня,—я могу ѣхать домой съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ? Вы соглашаетесь?

— Соглашаюсь съ искренней радостью,—подтвердила Вѣра Владиміровна,—я для моей дочери лучшаго

мужа желать не могла. Я знаю, что она будетъ счастлива.

— Конечно, — молвила княгиня,— вы совершенно правы. Счастье вѣдь не въ деньгахъ.

— Развѣ она сына хочетъ лишить наслѣдства?— подумала испуганная Вѣра Владиміровна.

— Любовь все переноситъ,— продолжала княгиня, прибѣгнувъ опять къ своей золотой табакеркѣ,— ваша Цецилія съ радостью пожертвуетъ пустымъ излишествомъ и нѣкоторыми маловажными привычками. Вы такъ прекрасно умѣли развить ея разсудокъ; ее будетъ удовлетворять и умѣренная доля.

— Это что? это что?—думала бѣдная Вѣра Владиміровна. Господи! что это значитъ? Ужъ не затѣяла ли она сама идти опять за мужъ? имѣніе-то вѣдь все ея.

Она взглянула на княгиню. Трудно было сдѣлать такое предположеніе.

— Итакъ, — сказала княгиня вставая,— я поѣду домой, утѣшить молодого человѣка, который ожидаетъ отвѣта съ нетерпѣніемъ. Я за него очень рада онъ меня давеча такъ умолялъ, что я не могла ему отказать взяться поговорить вамъ о его предложеніи, хотя мнѣ это сперва и показалось не совсѣмъ кстати. Ну, слава Богу! дѣло съ концомъ. А онъ, бѣдный, боялся отказа; но я знала, что вы согласитесь, вы такая добрая мать. Да онъ, кажется, и

человѣкъ очень порядочный; у него хорошія знакомства; онъ можетъ вступить въ какую-нибудь выгодную службу, найдетъ протекцію, и выдетъ въ люди. Я скажу Виктору, чтобы онъ объ немъ похлопоталъ. Ну, такъ прощайте же.

Вѣра Владиміровна уже ровно ничего не понимала. Такъ это и вовсе не князь Викторъ?—спрашивала она себя внутренно съ отчаяніемъ.—Да кто же онъ такой!..

А нельзя было освѣдомиться объ имени человѣка, за котораго она согласилась отдать дочь.

Она, смущенная, искала возможность спасенія, и не находила; въ ея головѣ все перепуталось. Ей мелькнуло, однако, будто бы средство, и она за него ухватилась съ жадностью погибающаго.

— Позвольте, княгиня,—вымолвила она,—не слишкомъ ли мы въ этомъ поторопились? я должна поговорить серьезно съ Цециціей.

— Вамъ ея любовь извѣстна,—отвѣчала княгиня,—ее и спрашивать нечего.

— Разумѣется... но все таки... этотъ шагъ такъ важенъ, что надо молодой дѣвушкѣ его совершенно обдумать; такъ легко ошибиться.

— Вы сейчасъ же говорили, что вы для Цециліи лучшаго мужа желать не могли.

— Разумѣется... Я увѣрена... однако... позвольте мнѣ ее спросить...

Несчастная Вѣра Владиміровна совершенно терялась.

— Извольте,—сказала княгиня,—поговорите съ ней, хотя мнѣ это кажется и вовсе ненужнымъ. Она вѣрно будетъ готова идти за человѣка, котораго любитъ. Прощайте же.

Вѣра Владиміровна была спасена, съ Цециліей она могла справиться, она могла провѣдать ея тайну, запретить ей думать объ этомъ человѣкѣ безъ состоянія, истребить эту глупую любовь, и найти какой-нибудь предлогъ, какую-нибудь отговорку, чтобъ отказать. Она, конечно, была предобрая мать, она всегда была готова исполнить прихоти и желанія своей дочери; но тутъ ужъ дѣло шло о другомъ, тутъ ужъ было не до шутки.

Все это быстро смекая, она, нѣсколько ободренная, провожала княгиню.

Геніальный планъ Валицкой не удался, дѣло было для нея проиграно, несмотря на ея твердую вѣру въ успѣхъ. Чтобъ эта вѣра ея не обманула, надо было теперь вступиться какому-нибудь вовсе постороннему, не предвидѣнному обстоятельству.

Обстоятельство явилось.

Иначе и быть не могло. Наполеонъ не погибъ отъ адской машины, потому что женщинѣ вздумалось надѣть другую шаль.

Валицкая въ эту минуту имѣла также свою звѣзду.

Княгиня, сопровождаемая Вѣрой Владиміровной, шла къ двери. Эта дверь отворилась, и Цецилія вошла въ бурнусѣ и шляпкѣ, готовая ѣхать съ матерью.

— Да вотъ и она сама!—воскликнула княгиня,—мы ее сейчасъ же спросимъ Послушай, ma chère enfant, Ивачинскій проситъ твоей руки, мать твоя согласна, хочешь ли ты идти за него.

Цецилія вспыхнула, поблѣднѣла опять, и сказала въ радостномъ смущеніи:

— Если маменька согласна, я буду счастлива!

— Вотъ видите,—подхватила княгиня,—я была права. Бѣдныя дѣти! ну, теперь все хорошо; я ему сейчасъ пошлю сказать.

Вѣра Владиміровна не могла говорить, не могла почти ужъ и понимать.

Дверь снова отворилась. Валицкая съ Ольгой явилась, какъ призванная въ эту рѣшительную минуту. Ея инстинктъ руководствовалъ ею такъ же вѣрно, какъ чутье ворона ему указываетъ путь къ трупу. Она, едва входя, была уже совершенно спокойна; она успѣла взглянуть и отгадать.

— Поздравьте Цецилію,—сказала ей княгиня,— она невѣста Ивачинскаго.

Ольга бросилась на шею подруги; Валицкая съ чувствомъ пожала руку своей пріятельницы.

— Вы счастливая мать!—сказала она ей.

Вѣра Владимiровна заплакала.

Добрая княгиня послала свою карету за Дмитрiемъ; онъ прiѣхалъ, все пошло обыкновеннымъ порядкомъ; всѣ были очень тронуты, особенно Наталья Аѳанасьевна. Прiѣхалъ домой и мужъ Вѣры Владимiровны; Валицкая, его встрѣчая, тотчасъ увѣдомила о случившемся и что не доставало только, чтобы согласился и онъ. Онъ согласился и благословилъ дочь.

Вѣра Владимiровна содрогнулась отъ внезапной досады на себя; она въ своемъ смущенiи забыла про мужа! онъ могъ бы быть орудiемъ спасенiя, будто бы не захотѣлъ выдать Цецилiю за Ивачинскаго. Теперь было уже поздно хватиться.

Княгиня была осыпана благословенiями и похвалами. Она объявила, что весьма довольна своимъ утромъ, и сама вызвалась быть посаженною матерью.

Дмитрiй Ивачинскiй остался обѣдать, и вступилъ во всѣ права жениха. Вѣра Владимiровна была, какъ всѣ женщины хорошаго общества, достаточно образована и усовершенствована, чтобы въ нужномъ случаѣ имѣть видъ вовсе не соотвѣтствующiй внутреннимъ чувствамъ, и умѣла и тутъ превосходно сохранить всѣ приличiя. Для Цецилiи этотъ день прошелъ въ радостномъ волненiи; она едва могла вѣрить въ истину сбывшагося.

Итакъ, она была въ самомъ дѣлѣ невѣста Дмитрія? препятствія, которыя ее пугали, исчезли, затрудненія всѣ сгладились; она осязала свою осуществленную мечту.

Вечеръ прошелъ неимовѣрно скоро; было уже поздно, когда Вѣра Владиміровна отослала Дмитрія домой.

Утомленная отъ радости вошла Цецилія въ свою комнату; стала раздѣваться машинально, машинально легла, съ думой единой, восхитительной. Благодатно окружала и живила ее атмосфера спокойнаго счастья.

Всякая мысль ласкала, всякое чувство лелѣяло...

Тихая ея улыбка встрѣчала приближающійся сонъ... онъ уже носился надъ ней...

А вдали было такъ много чудныхъ видѣній, свѣтлыхъ блаженствъ...

И вѣтръ чуть шепчетъ, тихо вѣя;
Сквозь мглу вѣтвей глядитъ луна;
И безконечная аллея
Густого сумрака полна.

Кто, въ глубинѣ ея вставая,
Мелькаетъ тамъ чрезъ лунный садъ?
Чернѣетъ ближе тѣнь нѣмая,
Сіяетъ ярче звѣздный взглядъ.

—Да, знаю я, идешь ты снова;
Опять мнѣ въ сердце смотришь ты;
Опять твое прогрянетъ слово,
Младыя разобьетъ мечты.

Всегда ты, горестная сила,
Мнѣ радость обращаешь въ ложь;
Какъ пламя жгучее въ кадило,
Въ меня ты мысли лучъ кладешь.

Оставь меня, о, строгій геній!
Ты все печальнѣй и мрачнѣй;
Боюсь твоихъ я откровеній
Любви безжалостной твоей.

Пускай къ вседневной, пошлой долѣ
Свою я душу пріучу:
Я не хочу предвидѣть болѣ,
Я болѣ вѣдать не хочу!

Зачѣмъ напрасно рвешь отъ міра
Нѣмую узницу его.
И безъ земного жить кумира
Земное учишь существо?

Ужель должны мы такъ тревожно,
Такъ тщетно путь пройти земли?
Лишь то любить, что невозможно
Въ то вѣрить только, что вдали?

Зачѣмъ же краткій день обмана
Оставить сердцу ты не могъ?
Зачѣмъ впередъ, зачѣмъ такъ рано
Мнѣ твой губительный урокъ?—

Затѣмъ, чтобъ ты туда глядѣла
Гдѣ вѣчность роковая ждетъ;
Чтобъ поняла иное дѣло,
Чѣмъ этотъ рядъ пустыхъ заботъ.

Затѣмъ, чтобы души свѣтило
Не угасало въ тьмѣ земной;
Затѣмъ, чтобы не совершила
Ты святотатства надъ собой.

Вставай изъ жизненнаго праха!
Уйми смятеніе въ груди!
Въ лицо ты истинѣ безъ страха,
Душа безсмертная, гляди!

Пойми, что тщетны всѣ желанья
Что бытіе чреда утратъ;
Что жертвы въ немъ безъ воздаянья,
Что въ немъ страданья безъ наградъ.

И чувствуй, что въ тебѣ есть что-то,
Неизъяснимое теперь,
Что выше всякаго расчета,
И всѣхъ блаженствъ, и всѣхъ потерь!—

———

VIII.

Послѣ достопамятнаго утра, которое такъ внезапно рѣшило судьбу Цециліи, вокругъ нея все измѣнилось и оживилось, какъ это обыкновенно бываетъ въ домѣ, гдѣ невѣста. Дни быстро проходили одинъ за другимъ, до того наполненные, что становились совершенно пусты. Пылкій женихъ, какъ водится, умолялъ поспѣшить свадьбой; благоразумная мать откладывала ее, требуя времени, необходимаго для приготовленій. Вѣра Владиміровна, видя что уже дѣлать нечего, доказала, что она очень умная женщина, рѣшась, на зло своимъ непріятелямъ и пріятелямъ, быть совершенно довольной этимъ бракомъ, и употребляя его рамкой, въ которую она стала, весьма выгодно, вставлять большую часть своихъ добродѣтелей: безкорыстіе, великодушіе, материнскую любовь и прочее и прочее, по случаю чего она имѣла удовольствіе говорить прекрасныя фразы и принимать трогательныя похвалы.

Домъ былъ завоеванъ торговцами, приказчиками, драпировщиками, татарами, швеями, модистками. Вездѣ находились образчики, свертки, картонки, пакеты.

Поздравительнымъ визитамъ не было конца; разъѣзды, обѣды, вечера смѣняли другъ друга. Весь суетный, коловратный ходъ свѣтской жизни ускорился до головокружительнаго движенія. Эта живая тревога, этотъ веселый шумъ около невѣстъ напоминаетъ невольно оглушительную музыку и барабанный бой, съ которыми ведутъ солдатъ на смертную битву. Оставалось такъ мало времени для необходимыхъ распоряженій, надо было заботиться о столь многоважныхъ подробностяхъ, разсматривать столько различныхъ и всевозможныхъ матерій и штофовъ, толковать такъ часто съ брилліантщикомъ и золотыхъ дѣлъ мастеромъ, примѣривать столько платьевъ, пенюаровъ, бурнусовъ, шалей, шляпокъ, чепцовъ и уборовъ, однимъ словомъ, такъ заняться сущностью дѣла, что не оставалось ни одной свободной минуты помыслить праздно о чемъ-нибудь другомъ. Да о чемъ и къ чему было тутъ и мыслить, особенно для Цециліи? Желанія ея исполнились, тайные сны сбылись: вокругъ нея было свѣтло и прекрасно, она достигла этихъ волшебныхъ часовъ жизни, когда занавѣсъ чудесной, близкой будущности ежеминутно чуть - чуть приподнимается, позволяя дѣвственному взору мгновенно взглянуть, чуткому сердцу радостно содрогнуться.

И все для нея было такъ ново, неожиданно, неслыханно, весь этотъ міръ, въ которомъ она вдругъ

очутилась, былъ до сихъ поръ всегда такъ утаенъ отъ нея, такъ тщательно отстраненъ и укрытъ, что ея понятіямъ не могло предстать никакого сравненія съ чѣмъ-нибудь похожимъ, и что она должна была счесть себя какимъ-то блаженнымъ, великолѣпнымъ исключеніемъ изъ общаго порядка. Дмитрій притомъ не измѣнялъ всегдашнему обычаю жениховъ, и также невинно и добросердечно, какъ они всѣ, велъ эту невѣдующую, легковѣрную душу отъ обмана къ обману, отъ заблужденія къ заблужденію, одно другого утѣшительнѣе и прелестнѣе. Ложь осторожной матери онъ смѣнилъ ложью нѣжнаго любовника, оберегая неумолимую правду для изреченій строгаго мужа. Куда ни оглянись, вездѣ встрѣчались угожденіе и лесть, веселыя лица и привѣтливыя слова. О чемъ же тутъ было размышлять и задумываться? Ровно не о чемъ. Все представлялось въ прекрасномъ видѣ; лучшаго Цецилія и придумать не могла. Дмитрій былъ небогатъ, по свѣтскимъ понятіямъ почти бѣденъ, но даже и это самое обстоятельство умножало ея удовольствіе. Вопреки всему слышанному и виданному, вопреки всѣмъ общимъ мнѣніямъ, всѣмъ материнскимъ нравоученіямъ, она, Богъ вѣсть почему безотчетно чувствовала въ себѣ, что чѣмъ-то выше и лучше предпочитать бѣдность богатству, Ивачинскаго князю Виктору. Она искренно радовалась своему выбору. Правда, она бѣдность понимала по-сво-

ему, какъ нѣчто грандіозное, привлекательное, какой-то новый нарядъ, который ей будетъ очень къ лицу; и она уже мысленно нетерпѣливо устраивала тѣсный бытъ, на который пошло бы болѣе денегъ, чѣмъ на пышный; она мечтала, какъ будетъ мило жить въ бѣдности, носить платья самыя простыя, сшитыя у Madame André, у которой фасонъ стоитъ вдвое дороже самой ткани; убрать себѣ отлично и изысканно маленькія комнаты, ѣздить въ легкой, красивой каретѣ, заложенной только парой прекрасныхъ сѣрыхъ лошадей; даже иногда въ хорошую погоду, ходить съ мужемъ пѣшкомъ въ нарядномъ бурнусѣ, или въ бархатной шубѣ, подбитой горностаемъ. Другихъ стѣсненій она не вѣдала, и себѣ представить не могла. Она, конечно, иногда замѣчала некрасивое платье, или старую, неуклюжую коляску иной дамы, про которую говорили съ обиднымъ сожалѣніемъ, что она бѣдна; но вѣдь это было только недостатокъ вкуса и неумѣнье, какъ возможно не быть въ состояніи сшить себѣ моднаго платья и имѣть пристойный экипажъ? Какая бѣдность не позволяетъ даже этого? Ей случалось, въ своихъ прогулкахъ, видѣть гнусныя лачужки, встрѣтить женщинъ въ скудной, затасканной одеждѣ, которыя въ морозъ укрывались только старымъ платкомъ, блѣдныхъ мужчинъ въ изодранныхъ шинеляхъ, изнуренныхъ дѣтей въ отвратительно грязныхъ рубашонкахъ; но это

были уже жители иного міра, существа иного разряда, съ которыми она ничего не могла имѣть общаго. У ней былъ ежедневно передъ глазами примѣръ другого, можетъ быть, еще болѣе жалкаго существованія, разительный примѣръ бѣдности салонной, Надежды Ивановны, но это было опять-таки совсѣмъ другое, это была Надежда Ивановна; да она про нее и не помнила.

Итакъ, чего же ей оставалось болѣе желать? Дмитрій былъ страстно влюбленъ въ нее, Дмитрій былъ очень хорошъ собою, чрезвычайно comme il faut, и совершенно образованъ и уменъ. Онъ ей иначе казаться не могъ; она, прожившая весь свой вѣкъ въ этой всеобщей атмосферѣ пошлости, не могла быть поражена пошлостью Ивачинскаго; точно такъ же, какъ бѣдный артельщикъ, не выходящій изъ грязной, мастерской не можетъ замѣчать тяжкой духоты своего жилья. Да не легко и женщинѣ съ болѣе обширными понятіями скоро разгадать посредственный умъ среди условной образованности общества. Какъ и чѣмъ различить въ аристократическомъ салонѣ пошлаго человѣка отъ геніально умнаго? развѣ только тѣмъ, что первый тутъ обыкновенно кажется умнѣе. Наконецъ, вдобавокъ ко всему, Дмитрій былъ неимовѣрно добръ и кротокъ до-нельзя, даже почти и слишкомъ: отличительная черта всѣхъ мужей будущихъ, излишество, къ счастью потомъ исчезающее.

Стало быть опять-таки, чего Цецилія могла еще желать? Какъ ей было не чувствовать себя блаженнѣйшимъ существомъ въ мірѣ? Чего ей не доставало?

Можетъ быть, одного: нѣсколько истины среди всей прекрасной фантасмагоріи. Но что есть истина?..

Солнце спускалось за пестрые домики парка, нарядное населеніе высыпало изъ нихъ; большая часть этихъ загородныхъ жителей, этихъ прелестныхъ любительницъ природы катилась по шумному шоссе въ освѣщенный театръ, привлекаемыя новымъ французскимъ водевилемъ. Вечеръ возобновлялъ обыкновенное, ежедневное движеніе; вчерашнее повторилось однообразно и неутомимо въ Петровскомъ паркѣ, также какъ и на небѣ, гдѣ, напротивъ пылающаго заката всходила бѣлая луна, и мерцалъ еще чуть видный Арктуръ

Въ салонѣ Вѣры Владиміровны шла очень живая и интересная бесѣда. Она съ нѣсколькими пріятельницами, въ числѣ которыхъ Валицкая сохраняла первое мѣсто, (такъ ловко и искусно она сумѣла скрыть свое геніальное сватовство), занималась главной заботой материнскаго сердца, близкой свадьбы Цециліи, просила дружескихъ совѣтовъ на счетъ подвѣнечнаго платья и драгоцѣнныхъ камней, присланныхъ бриліантщикомъ и разложенныхъ на столѣ передъ ней. Надлежало выбрать изъ нихъ тѣ, которые шли болѣе къ невѣстѣ.

— Я ей къ вѣнцу подарила лучшую часть своихъ алмазовъ, и ихъ обдѣлали съ большимъ вкусомъ,— сказала она;—но не знаю теперь на что рѣшиться для другого наряда. Бирюза ей вовсе не къ лицу.

— Очень хороши эти аметисты, и работа отличная,— замѣтила одна дама,—но аметисты, какъ бы хороши ни были, никогда не производятъ эффекта.

— Возьмите опалы,—предложила другая,—это по-моему лучшій камень.

— Нѣтъ,—возразила Валицкая,—если надѣвать опалы, то они должны быть уже необыкновенно прекрасны и цѣны царской; я бы взяла изумруды, они чудесно идутъ къ чернымъ волосамъ и блѣдности въ родѣ Цецилиной.

— Я сама бы ихъ предпочла, они точно очень выгодны для нее,—подтвердила Вѣра Владиміровна,— но если такъ, то я уже возьму парюру, которую приносили вчера; она несравненно получше этой. Эти камни довольно посредственны, они бы много потеряли въ сравненіи съ изумрудами Софьи Chardet, а я этого не хочу. Вы ихъ видѣли? прибавила она, обращаясь къ одной изъ присутствующихъ.

— Да,—отвѣчала та,—молодая была въ нихъ, два дня тому назадъ, на вечерѣ своей тетки; они удивительно хороши, особенно браслеты и пуговицы, и этотъ нарядъ шелъ превосходно къ ея палевому платью.

— Она прекрасно одѣвается,—молвила другая дама.

— Особенно съ тѣхъ поръ, какъ вышла за денежный мѣшокъ,—прибавила третья, улыбаясь.

Вѣра Владиміровна также улыбнулась.

— Я не постигаю,—сказала она потомъ очень серьезно,—какъ можно изъ-за денегъ жертвовать своей дочерью таким образомъ; по-моему, обязанность матери заключается не въ томъ, чтобы добыть себѣ богатаго зятя. Я ее понимаю иначе и выше. На всякую мать возложена святая отвѣтственность, и она виновата, если не предпочла счастье своей дочери всѣмъ другимъ расчетамъ и выгодамъ.

— Вы не довольствуетесь тѣмъ, чтобы прекрасно опредѣлять долгъ матери,—отвѣчала ей тронутая Наталья Аѳанасьевна;—вы этотъ долгъ еще прекраснѣе исполняете, что̀ встрѣчается гораздо рѣже.

— Я могу, по крайней мѣрѣ дать себѣ свидѣтельство,—продолжала Вѣра Владиміровна добросовѣстно и скромно,—что мои слова и поступки согласны между собой. Я свои убѣжденія всегда искренно высказывала, и всегда дѣйствовала соразмѣрно съ ними.

Во время этихъ разсужденій Цецилія сидѣла поодаль съ Дмитріемъ, и слушала только его тихія слова, сказанныя ей почти на ухо, въ видѣ тайны, хотя тайны тутъ и вовсе не было. Общія мѣста, ко-

торыя онъ ей такимъ образомъ повѣрялъ, могли быть провозглашены гдѣ угодно, и повѣданы всему міру; но ей всѣ эти пустыя рѣчи казались, разумѣется, преинтересными. Да вѣдь дѣло было и не въ рѣчахъ, тутъ дѣйствовалъ магнетизмъ взгляда, улыбки, голоса; тутъ значеніе таилось въ тысячѣ незамѣтныхъ обстоятельствъ. Этотъ влюбленный шопотъ, эта замысловатая бесѣда была, конечно, благоразумна и прилична въ высшей степени; но какъ бы молодая чета не соблюдала требованій хорошаго общества, какъ бы Дмитрій не былъ благопристоенъ, какъ бы Цецилія не была превосходно воспитана, все-таки они не могли проявляться совершенными куклами и между ними укрывались отъ взора Вѣры Владиміровны безпрестанныя прегрѣшенія противъ строгихъ законовъ свѣта. И все это дѣлалось такъ тайно, что походило на грѣшный поступокъ, и было тѣмъ сладостнѣе. И какая дѣвственная душа не поняла прелести этихъ легкихъ преступленій? Какая женщина, исповѣдываясь сама себѣ, не созналась, что коснуться этихъ сердечныхъ, смущающихъ радостей украдкой, вскользь, со страхомъ и трепетомъ, во сто разъ упоительнѣе чѣмъ ихъ вкушать явно и спокойно? и что мы, дѣти Евы, всѣ больше или меньше мнѣнія той итальянской графини, которая, кушая прекрасное мороженное въ палящій

день, воскликнула чистосердечно: „ахъ! какъ жаль, что это не грѣхъ!“

Цецилія встала съ своего мѣста и вышла на балконъ; Дмитрій вскорѣ послѣдовалъ за ней, и они оба очутились почти одни; ихъ отдѣляли отъ салона и укрывали два густыя померанцовыя дерева, которыхъ безчисленные цвѣты благоухали ароматнѣе къ ночи. Сумерки уже сгущались, далекія звѣзды свѣтлѣли одна за другой. Другихъ свидѣтелей тутъ не было, и Дмитрій понялъ, что подъ Божьимъ небомъ, въ виду звѣздъ, не стыдно предаться сердечному движенію; онъ быстро обхватилъ свою прекрасную невѣсту, и прижалъ смѣлыя уста къ ея блѣдной щекѣ... Она вздрогнула, вырвалась... и потомъ остановилась недвижная, прислоняясь къ стеклянной двери; въ ней что-то пробудилось, и засіяло ярче тѣхъ ночныхъ свѣтилъ. Сквозь всѣ умственныя пелены, сквозь всѣ незнанія, сквозь всю ложь ея жизни сверкнулъ отблескъ небесной истины, чувство искреннее, откровеніе душевное... протекла минута, можетъ быть, единственная въ ея земномъ бытіи... и она тихо вошла опять въ комнату и сѣла задумчиво.

Разговоръ вокругъ стола продолжался. Цецилія слушала эти толки, не вникая въ ихъ смыслъ, и отвѣчала, какъ слѣдовало, на непонятые вопросы, съ той странной способностью, которою мы иногда владѣемъ, или которая, точнѣе сказать, владѣетъ

нами въ часы сердечнаго сомнамбулизма. Наконецъ, всѣ посѣтительницы разъѣхались, уѣхалъ и Дмитрій, и Вѣра Владиміровна осталась одна съ дочерью. Она воспользовалась остальнымъ вечеромъ, чтобы съ Цециліей разсмотрѣть и выбрать прекрасныя кружева, и дать ей кстати множество нравственныхъ наставленій и полезныхъ совѣтовъ, потомъ перекрестила ее, и послала ложиться спать. Цецилія ждала съ нетерпѣніемъ этой возможности быть одной; она поспѣшила раздѣться и отправить горничную.

Наединѣ съ самой собою она облокотилась на мягкія подушки и предалась своимъ блаженнымъ мечтаніямъ. Ея душой овладѣло упоительно надменное спокойствіе; несчастіе было для нея безсмысленный звукъ; она царила надъ судьбой; она стала передъ жизнію, какъ заимодавецъ передъ должникомъ, съ правомъ взять свою собственность; она дерзновенно и неустрашимо вѣрила и въ незнакомую будущность, и въ сердце свое, и въ сердце чужое. Странное, вѣчно новое, вѣчно неизъяснимое проявленіе! Гдѣ причина такъ радостно стремиться къ неизвѣстному? такъ слѣпо довѣрять? гдѣ залогъ? гдѣ обезпеченіе? И оно право это неестественное, это безумное, это всегда обманутое убѣжденіе. Тутъ то же величавое сумасшествіе Донъ Кихота, который конвойной стражѣ велитъ освободить каторжни-

ковъ, и предоставить ихъ небесному правосудію. Онъ правъ, восторженный безумецъ, когда онъ доверчиво снимаетъ оковы съ преступника, и только развратъ другихъ дѣлаетъ его виновнымъ и смѣшнымъ.

Высокія души сохраняютъ всегда это вѣрованіе въ человѣчество; но всѣ его почувствовали въ себѣ, хоть на нѣсколько мгновеній.

И намъ, дѣтямъ, разсказываютъ прекрасную черту Александра Македонскаго. Дайте срокъ, мы всѣ, хоть разъ въ своей жизни, станемъ съ нимъ наравнѣ; мы всѣ, какъ онъ, выпьемъ кубокъ, когда бъ и весь міръ насъ увѣрялъ, что онъ отравленъ.

И она продолжала сладостно бредить, молодая счастливица; уже мысли подернулись туманомъ, и мечты блуждали, перепутанныя дремотой: но блаженство въ душѣ сіяло сквозь полусонъ. Ея голова наклонялась медленно, и коснулось подушки... длинныя рѣсницы опустились... и сладко засыпающая вдругъ содрогнулась, какъ въ нежданномъ испугѣ; взоръ ея блеснулъ и снова погасъ. И луна шла высоко и глядѣла въ окно... и внезапнымъ взрывомъ, издалека, чрезъ просторъ полетъ промчался бурный и вершины сонныя деревъ въ темнотѣ мгновенно зашумѣли, и опять умолкли, чуть дыша...

Стихло все, фонтана только слезы
Падаютъ незримо въ тьмѣ аллей;

Спятъ листы, не трогаются лозы,
Тишина недвижнѣй и нѣмѣй.

Что же вдругъ, какъ бы съ покоемъ споря,
Слышится въ безмолвіи ночномъ?
Бьется ли глухая бездна моря?
Ропщетъ ли въ дали грозящій громъ?

Чей-то зовъ безвѣстный и могучій?
Ей съ высотъ въ глаза глядитъ луна,
Миренъ долъ и небеса безъ тучи.
Что жъ душа боязнію полна?

Тамъ онъ ждетъ, гдѣ тѣнію нѣмою
Недвижимъ чернѣетъ кипарисъ:
Легкою сошлись они стопою,
За руку, безмолвные, взялись.

Темныя проснулись въ ней понятья,
Грудь ея наполнилъ вѣщій гласъ;
И она, склонясь въ его объятья,
Токомъ слезъ внезапно залилась.

Чья жъ надъ ней живительная сила
Протекла, среди ночныхъ чудесъ?
Чья же мысль надъ ней заговорила,
Уносясь къ бездонности небесъ?

Не его ли?... не въ чувствѣ ли взаимномъ
Потряслось въ ней сердце, какъ струна?
Не съ его ль поютъ созвучнымъ гимномъ
И фонтанъ, и звѣзды, и она?

Пора пришла!.. душа готова!..
Завѣтный звукъ, вложись въ уста!..
Втѣснись въ таинственное слово,
Всего высокаго мечта!

Любовь! непонятое чудо!
Какъ сходишь въ бренныя сердца
Ты, гостья свѣтлая, оттуда,
Гдѣ нѣтъ начала, ни конца?

Любовь! вступая въ міръ тѣлесный,
Рабой ты отдана судьбѣ;
Защиты нѣтъ тебѣ небесной,
Нѣтъ свыше помощи тебѣ!

Не сокрушишь толпы устава,
Не побѣдишь ея страстей;
И будешь ты всегда неправа,
Всегда безвластна передъ ней.

Блаженный сонъ людского края,
Несешься ты въ житейской мглѣ,
Знакомая, но все чужая,
Все недоступная землѣ.

Вотще тебя, святая треба,
Стремится сердце воплощать;
О, херувимъ, слетѣвшій съ неба,
Уходишь въ небо ты опять!

Но божества душа коснулась,
Но тайны въ ней нашли языкъ,
Но безконечность распахнулась,
И взглядъ въ нездѣшнее проникъ.

Пошли жъ на мигъ, о, Духъ вселенной,
Блестящій въ свѣтлыхъ тѣхъ мірахъ,
Неизмѣримость въ образъ тлѣнный,
Небесный лучъ въ житейскій прахъ!

На мигъ трепещущія души
Въ священныхъ силахъ закали;
Да видитъ взоръ, да слышатъ уши,
И смолкнутъ ропоты земли!

IX.

Успѣвъ, наконецъ, устроить, какъ слѣдовало, все необходимое для брака Цециліи, Вѣра Владиміровна, назначила день свадьбы, по причинѣ которой она оставила Паркъ, и возвратилась съ дочерью въ свой домъ на Тверскомъ бульварѣ. Между тѣмъ, Дмитрій Ивачинскій съѣздилъ къ больному отцу, чтобы получить его благословеніе и, сколько возможно, приготовить тамъ свое скромное жилье для пріѣзда Цециліи, пожелавшей провести съ нимъ, въ его сельскомъ уединеніи, эти первые дни супружества, въ которые влюбленные новобрачные не могутъ насытиться созерцаніемъ другъ друга и впадаютъ въ счастливое заблужденіе, воображая, что весь остальной міръ созданъ совершенно безъ нужды и пользы.

Отсутствіе Дмитрія продлилось недѣлю и, въ теченіе этой недѣли, онъ отправилъ къ Цециліи семь длинныхъ писемъ, изъ коихъ Вѣра Владиміровна, черезъ руки которой они проходили, конфисковала два, по своему строгому, самовластному цензурному уставу, нашедши въ нихъ какой-то неприличный запахъ Жоржъ-Зандизма, долженствующій остаться

чуждымъ ея дочери до самой свадьбы. Можетъ быть, она была права, но послѣдствіемъ ея осторожности были для Цециліи двѣ безсонныя ночи, въ которыя она себѣ до утра ломала голову на счетъ возможнаго содержанія этихъ завѣтныхъ писемъ, неутомимо придумывая безчисленныя разрѣшенія интересной загадки.

Наконецъ, послѣ этого семидневнаго, безконечнаго отсутствія, Дмитрій воротился, влюбленнѣе чѣмъ когда-нибудь. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, во всѣхъ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ, будто сходятъ съ горы по крутой наклонности. Они уже не въ силу остановиться на минуту, и съ каждымъ шагомъ увлекаются болѣе и болѣе. Также, какъ они всѣ, Дмитрій принималъ этотъ недостатокъ силы за пылкость характера и неодолимую буйность страстей. Свиданіе было трогательно, сама Вѣра Владиміровна разчувствовалась при этомъ случаѣ и убѣдилась въ будущемъ счастіи своей Цециліи, о которомъ всѣ знакомые и даже незнакомые говорили съ большимъ участіемъ.

Жданный срокъ приближался и наступилъ. Наканунѣ дня, который долженъ былъ такъ благополучно измѣнить всю ея жизнь, невѣста сидѣла у окна своей комнаты и глядѣла въ тихомъ раздумьи на длинный бульваръ. Начиналась вторая половина августа, мѣсяца у насъ почти всегда осенняго. День былъ

пасмурный; сизыя, холодныя тучи тянулись лѣниво по небу. Москва еще сохраняла свой лѣтній пустынный видъ; рѣдко проносился экипажъ по степенной улицѣ, на безлюдномъ бульварѣ являлся только иногда какой-нибудь плебейской, поспѣшный прохожій въ синемъ кафтанѣ или сѣромъ армякѣ. Пыльныя липы стояли неподвижны, съ какимъ-то усталымъ, скучливымъ выраженіемъ; сырой воздухъ вѣялъ дождемъ.

О чемъ думала Цецилія такъ долго, съ такимъ разсѣяннымъ взоромъ? что было причиной такого почти унылаго мечтанья? Она сама не могла бы этого сказать. Мы не властны надъ своими непонятными чувствами, и не отъ внѣшнихъ событій зависятъ наши впечатлѣнія. Кому не дѣлалось иногда тяжело и грустно на сердцѣ среди блистательнаго праздника, общаго шумнаго веселія и своей собственной радости? Она, можетъ быть, испытывала въ эту минуту, какъ странно иногда стѣсняетъ грудь человѣка наступающее исполненіе его страстныхъ желаній, какъ будто онъ, хотя на одно мгновеніе, понимаетъ всю ихъ слѣпоту и ничтожность.

Своенравную эту думу прервала вошедшая горничная, Аннушка.

— Маменька приказали вамъ доложить, чтобы вы пожаловали кушать; они уже изволили сѣсть за столъ.

— Какъ,—сказала Цецилія,—развѣ ужъ такъ поздно?

— Пробило пять часовъ-съ.

Цецилія поспѣшила въ столовую, гдѣ ее ждала мать.

Дмитрія въ этотъ день не было.

Вѣра Владиміровна захотѣла, чтобы Цецилія провела этотъ вечеръ наединѣ съ своими подругами. Это было нѣчто въ родѣ дѣвичника.

Вѣра Владиміровна была извѣстна по своему патріотизму и любви ко всѣмъ русскимъ обычаямъ, хотя она, когда ей случалось ихъ исполнять, давала имъ физіономію довольно французскую. Часу въ девятомъ съѣхались къ Цециліи ея молодыя пріятельницы. Прежде всѣхъ пріѣхала Ольга, необыкновенно веселая.

Князь Викторъ былъ всѣ эти дни съ нею чрезвычайно любезенъ, что она и поспѣшила разсказать тотчасъ Цециліи наединѣ.

— Представь, душенька, я вчера находилась въ ужасномъ положеніи. Ты знаешь, что у насъ была учреждена большая кавалькада въ Петровское. Прекрасный путешественникъ, котораго ты у насъ видѣла, лордъ Гранвиль, участвовалъ въ ней, и предложилъ мнѣ пари, что онъ меня перегонитъ. Я согласилась, надѣясь на свою лошадь. Вотъ утромъ приходятъ мнѣ вдругъ сказать, что она хромаетъ. Это было въ присутствіи князя Виктора, который заѣхалъ спросить

о маменькиномъ здоровьѣ. Я была въ отчаяніи, что должна отказаться отъ кавалькады, а особенно отъ пари съ лордомъ. Между тѣмъ, князь Викторъ уѣхалъ, и вообрази, черезъ часъ потомъ, онъ мнѣ присылаетъ своего грума съ Гальнарой, лучшей изъ его лошадей, и велитъ мнѣ сказать, что онъ искренно желаетъ, чтобы я съ ней выиграла свой пари. Я и въ самомъ дѣлѣ выиграла. Каково?

Цецилія приняла сердечное участіе въ Ольгиной радости.

— Я всегда думала,—сказала она,—что ты будешь женой князя Виктора. Дай тебѣ Богъ счастія!

Ольга бросилась ей на шею. Вошли другія посѣтительницы, и началась обыкновенная бесѣда молодыхъ дѣвушекъ: веселая болтовня, легкія насмѣшки надъ отсутствующими пріятельницами, невинныя тайны, прошептанныя на ухо, иногда, невзначай, колкое словечко, и все это удивительно граціозно.

Цецилія, разумѣется, была царицей плѣнительнаго круга; ей подруги платили ту невольную дань, на которую имѣетъ право торжественная избранница любви, что понимаютъ всѣ эти догадливыя, непосвященныя Ундины. Она сама дышала сладкой гордостью, какую чувствуетъ въ себѣ каждая невѣста, даже бѣдная нарѣченная ремесленника. Ея утреннія, неясныя думы совершенно исчезли въ ней. Она опять довѣряла радостно своей судьбѣ. Молодыя гостьи за-

нялись подарками, сдѣланными ей женихомъ, матерью и родными, разсматривали, разспрашивали, хвалили, оцѣняли, завидовали, и часы проходили живо и весело.

Они проходили еще веселѣй въ то же самое время въ залѣ одного дома у Арбатскихъ воротъ, гдѣ жилъ Дмитрій Ивачинскій. Онъ въ этотъ вечеръ, буйно бесѣдуя съ десяткомъ друзей, прощался со своимъ холостымъ бытомъ. Шампанское текло, сигарки дымились вокругъ стола, гдѣ недавно кончился обѣдъ и на скатерти котораго тѣснились бутылки, сверкали бокалы и темнѣли широкія пятна пролитаго Бургондскаго и Лафита. Молодые повѣсы приходили въ восторженное состояніе. Раздавался крикъ, споръ, бойкій смѣхъ, рѣзкія шутки и вся примѣсь грубой мужской утѣхи. Ильичевъ разсказывалъ непристойные анекдоты, слушатели хохотали во все горло, громче всѣхъ хохоталъ Дмитрій, который пересаливалъ и веселье, также какъ чувствительность и печаль. Онъ всегда боялся не оправдать передъ самимъ собой собственнаго почтенія къ своей необузданной силѣ.

Между тѣмъ, Цецилія, въ кругу своихъ пріятельницъ, говорила имъ о неимовѣрной кротости и застѣнчивой любви своего будущаго мужа, и вычисляла всѣ его добродѣтели.

Было уже довольно поздно, молодыя дѣвушки

вышли на балконъ, звѣздное небо сверкало, темныя тучи утра сошли съ него и легли чернымъ поясомъ вдоль горизонта. Цецилія прислонилась къ рѣшеткѣ и вспоминала, какъ стояла съ тѣми же посѣтительницами на томъ же балконѣ, въ одну майскую ночь, три мѣсяца тому назадъ, и она съ душевнымъ наслажденіемъ подумала про себя, какъ много сбылось для нея, какъ счастливо измѣнилась ея судьба въ эти три мѣсяца.

Когда всѣ веселыя гостьи уѣхали, когда Цецилія пожелала матери доброй ночи и вошла въ свою спальню, она была исполнена радостнымъ волненіемъ; она, въ теченіе всего вечера, такъ много говорила съ подругами про Дмитрія, такъ припомнила и расхвалила всѣ его достоинства и прекрасныя качества, такъ похвастала его любовью и своимъ счастьемъ, что упившись сладкимъ хмелемъ этого разговора, находилась еще подъ пріятнымъ вліяніемъ своихъ собственныхъ словъ. Она позвонила горничную, освободила свои длинныя косы, растянула сжимающій кушакъ, сбросила платье и тѣсный корсетъ, стряхнула легкимъ движеніемъ стройный башмакъ, и вложивъ босыя ножки въ мягкія турецкія туфли, надѣвъ свободный пенюаръ, отпустила Аннушку и сѣла на диванъ. Дверь затворилась за горничной, молодую невѣсту окружало молчаніе и мирныя сумерки. Одна лампочка иконы освѣщала уютную спальню, слабо и таинственно

сіяя съ высоты кіоты. Томный лучъ падалъ на склоненную голову съ раскинутыми, черными волосами, на чистое чело, на сладостную полу-улыбку нѣжной мечтательницы. Юная душа разсказывала себѣ въ тишинѣ ночной какую-то безмолвную, чудесную повѣсть. Звѣзды мерцали сквозь длинныя, кисейныя занавѣски оконъ тихой комнаты.

Въ залѣ Дмитрія шумъ возрасталъ. Шампанское смѣнялось ромомъ, жженка пылала синимъ огнемъ среди стола, оргія дошла до полнаго разгула. Двѣ-три слабыя натуры уже лежали на диванахъ, но остальные герои кричали и хохотали тѣмъ громогласнѣе, хотя и нѣсколько безсмысленно.

— Ивачинскій!—возопилъ Ильичевъ,—ты, знать, въ самомъ дѣлѣ прощаешься съ радостями жизни, что пьешь такъ отчаянно?

— Я теперь вижу, что ты пьянъ, — отвѣчалъ Дмитрій,—потому что начинаешь говорить нелѣпости.

— Господа,—продолжалъ громкимъ голосомъ Ильичевъ, поднимая свой полный стаканъ,—я пью за здоровье Ивачинскаго и предлагаю пари, что онъ съ завтрашняго дня сдѣлается самымъ нравственнымъ человѣкомъ и добродѣтельнымъ семьяниномъ; будетъ прогуливаться по бульвару съ женой подъ ручку, пить только невинный чай, а потомъ съ дѣтьми и кипяченое молоко.

Гулъ хохота поднялся снова.

— Слышишь, Ивачинскій?—закричало нѣсколько голосовъ.

— Слышу.

— Чтожъ ты не отвѣчаешь?

— Что мнѣ отвѣчать на такой вздоръ?

— Видишь, Ивачинскій,—сказалъ Ильичевъ,—какая у тебя прекрасная репутація, они всѣ со мной согласны и никто не хочетъ держать моего пари.

Изо всѣхъ душевныхъ впечатлѣній стыдъ есть чувство самое условное и способное къ ложному примѣненію. Дмитрію сдѣлалось стыдно, что эти гуляки предполагали въ немъ возможность остепениться. Ему, можетъ быть, въ обществѣ наглаго вора сдѣлалось бы стыдно, что онъ не кралъ.

— Я держу пари,—закричалъ онъ,—и съ нынѣшняго дня черезъ недѣлю зову васъ всѣхъ на богатырскую попойку у цыганъ.

— Браво!—зашумѣли гости,—дѣло.

— Разумѣется,—прибавилъ одинъ,—кому бы пришла охота жениться, еслибъ блаженное состояніе супружества заставляло отказаться отъ вина и веселья.

— Хвастаетъ,—сказалъ Ильичевъ,—гдѣ ему! неравно жена узнаетъ!

Дмитрій взмахнулъ рукой съ невыразимо героическимъ презрѣніемъ и сразу выпилъ до дна свой стаканъ жженки.

Цецилія, въ своей тихой спальнѣ, все еще сидѣла

въ глубокой задумчивости, но мало-по-малу ея мечтанія безотчетно измѣнялись. Она взглянула кругомъ на эту скромную, цѣломудренную комнату, которую должна была завтра покинуть навсегда, и темно поняла многое въ эту минуту. Все ея дѣтское, ясное, ею такъ гордо презрѣнное спокойствіе мелькнуло вдругъ передъ ней, какъ безцѣнный, потерянный кладъ. У нея лежалъ камень на груди. Она старалась утѣшиться, исчисляя себѣ съизнова всѣ достоинства Дмитрія, всѣ поруки ея будущаго счастія; но теперь они какъ-то не приходили ей на умъ. Больнѣе и больнѣе стѣсняла душу безсмысленная боязнь, загадочное горе. Нервы ея напрягались тягостно. Въ ней не было силы сбросить съ сердца подавляющую думу, она сидѣла съ поникшей головой, вся нѣмая подъ бременемъ неизъяснимаго чувства. Внезапно дрожь пробѣжала по ней и она осталась неподвижною, какъ въ магнетическомъ снѣ. Наклонившись немного впередъ, со взоромъ, странно вперяющимся въ сумерки, съ невыразимой грустью на лицѣ, Цецилія, сквозь стѣны и пространство, словно достигала до того буйнаго пира, словно видѣла острый пламень жженки и слышала рѣзкій хохотъ знакомаго голоса.

Наконецъ, она слабая, встала, подошла къ углу, гдѣ икона сверкала золотымъ своимъ окладомъ, и съ тяжелымъ вздохомъ упала на колѣни предъ священнымъ ликомъ, который глядѣлъ такъ спокойно на всѣ бури сердечныя, на все горе земное.

Долго она лежала передъ образомъ, стараясь напрасно овладѣть своими мыслями, въ горькомъ забытьи, не молясь, если скорбь и смиреніе не молитва; потомъ, нѣсколько облегченная, поднялась, подошла къ своей кровати, и въ послѣдній разъ легла на эту мирную постель дѣвы, гдѣ столько ночей такъ сладко мечтала, такъ тихо спала. Блѣдное ея чело упало на подушку; она нѣсколько времени пролежала, какъ мраморная статуя гробницы.

Нарядные часы на маленькой колоннѣ между оконъ пробили въ ночномъ безмолвіи одинъ звонкій ударъ. Цецилія медленно приподнялась и взглянула. Ей помнилось что-то и не могло ясно припомниться; какое то слово, котораго она не находила, какое-то имя, которое ей не давалось... И она чувствовала, и знала навѣрное, что все теперешнее уже когда-то съ ней было, что эта минута повторялась въ ея бытіи, что она ее уже разъ пережила... Боже мой! шепнула она почти вслухъ, кто же умеръ?.. Какъ это?..

Она боролась со сномъ.

Но ей постепенно наполняло всю душу робкое, сладостно-грустное ожиданіе, желаніе невнятное, будто другая, непостижимая любовь. Изъ-подъ опущенныхъ, темныхъ рѣсницъ скользили медленно тихія, свѣтлыя слезы. Она засыпала, какъ обиженный, полу-угомоненный ребенокъ... И вотъ ей вспомнилось... кругомъ все глухо... не пора ли?.. она одна... чему же быть?..

Надъ ней сіяютъ звѣзды грозно,
Бездонна ночь, чуть виденъ долъ;
Она одна... быть можетъ, поздно,
Быть можетъ, встрѣчи часъ прошелъ.

Полночная вспорхнула птица...
Молчитъ, какъ гробъ, объемъ земли;
Порой сердитая зарница
Сверкаетъ въ сумрачной дали.

И съ нею вдругъ стоитъ онъ рядомъ,
Поникнувъ пасмурнымъ челомъ,
Недвижный, съ безнадежнымъ взглядомъ,
Въ раздумьѣ тяжкомъ и нѣмомъ.

—Ты вновь пришелъ!.. и не во снѣ мы?..
Зачѣмъ такъ розенъ былъ нашъ путь?..
Зачѣмъ уста твои такъ нѣмы?..
Зачѣмъ мнѣ страхъ ложится въ грудь?..

И онъ склонился, грустно, блѣдный,
И онъ печали далъ слова:
—Простимся жъ нынѣ, другъ мой бѣдный,
Да вступитъ жизнь въ свои права.

Иди назадъ къ земному краю,
Иди къ земному ты вѣнцу,
Тебя я міру уступаю,
Съ молитвой трепетной къ Творцу.

Горе всѣмъ далъ Онъ равно намъ,
Всѣмъ далъ мѣру грустныхъ дней:
Покори его законамъ
Ропотъ гордости твоей.

Жить учись въ тревогѣ внѣшней,
Юныхъ грезъ забывъ эдемъ,
Тайной думы безутѣшной
Не дѣлясь уже ни съ кѣмъ.

Не вотще рвались такъ жадно
Бредни сердца къ бытiю,
Жизнь исполнитъ безпощадно
Просьбу страстную твою.

И волшебнаго тумана
Разнесется свѣтлый паръ;
Слишкомъ поздно, слишкомъ рано
Ты познаешь жданный даръ.

И свершитъ судьба въ избыткѣ
Надъ тобою казнь свою;
Но не лечь въ жестокой пыткѣ,
Но не пасть тебѣ въ бою.

Ты найдешь среди боренiй
Безпризрачныхъ, тяжкихъ лѣтъ,
Много чистыхъ увлеченiй
Много радостныхъ побѣдъ.

Ты снесешь друзей обиды,
Злую ложь сердечныхъ словъ:
И таинственной Изиды
Приподымешь ты покровъ.

Бытіе поймешь земное
Созрѣвающей душой:
Купишь благо дорогое
Дорогою ты цѣной.

Усмиришь въ груди вражду ты,
Предъ бѣдой не склонишь вѣждъ,
Не смутятъ тебя минуты
Ни обмановъ, ни надеждъ.

Все, что нынѣ безъ сознанья,
Чуждо всѣмъ, въ тебѣ цвѣтетъ,
Жизни жгучія страданья
Обратятъ въ богатый плодъ.

Такъ иди жъ, по приговору,
Только вѣрою сильна,
Не надѣясь на опору,
Беззащитна и одна.

Не тревожь преступно неба,
Заглуши свои мечты;
И насущнаго лишь хлѣба
Смѣй просить у Бога ты.

X.

На другой день, въ осьмомъ часу вечера, блисталъ въ темнѣющихъ сумеркахъ великолѣпно освѣщенный и убранный домъ Вѣры Владиміровны. Народъ толпился на Тверскомъ бульварѣ, напротивъ сіяющихъ оконъ, и, какъ обыкновенно, любовался добродушно надменной пышностью и недоступнымъ счастьемъ богачей. Въ роскошномъ кабинетѣ, передъ огромнымъ зеркаломъ, озареннымъ яркимъ свѣтомъ канделябровъ, Цецилія, окруженная своими молодыми подругами, надѣвала то прекрасное, торжественное платье, о которомъ мечтали всѣ эти милыя головки, котораго призракъ такъ плѣнительно и упорно возстаетъ въ дѣвственныхъ грезахъ, и въ которое облачиться еще не отчаявалась даже и бѣдная Надежда Ивановна, суетившаяся около невѣсты.

И невѣста была невыразимо прелестна въ этой брачной одеждѣ, съ этимъ чудеснымъ вуалемъ, прозрачно спадающимъ на ея юныя плечи, съ этими бѣлыми, померанцевыми цвѣтами, дрожащими ярко въ чернотѣ ея кудрей, съ этими искрометными ал-

мазами, и съ этимъ блѣднымъ лицомъ, съ этими задумчивыми глазами.

Цецилія находилась въ нервномъ разстройствѣ, естественномъ въ подобную минуту, и не могла понять своихъ внутреннихъ, таинственныхъ движеній. Ей порою сдавалось, что она во снѣ, что ее не въ самомъ дѣлѣ везутъ въ церковь вѣнчаться, и спрашивала себя: какъ же это все сдѣлалось такъ скоро? какъ же это она идетъ за мужъ за Дмитрія?

Нарядъ былъ оконченъ; ей подали еще одинъ богатый браслетъ, подаренный женихомъ. Она протянула руку, чтобъ ей его надѣли и, смотря разсѣяннымъ взоромъ, какъ Ольга смыкала замокъ, прошептала въ глубокой думѣ.

Такъ иди жъ, по приговору,
Беззащитна и одна!...

— Что ты говоришь?—спросила Ольга, взглядывая на нее съ удивленіемъ.

— Не знаю,—отвѣчала Цецилія,—это какая-то пѣсня, которая у меня вертится на умѣ. Не могу припомнить, гдѣ я ее слышала.

— Какой вздоръ,—сказала Ольга;—ступай, ты готова; надѣвай перчатки, ужъ пора.

Черезъ часъ потомъ, близъ Арбатскихъ воротъ, у богатаго прихода Николы Явленнаго, уставились длиннымъ рядомъ нарядные экипажи; церковь сіяла

огнями; въ ней тѣснилось аристократическое общество, а въ дверяхъ плебейская толпа зѣвала на свадьбу, и толкалась ревностно, стараясь увидать издали прекрасную чету.

Блѣдная Цецилія стояла съ тихо наклоненной головою подъ тяжелымъ вѣнцомъ, котораго бремя, можетъ быть, символическое, она будто чувствовала на молодомъ челѣ. Ея члены слегка дрожали, и два-три раза взоръ ея взлеталъ трепетно вдоль иконостаса до верху купола, гдѣ сквозь высокое окно чернѣло ненастное небо.

Между зрителями близь дверей шли полушопотомъ обыкновенные толки и замѣчанія, вопросы и отвѣты.

— Что же она такая сурьезная? развѣ нехотя идетъ?

— Нѣтъ, по любви.

— Каковы бриллiанты!

— А что, онъ-то богатъ?

— Говорятъ, бѣденъ.

— За то хорошъ собой.

— Помилуй,—сказалъ Ильичеву одинъ прiятель, стоящій съ нимъ въ углу церкви,—какъ это она прославилась красавицей? совсѣмъ не хороша; блѣдна, какъ мертвая.

— Она больна нервами,—отвѣчалъ Ильичевъ.

— Тьфу!—продолжалъ тотъ,—эти нервныя жены наказаніе Божіе. Онъ съ ней не радъ будетъ жизни.

— Вылечитъ,—сказалъ хладнокровно Ильичевъ.

Торжественный обрядъ кончился; родные, друзья и знакомые обступили молодыхъ съ поздравленіями, провожая ихъ къ паперти. У выхода князь Викторъ подошелъ къ Валицкой, съ своимъ чопорнымъ, едва замѣтнымъ поклономъ.

— Нѣтъ ли у васъ препорученій въ Парижъ?—сказалъ онъ ей небрежно,—я завтра отправляюсь туда.

— Какъ?—спросила испуганная Наталья Аѳанасьевна, вы ѣдете? я надѣюсь, не надолго.

— Не знаю,—отвѣчалъ князь,—вѣроятно, надолго.

Наталья Аѳанасьевна нашла силу почти улыбнуться и проговорить нѣсколько словъ, въ которыхъ заключалось, не совсѣмъ ясно, желаніе счастливаго пути. Князь опять слегка поклонился и изчезъ, со всѣми ея прекрасными надеждами.

Изъ чего же она такъ усердно старалась и такъ искусно сосватала Цецилію съ Ивачинскимъ? Все ея умѣнье было напрасно; весь ея трудъ пропалъ даромъ.

Она закусила губы и пошла вслѣдъ за другими.

Вѣра Владиміровна, на паперти, утирала глаза, полные радостныхъ слезъ.

Подали экипажи, раздавался грохотъ колесъ, топотъ коней, визгъ форрейторовъ, крики кучеровъ и

лакеевъ, вся громкая тревога разъѣзда. Народъ расходился, въ церкви гасили огни.

Скоро потомъ она стояла, на опустѣлой, широкой улицѣ, темная и нѣмая. Надъ нею проходили медленно тяжелыя грозящія тучи и неслися невѣдомо куда.

Взяла свое взлелѣянная дума,
Нашла языкъ, въ міръ внѣшній перешла;
Давно жила, среди людского шума,
Она во мнѣ, свободна и свѣтла.

И долю я въ душѣ ее умѣла,
Безмолвною, сберечь себѣ одной;
И на свое гляжу теперь я дѣло
Съ невольною и странною тоской.

И мнѣ потомъ на умъ приходитъ снова,
Что жизнь встрѣчать иначе мнѣ пора,
Что грезы ложь, что безполезно слово,
Что звукъ и стихъ ничтожная игра.

Послѣдняя, быть можетъ, пѣсня эта;
Скорѣй годовъ уносятся мечты!
Признать и мнѣ ль власть суетную свѣта?
Забыть и мнѣ ль служенье красоты?

Мнѣ глубь души согрѣвшая впервыя,
Простишься ль ты, поэзія, со мной?

Покину ль васъ, о, вѣры молодыя?
Найду ли я безсмысленный покой?

Познавъ земли восторги и печали,
Свои проживъ тревожныя лѣта,
Скажу ли я, что многіе сказали:
Все бредъ пустой! все грустная тщета!

Слабѣетъ духъ, и до меты далеко.
Безумная надежда прежнихъ дней
Чуть помнится, и гласъ самоупрека
Въ моей груди все громче и грознѣй.

Меня томитъ безсильное исканье,
Вопросами я тяжкими полна.
Одно лишь есть въ душѣ моей сознанье,
Одна лишь мочь и не умретъ она!...

Такъ пусть грозитъ грядущее утратой,
И съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ сердца сны,
Пусть поплачусь я горестною платой
За свѣтлыя дары моей весны.

Пусть брошу я, средь жизненнаго моря,
За кладомъ кладъ на бурной глуби дно:
Блаженъ и тотъ, кто могъ, съ грозою споря,
Себѣ спасти сокровище одно.

КАДРИЛЬ.

КАДРИЛЬ.

Посвященіе.

Е. А. Баратынскому.

Ты мечты моей созданью
Ждалъ счастливаго конца...
И вѣрна души призванью,
Этотъ трудъ печальной данью
Я кладу на гробъ пѣвца:

Въ память думъ твоихъ, Евгеній,
Полныхъ чистаго огня,
Въ память свѣтлыхъ вдохновеній,
Въ память радостныхъ мгновеній,
Въ память горестнаго дня.

Для маскарада ужъ одѣта,
Замокъ алмазнаго браслета
Смыкая на рукѣ, вошла
Графиня въ двери кабинета;
И въ этотъ вечеръ какъ была,
Въ нарядѣ вишневаго цвѣта,
Она прекрасна и бѣла!

Какимъ сіяньемъ талисмана
Въ ея вѣнцѣ блестѣлъ опалъ!
Какъ пышно, вкругъ младаго стана,
Тяжелый бархатъ упадалъ!
Бьетъ девять. Взоръ склонивши томный,
Она сидитъ и ждетъ подругъ;
Сложила, на одеждѣ темной,
Блестящій мраморъ дивныхъ рукъ.
Какъ знать, что̀, подъ густой рѣсницей,
Высказываетъ яхонтъ глазъ?
Въ какую даль, младою птицей,
Теперь мечта ея взвилась?
О чемъ задумалась такъ мило?
Какимъ забылась тайнымъ сномъ?
Владѣетъ ли ея умомъ
То, быть чему... иль то, что было?
Но вотъ къ хозяйкѣ молодой
Три юныя подруги рядомъ,
Шелковымъ зашумѣвъ нарядомъ,
Вошли въ затѣйливый покой.

Встаетъ съ богатаго дивана
Графиня: „Какъ любезны вы,
Что съѣхались ко мнѣ такъ рано“!
И быстро съ ногъ до головы
Ихъ осмотрѣла: „Какъ пристала

Къ Надинѣ яркая жонкиль!
Какъ бѣлый бархатъ рядитъ Олю!"
И язычкамъ своимъ далъ волю
Очаровательный кадриль....
А засыпалъ ужъ православный
Широкій городъ, между тѣмъ;
Въ его срединѣ Кремль державный
Свѣтлѣлъ, какъ призракъ, грозно нѣмъ;
Ночь воцарилась. . . . .
Южной ночи
Не знаю я, Россіи дочь;
Но какъ у насъ, въ морозной мочи,
Январская волшебна ночь!
Когда, молчаніемъ объяты,
Бѣло стоятъ Москвы палаты;
Когда стозвѣздна синева;
И будто въ ледянныя латы
Одѣта дивная Москва!
На эти долгіе морозы
Роптала я въ моей веснѣ;
Играли молодыя грезы
Просили многаго онѣ.
Теперь съ тобою было бъ больно
Разстаться мнѣ, Москва моя!
Безвѣстной долей я довольна,
Страшусь иного бытія.
Прошли воображенья чары;

Давно не возмущаютъ сна
Ни андалузскія гитары,
Ни грохотанье Ніагары,
Ни главъ альпійскихъ бѣлизна.
Привыкла къ скромной я картинѣ,
Къ уединенному труду;
И взорамъ видъ любимый нынѣ—
Дитя веселое въ саду.
. . . .

Зачѣмъ, качая головою,
Такъ строго на меня смотря,
Зачѣмъ стоишь передо мною,
Призракъ пѣвца-богатыря?..
Ужели думъ моихъ обманы
Увлечь дерзнутъ мой дѣтскій стихъ
Въ завѣтный міръ твоей Татьяны,
Въ міръ свѣтлыхъ образовъ твоихъ,
Гдѣ облачалъ мечту-царицу
Ты въ лучезарный диѳирамбъ,
И клалъ ей въ гордую десницу,
Какъ звучный мечъ, свой мочный ямбъ?
Увы! гдѣ тотъ, въ отчизнѣ цѣлой,
Кто бъ могъ, какъ ты непобѣдимъ,
Владѣть теперь, въ надеждѣ смѣлой,
Твоимъ оружьемъ золотымъ?
Сраженный смертію нежданной

Доспѣхъ ты чудный взялъ съ собой,
Какъ въ старину булатъ свой бранный
Въ свою гробницу бралъ герой.
И всѣ робѣютъ и понынѣ,
Поэта вспоминая видъ;
Все страшенъ ты пѣвцовъ дружинѣ,
Какъ рати мавровъ, мертвый Сидъ.
. . . .

Ночь воцарилась. Ужъ мерцали
Средь мрака фонари блѣднѣй;
Кой-гдѣ, какъ бы, по твердой стали,
Звучалъ летучій скрипъ саней.
На улицахъ первопрестольной
Все было тихо, холодно;
Гулялъ по нимъ лишь вѣтеръ вольный
Метель стучалася въ окно.
Но, недоступны хладнымъ вьюгамъ,
Зимы чудесные цвѣты,
Передъ каминомъ, тѣснымъ кругомъ,
Четыре сѣли красоты.
Въ непринужденномъ разговорѣ
Уже быстрѣе ихъ слова
Сливаться стали; рѣчь сперва
Была о свѣтскомъ, пестромъ вздорѣ,
Которымъ тѣшится Москва;
Но женская бесѣда вскорѣ

Пошла привычной колеей;
И тотчасъ, вспыхнувъ, споръ живой
Родное принялъ направленье:
Мужчинъ и женщинъ назначенье,
И сердца выборъ роковой,
И тяжкое разувѣренье.
Всегда въ бесѣдѣ мы своей,
Невольно въ рѣчь впадаемъ ту же: . . .
Молчимъ почтительно о мужѣ,
Но вообще, бранимъ мужей.

—Нѣтъ, я не соглашуся съ вами;
Признаемся, почти всегда
Во всемъ мы виноваты сами,

—Помилуйте, графиня!
—Да;
Тѣхъ бѣдствій женщина могла бы
Избѣгнуть, еслибы она
Сама себѣ была вѣрна;
Но всѣ мы вѣтрены и слабы.
Глубоко въ сердце вложено
Намъ чувство счастія и блага;
Но отъ рѣшительнаго шага
Когда удержитъ насъ оно?
Насъ самолюбье губитъ вѣчно;
Кто скажетъ намъ, что не грѣша

Нельзя насъ не любить сердечно,—
Въ томъ и высокая душа,
Тому ввѣряемся безпечно,
Притомъ пугаетъ, съ раннихъ поръ,
Насъ предразсудка приговоръ.
Не смѣемъ ждать мы благородно
Того, чье сердце съ нашимъ сходно,
Съ кѣмъ мы сойтись бы на пути
Могли;—съ кѣмъ и сошлись, но поздно,
Когда обоимъ уже розно
На вѣкъ назначено итти.
Не мы ль, скажите, виноваты?

—Легко вамъ говорить о томъ,
Графиня; были вы богаты,
Не принуждали васъ ни въ чемъ.
Вы жили вольно, прихотливо,
Всѣмъ наслаждалися вполнѣ;
Вамъ было золото не диво,
Вамъ не твердили суетливо
Вседневно о его цѣнѣ.
Вамъ и не грезилось во снѣ,
Что часто дочь—у насъ уплата
Долговъ отца, издержекъ брата,
И что избѣгнуть невольна
Она законнаго разврата.
Ея ли грѣхъ? ея ль вина?..

Быть-можетъ, искренне и свято
Любить умѣла и она!

—Такъ правда; но признайтесь, Лиза,
Что замужъ часто же идемъ
Мы изъ досады, изъ каприза;
И горько каемся потомъ.

—Нѣтъ, не всегда. Судите сами,
Могу ль я согласиться съ вами?
Итти за мужа тщетно мать
Меня просила; давши слово,
Отказываться я опять
Уже совсѣмъ была готова.
Да вышла жъ; да и не тужу,
А странная тому причина...

—Что жъ? разскажите же, Надина.
—Коли хотите, разскажу.

РАЗСКАЗЪ НАДИНЫ.

Тому шесть лѣтъ, ни роскоши я свѣтской,
Ни пестроты не знала городской.
Жила я жизнію простой и дѣтской
У матери, въ губерніи Тверской;
Ѣзжала съ ней лишь въ городокъ уѣздный,
Занятья были тѣ же и одни
Всегда, и проходилъ мой день полезный
Скорѣй тогда, чѣмъ нынѣшніе дни.
Разъ, помню, въ утро жаркое іюня,
Къ намъ съ дочерью пріѣхалъ нашъ сосѣдъ;
Она была со мною равныхъ лѣтъ.
Пошли мы обѣ въ садъ, и стала Дуня
Разсказывать, что вдругъ, тому дня съ два,
Въ село Покровское помѣщикъ новый
Явился, что идетъ о немъ молва
Престранная, что, мрачный и суровый,
Онъ по ночамъ гуляетъ, какъ сова...

Есть старые, всеобщіе обманы;
По-моему, то мнѣнье въ ихъ числѣ,
Что вредно дѣвушкамъ читать романы,
Что насъ занять прилично лишь иглѣ.

Я по себѣ сужу; я не читала
Романовъ; должно было жить весьма
Разсчетливо; досуговъ было мало;
Я матери въ хозяйствѣ помогала,
И на себя работала сама.
Но думаю, что никакое чтенье,
Что никакой бы пламенный поэтъ
Не могъ во мнѣ развить воображенье,
Такъ какъ оно, въ тиши тѣхъ юныхъ лѣтъ,
Въ умѣ безъ дѣла возрастая скрытно,
Свободно расцвѣло и самобытно,
Глухихъ пустынь роскошно дикій цвѣтъ.
Вы знаете, покуда ваши пальцы
По кисеѣ скользятъ или тафтѣ,
Какъ пагубно-благопріятны пяльцы
Сердечнымъ снамъ и молодой мечтѣ!
Я помню, какъ, работая безъ скуки
Весь день, душой была я далека;
Какъ на шитьѣ остановивши руки,
Недвижный взоръ вперяла въ облака;
Какъ ночью, спрятавшись подъ одѣяло,
Чудесныя событья вымышляла,
Средь полутьмы, при лампочкѣ иконъ;
И сказку, спутанную сномъ, сначала
Трудясь вести, сердилась я бывало
На молодой, неотразимый сонъ.
И поутру, на лбу свивая локонъ,

Предъ зеркаломъ задумчиво стоя,
Ужъ въ тайный бредъ вновь погружалась я.
Мужчина, если бъ насъ подслушать могъ онъ,
Подумалъ бы, что должно знать мнѣ честь
И болтовнѣ не предаваться женской.
Я объяснить хотѣла, какъ та вѣсть
Подруги, въ мирѣ жизни деревенской,
Мои мечты должна была занять.
Меня не разъ съ тѣхъ поръ бранила мать.
Случалося, что въ думѣ безпредѣльной,
Сводя по прежнему расходъ недѣльный,
Чрезъ полчаса умѣла я едва
Счесть вмѣстѣ, безъ ошибки, дважды два.
Кто жъ могъ онъ быть, затворникъ тотъ надменный,
Тотъ недругъ дня, въ глуши уединенной
Такъ глубоко сокрывшійся отъ всѣхъ?
Его душа таила незабвенный,
Тяжелый, можетъ, и безвѣстный грѣхъ.
Мнѣ незнакомъ былъ и Манфредъ и Лара,
Но мнѣ фантазія, поэтъ нѣмой,
Ихъ создала; и всюду предо мной
Сверкалъ, средь грезъ душевнаго угара,
Двухъ мрачныхъ глазъ взоръ грозный, но родной.
Подъ осень, разъ, вечернею порой,
Вхожу я въ чайную: у самовара
Сидѣлъ тамъ гость какой-то, мнѣ чужой,
Толстякъ сутулый, лысый и рябой.

Мать назвала его... Какъ отъ удара
Шатнулась я;—то былъ страдалецъ мой,
Мой собственно изобрѣтенный Лара,
Мой инокъ, мой преступникъ, мой герой,—
Андрей Ильичъ! Чуть-чуть я не всплеснула
Руками. Онъ, съ трудомъ привставъ со стула
И поклонясь, опять сѣлъ тяжело.
Возобновилась рѣчь ихъ; дѣло шло
О томъ, что уродилася гречиха.
Я вышла вонъ, въ пустынный садъ скорѣй
Ушла, и, средь желтѣющихъ аллей,
Заплакала я горестно и тихо,
Какъ объ умершемъ, о мечтѣ моей.

Прошли четыре дня, въ концѣ недѣли
Я только-что успѣла встать съ постели,
Какъ дѣвушка мнѣ доложить пришла;
Васъ маменька къ себѣ позвать велѣла.
Мать въ спальнѣ ужъ сидѣла у стола
Съ письмомъ, и на меня съ улыбкой глядя,
Спросила тотчасъ: хочешь ли ты, Надя,
Женою быть Андрею Ильичу?
Я громко вскрикнула: —Нѣтъ! не хочу!
Нѣтъ! ни за что на свѣтѣ!
Тутъ мнѣ стала
Мать говорить, все что сама я знала:
Что жениха такого мнѣ во вѣкъ

Не встрѣтить; что онъ добрый человѣкъ;
Что не найду я мужа—идеала;
Что мнѣ грѣшно нейтти за богача;
Что жить нельзя одними лишь мечтами;
Что всякая обѣими руками
Сейчасъ взяла бъ Андрея Ильича.
Я слушала, и все одно твердила;
—Нѣтъ! не хочу!

Весь день прошелъ уныло;
А на другой пріѣхала родня,
И упросили, наконецъ, меня
Хоть подождать съ рѣшительнымъ отвѣтомъ...
Какъ объяснилась, впрочемъ, мать объ этомъ
Въ своемъ письмѣ къ Андрею Ильичу,
Не знаю; только въ церкви нашей тѣсной
Всегда съ тѣхъ поръ, какъ помню, въ день воскресный,
Она въ обѣдню ставила свѣчу.
Такъ время шло, и положенье это,
Не измѣнясь, продлилось до зимы;
Но матушка уже съ исхода лѣта
Хворала; стало хуже ей, и мы
Рѣшилися въ Москву поѣхать съ нею,
Ее лѣчить. Пришелъ отъѣзда часъ;
Андрей Ильичъ въ то утро былъ у насъ;
Какъ все сбылось, сама вамъ не умѣю
Сказать; мать вдругъ мнѣ бросилась на шею

И, вся дрожа, слезами залилась.
Мнѣ показалась грѣшной и безбожной
Моя упорность, и какъ разъ потомъ
Стояла въ шляпкѣ я уже дорожной,
Рука съ рукой съ Андреемъ Ильичемъ.
Мы прибыли въ Москву, и жизнь столицы
Черезвычайно полюбилась мнѣ.
По милости двоюродной сестрицы
Я шумомъ насладилася вполнѣ;
О будущемъ супругѣ забывала
Частехонько въ очарованьи бала,
И, руку взявъ любого усача,
Оставить полагала долгомъ только
Я свой букетъ, когда гремѣла полька,
Подъ стражею Андрея Ильича.
Я, между тѣмъ, привыкла къ блеску свѣта,
Къ причудливымъ заботамъ туалета
И къ суетѣ, къ веселому житью;
И видѣла, какъ радостно бы дочки
Знатнѣйшихъ дамъ, не требуя отстрочки,
Рѣшилися на будущность мою.
Но, на нее хоть и съ другой ужъ точки
Смотря, бралась за каждый я предлогъ,
Чтобъ отложить докучной свадьбы срокъ.
И мнѣ, своимъ разстроеннымъ здоровьемъ,
Всю зиму въ томъ способствовала мать.
Я соглашалася спокойно ждать

Рѣшительнаго дня, но лишь съ условьемъ
Ждать долго, можетъ, безъ конца... Какъ знать?
Зачѣмъ мечта мнѣ бъ не сдержала слова?
Зачѣмъ бы мнѣ не сдѣлаться женой
И богача, прекраснаго собой
И прелюбезнаго, и молодого?
Терпѣніе Андрея Ильича
Не истощалось; дни летѣли мимо,
Зима прошла, и, по словамъ врача,
Пришлося маменькѣ необходимо
Въ Германію отправиться къ водамъ.
Андрей Ильичъ, чтобъ угодить невѣстѣ,
Уговорилъ maman на это самъ,
И захотѣлъ поѣхать съ нами вмѣстѣ,
И новый міръ открылся снова мнѣ,
И удовольствія и впечатлѣнья
Безъ устали мѣняла каждый день я,
И я жила, какъ будто въ дивномъ снѣ,
И какъ во снѣ сдавалось мнѣ, порой,
Что, можетъ, это все не въ самомъ дѣлѣ,
Что дома я проснусь въ своей постели,
И рощицу увижу подъ горой.
Не стану говорить про бытъ Карльсбада;
Уже давно перемѣнить бы надо
Намъ это прозвище чужихъ краевъ,
Путь къ нимъ, хоть разъ, вѣдь какъ урокъ намъ заданъ,
И знаемъ всѣ почти Веймаръ и Баденъ
Мы лучше, чѣмъ Рязань или Тамбовъ.

Вамъ также за границей жить не ново.
Пріѣхали въ началѣ сентября
Мы въ Дрезденъ; мать почти уже здорова
Была тогда, водамъ благодаря.

Здѣсь мать мнѣ объявила, наконецъ,
Что дольше ждать мы права не имѣли,
Что срокъ прошелъ, и черезъ двѣ недѣли,
А много три, пойду я подъ вѣнецъ.
Я приняла, не возразивъ ни слова,
Извѣстье матери; была готова
Почти ужъ годъ его я слышать, но,—
(Хоть это странно) словно потому-то
Казалось мнѣ, что не придетъ минута,
Мнѣ угрожающая такъ давно.
День цѣлый размышляла я серьезно,
О томъ, что дѣлать и какъ быть; не разъ
Мнѣ смѣлый и рѣшительный отказъ
Пришелъ на умъ. Но было слишкомъ поздно:
Какъ матери мнѣ вынести укоръ?
И что сказалъ бы строгій голосъ свѣта?
А между тѣмъ, казалось, свадьба эта
Противнѣе мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ,
Богъ вѣсть съ чего. А можетъ шепотъ сердца
Напоминалъ невнятно мнѣ тогда
Про одного красиваго венгерца,
Съ которымъ я встрѣчалась иногда.

До ночи все я задавала снова
Себѣ вопросъ все тотъ же, и легла,
Придумывая средства безъ числа,
Одно все невозможнѣе другого;
И очень долго не могла заснуть,
И, наконецъ, заснула съ тѣмъ, что къ цѣли
Найдется, можетъ, мнѣ нежданный путь,
Что мнѣ еще осталось три недѣли,
Что, можетъ быть, случится что-нибудь,
И возложивъ, какъ долгъ, на власть судьбины,
Что было въ тягость мнѣ свершить самой,
Я будто успокоилась душой.
Шло время, но вѣдь не было причины,
Прождавши день, не переждать другой,
Напрасно такъ прождавъ почти до срока,
И тайнаго стыдясь самоупрека,
Я принялася разсуждать о томъ,
Что въ самомъ дѣлѣ вѣдь не такъ жестоко
Супружество съ Андреемъ Ильичемъ;
Что дѣтская не кстати тутъ причуда,
Что вѣдь судьбѣ противиться нельзя жъ,
Что, впрочемъ, все-таки имѣть не худо
Роскошный домъ, блестящій экипажъ,
Хоть рѣчь идетъ совсѣмъ не о фортунѣ.
И будущаго своего житья
Себѣ удобства исчисляла я
До самаго дня свадьбы.

Накануне

Въ своемъ я кабинетикѣ одна
Ужъ подъ вечеръ стояла у окна.
За Эльбою носились звуки пѣсенъ.
Въ осеннемъ воздухѣ сіяла даль,
Спускалось солнце, вечеръ былъ чудесенъ;
Мнѣ грустно стало и чего-то жаль.
Раздуміе о предстоящей долѣ,
О прежней жизни залегло во мнѣ;
Все утихало; ласточки по волѣ
Кружилися въ прозрачной вышинѣ.
И, на брега смотря веселой Эльбы,
Подумала съ тяжелымъ вздохомъ я,
Что избрала иную въ жизни цѣль бы,
Что не того ждала душа моя!
Что, можетъ быть, сквозь винограда лозы,
Желанный тамъ бѣлѣетъ уголокъ,
Что здѣсь легко мои сбылись бы грезы,
Что сердца сонъ здѣсь воплотиться бъ могъ!
И долго, въ забытьи своемъ глубокомъ,
Глядѣла въ слѣдъ я лодочкѣ одной,
Качаемой вдали спокойнымъ токомъ.
Вдругъ чей-то шагъ послышался за мной.
Я оглянулась съ трепетомъ испуга:
Входила горничная и, съ письмомъ
Отъ будущаго моего супруга,
Мнѣ ларчикъ подала; нашла я въ немъ

Нарядъ брильянтовый, цѣны огромной,
Роскошный даръ Андрея Ильича,
Горѣли камни на подушкѣ темной
Сіяніемъ стоцвѣтнаго луча.
Нежданныя бываютъ проявленья!
Увидя этотъ дорогой нарядъ,
Была бы внѣ себя отъ восхищенья
Я, вѣроятно, часъ тому назадъ.
Но въ поэтическую ту минуту,
Когда я уносилася мечтой
Къ блаженному какому-то пріюту,
Въ какой-то міръ прелестный и святой,
Внезапный видъ надменнаго подарка
Мнѣ чувствомъ тягостнымъ наполнилъ грудь,
И сдѣлалося больно вдругъ и жарко
Какъ отъ обиды мнѣ какой-нибудь.
Въ своихъ рукахъ я свѣтлые каменья
Держала, будто взвѣшивая ихъ
Въ невольной думѣ горькаго сравненья
Съ цѣной надеждъ и чудныхъ сновъ моихъ.
Въ досадѣ тайной на восторгъ служанки
Я ей велѣла выйти, оперлась
На столъ, вблизи сверкающей приманки,
И слезы гнѣва брызнули изъ глазъ;
Толкнула отъ себя я даръ богатый,
И зазвучалъ сердечному чутью
Онъ грозно, какъ задатокъ, мною взятый

За проданную будущность мою.
И тутъ во мнѣ проснулася отвага,
И я, въ душевномъ взрывѣ, сгоряча
Рѣшила: что ни за какія блага
Не выйду за Андрея Ильича,
Что бъ мать ни говорила, негодуя,
И какъ бы свѣтъ не осуждалъ меня;
Что не пойду, что съ завтрашняго дня
Ему его брильянты отошлю я;
Что мнѣ невыносимъ Андрей Ильичъ;
Что легче соглашусь я жить въ затворѣ.
И горячась все больше на просторѣ,
Я понесла рѣшительную дичь,
И бунтовала такъ до поздней ночи,
И, наконецъ, мятежныхъ думъ полна,
Наплакавшись и выбившись изъ мочи,
Я въ креслахъ задремала у окна.
И помню, сонъ приснился мнѣ превздорный.
Усѣлась будто при лучахъ луны
Я дома, въ маленькой своей уборной.
И все тамъ, какъ бывало; у стѣны
Лишь зеркало огромной вышины
Чужое мнѣ, и вижу, какъ картину,
Я въ немъ и садъ, и рощу, и осину,
Стоящую передъ моимъ окномъ;
И гдѣ куртинъ вдали чернѣютъ тѣни,
Является изъ-за куста сирени
Вдругъ человѣкъ, окутанный плащемъ.

Нежданный гость, испанскій caballero,
Подъ мышкой мечъ, на головѣ sombrero,
Гитарою разсѣянно бренча,
Подходитъ онъ небрежно и удало,
И съ плечъ его скользнула епанча,
Съ него слетѣла шляпа, и узнала
Въ испанцѣ я Андрея Ильича.
И на меня взоръ устремивъ онъ ярый,
Шагнулъ впередъ, и бросилъ вдругъ гитарой
Мнѣ прямо въ лобъ. Меня едва спасло
Счастливое движенье отъ удара,
И стукнулась о зеркало гитара,
И вдребезги разсыпалось стекло.
Передо мной исчезла вся картина;
И я, при стукѣ звонкаго стекла,
Проснувшись, голову приподняла.
Гляжу—въ окно прыгнулъ ко мнѣ мужчина.
Вскочила я, всмотрѣлась: точно, да,
Мужчина стройный, молодой, прекрасный,
Высокій станъ, взоръ дерзостный и страстный,
И черная, густая борода.
Глядѣла неподвижно, боязливо
Во всѣ глаза я: это что? обманъ,
Сонъ? иль давно ожиданный романъ?
Онъ подошелъ, и шляпу снялъ учтиво:
„Сударыня, сказалъ онъ мнѣ, у васъ
Чудесные брильянты здѣсь въ шкатулкѣ;
Они мнѣ нужны, нужны сей же часъ,

Мы здѣсь одни, и въ этомъ переулкѣ
Кругомъ все пусто какъ бы на заказъ.
Въ дому же всѣ отсюда спятъ далеко,
Такъ въ крикѣ вамъ немного будетъ прока.
Нашъ разговоръ быть можетъ очень тихъ,
Алмазы эти стерегу давно я,
Осмѣлюсь взять ихъ, васъ не безпокоя...
Жалѣть тутъ не о чемъ; вамъ вмѣсто ихъ
Другіе вѣрно подаритъ женихъ.
И случаемъ подобнымъ было бъ глупо,
Признайтесь, не воспользоваться мнѣ.
Позвольте же.“
Безсмысленно и тупо
Я слушала сначала, какъ во снѣ;
Однако же, въ себя довольно скоро
Пришла, и даже удалого вора
Не слишкомъ испугалась. Въ тотъ же мигъ
Я вспомнила моихъ любимыхъ книгъ
Свидѣтельства, что въ мірѣ жилъ разбоемъ
И не одинъ прекрасный человѣкъ.
Такъ и глядѣлъ онъ сказочнымъ героемъ;
Пріятно встрѣтиться, хоть разъ въ свой вѣкъ,
Съ какимъ-нибудь Сбогаромъ иль Робъ-Роемъ.
Итакъ, совсѣмъ безъ страха ужъ взирала
На гостя я незваннаго, хотя
Немного и смутилася сначала;
Но видя, что шагнулъ онъ не шутя
Къ столу, гдѣ ларчикъ былъ оставленъ мною,

Остановила смѣлою рукою
Его я вдругъ, и передъ нимъ стоя:
„Послушайте, ему сказала я,
Здѣсь противъ васъ мои усилья слабы...
Такъ точно, съ вами я наединѣ,
Нѣтъ помощи, и право, вѣрьте мнѣ,
Тѣ камни вамъ сама я отдала бы.
Но слушайте; предложены они
Въ замѣну мнѣ за всѣ мои желанья,
За всѣ мои святыя ожиданья,
За всѣ мои блаженнѣйшіе дни.
Брильянты эти отослать должна я,
Или на вѣкъ пожертвовать собой,
Жить безъ любви, и сдѣлаться рабой...
Ужель вы ихъ возьмете, это зная:
Рѣшите вы, и будьте мнѣ судья:
Должна ли я утратить вамъ въ угоду
Мои права на радость и свободу,
На миръ души, на счастье бытія?
Нѣтъ! вы не совершите святотатства,
Въ томъ ларчикѣ не только блескъ богатства,
Въ немъ будущность, надежда, жизнь моя!“
И много тутъ наговорила я
Прекраснаго ему, въ пылу порыва;
И очень я была краснорѣчива.
А онъ меня, не тратя лишнихъ словъ,
Отсторонилъ съ весьма любезнымъ взглядомъ,

Пошелъ къ окну, прыгнулъ,—и былъ таковъ.
И вотъ чѣмъ дѣло кончилось, и такъ-то
Осталася я въ комнатѣ одна,
Ужасно, признаюсь, раздражена
Разбойникомъ безъ чувства и безъ такта;
И наглаго Сбогара своего
Бранила я въ душѣ съ великимъ жаромъ,
Особенно сердяся на него
За то, что рѣчь моя пропала даромъ.
Но, гнѣвомъ такъ натѣшившись вполнѣ,
Спросила я себя: гдѣ тутъ спасенье?
Какъ съ женихомъ теперь разстаться мнѣ?
Отдать ему, что стоили каменья?
Но гдѣ добыть? Все, что имѣла мать,
Составило бъ не больше третьей доли.
А иначе, возможно ль отказать?
Взять на себя весь стыдъ безчестной роли!
Но до утра, глазъ не смыкая сномъ,
Проплакала я тутъ и потужила
И обвѣнчалася, весьма уныло
Въ тотъ самый день съ Андреемъ Ильичемъ.
Живу теперь, безъ горя и разбора,
Съ нимъ пятый годъ, и увѣряю васъ
По совѣсти, что дрезденскаго вора
Благодарить желала я не разъ.

— И все, Надина?

— Все.

— Чудесно!
Вы героиня хоть куда;
И точно вы, признайтесь честно,
Не будь съ алмазами бѣда,
Не вышли бъ?
— Нѣтъ, а можетъ да.
Легко на все рѣшиться смѣло:
Покуда не дошло до дѣла,
Мысль удивительно храбра;
Но женщинѣ, какъ и мужчинѣ,
Случится рѣдко сдѣлать нынѣ,
Что было рѣшено вчера.
И потому я лишь девиза
Держуся: qui vivra, verra.
Со мной вы не согласны, Лиза?
— Нѣтъ! думаю, что не всегда
Души намѣренье ничтожно;
Одну минуту, иногда,
Во весь свой вѣкъ забыть не можно,
И намъ, отъ слова одного,
Отъ одного полунамека,
Приходитъ снова то на умъ,
Что годы увели далеко,
И заглушилъ житейскій шумъ.
Мнѣ вызвалъ вдругъ разсказъ Надины
Житья прошедшаго картины,
И предъ умомъ онѣ стоятъ:

И ветхій домъ и старый садъ,—
Гдѣ зелень разрослась такъ густо,
Гдѣ прудъ засохъ отъ тростника,
Гдѣ рядомъ, возлѣ цвѣтника,
Насажена была капуста,—
И то мѣстечко, гдѣ ветла
Раскинулась надъ косогоромъ,
Гдѣ, глядя въ поле жаднымъ взоромъ,
Я часто трепетно ждала,—
И на краю полей широкихъ
Скамейка та среди березъ,
Гдѣ много горькихъ, одинокихъ
И тщетныхъ пролила я слезъ.
— Послѣдуйте жъ примѣру Нади,
Вслухъ вспомяните о быломъ.
— Пожалуй, только Бога ради!
Въ разсказѣ о житьѣ моемъ
Не ожидайте приключеній;
Онъ будетъ полонъ общихъ мѣстъ
И вамъ, навѣрно, надоѣстъ.
— Ну, полно, и безъ опасеній
Начните.

Лиза повела
По кудрямъ бѣлою рукою,
Облокотясь на край стола,
И вновь взволнованной душою,
Сродняясь съ жизнію былою,
Разсказъ свой тихо начала.

РАЗСКАЗЪ ЛИЗЫ.

Средь степей и я, суетъ не зная,
Провела развитія лѣта;
Но судьба моя была иная;
Съ третьяго ужъ года сирота,
Въ домъ была взята я къ старой теткѣ.
На нее гляжу какъ бы теперь;
Хоть она давно уже въ чахоткѣ,
Спальни чуть переступала дверь,
Но весь домъ терзала. Въ околоткѣ
О ея богатствѣ шла молва,
Знали всюду, что хотя едва
Душъ она всего имѣла двѣсти,
Но хранила денегъ тьму въ казнѣ.
По причинѣ общей этой вѣсти
Вся родня завидовала мнѣ,
Говоря, а съ нею все сосѣдство,
Что себѣ отъ тетушки наслѣдства
Я дождусь; что такъ везетъ не всѣмъ.
Не завидно я жила, межъ тѣмъ;
Какъ пересказать, да и къ чему,
Всѣ мои вамъ горести? Въ дому

Въ должности жила я фаворитки.
О такой несчастной вы не разъ,
Можетъ быть, жалѣли, но изъ насъ
Ни одна ея не знала пытки.
Оскорбить ее всегда предлогъ
Встрѣтится. Чай поданъ, сливки жидки,—
Ей упрекъ; сгнилъ какъ-то сѣна стогъ,
Въ чемъ-нибудь понесены убытки,—
И опять и всюду ей упрекъ.
Ищутъ ей со тщаньемъ новой муки,
Такъ, отъ дѣлать нечего, отъ скуки,
Чтобъ занять какой-нибудь игрой
Свой досугъ, чтобъ день скорѣй шелъ мимо,
Такъ, какъ въ праздничный часъ вельможи Рима
Рѣзали невольниковъ порой.
Странно мнѣ, какъ эти всѣ напасти,
Эта вся жестокая вражда,
Эти всѣ мученія безъ власти
Надо мной бывали иногда;
Какъ меня подъ сѣнь своей эгиды
Чудный сонъ бралъ часто день и ночь,
Какъ всю грусть, всѣ горькія обиды
Юности превозмогала ночь.
Жили мы средь мѣстоположенья
Самаго простого: садъ и домъ,
Въ сторонѣ убогаго селенья,
Избы скудныя, и степь кругомъ;

Степь тамбовская: ни возвышенья,
Ни кустарника, ни деревца,
Даль непостижимая для зрѣнья,
Поле безъ границы, безъ конца.
И когда, пурпурно догорая,
Рдѣлъ закатъ, глядѣла въ поле то
Я съ мечтой, что изъ-за неба края
Явится мнѣ что-то — Богъ вѣсть что!
И когда сонъ принялъ видъ тѣлесный,
И когда ужъ взоръ не наобумъ
Мчался вдаль, но къ точкѣ ужъ извѣстной
Онъ летѣлъ въ часы завѣтныхъ думъ,
Какъ тогда, сквозь боли и печали,
Въ немъ души сіяло торжество!....
И теперь отъ этой дивной дали
Не могу я взгляда своего
Оторвать, хоть всѣ волненья пали,
Хоть не жду оттуда ничего.
И вела жизнь тягостную эту
Я въ глуши, покорно, день за днемъ;
Утромъ вслухъ читала я газету,
Разливала чай, и подъ окномъ
Вслѣдъ затѣмъ садилася съ шитьемъ;
Вскакивала въ продолженьи часа
Двадцать разъ, то чтобъ поднять платокъ,
То чтобъ принесть бутылку кваса,
То чтобъ снять подушку теткѣ съ ногъ,

То чтобы велѣть сказать ребенку
На дворѣ, чтобъ онъ не смѣлъ кричать,
То чтобъ вынести за дверь болонку,
То чтобы впустить ее опять;
Все при брани, до поры обѣда,
Въ мѣсяцы поста и мясоѣда,
Скуднаго и гадкаго равно.
И потомъ приказъ глядѣть въ окно,
Въ ожиданьи старика сосѣда,
И потомъ чай снова, и бесѣда
О дождѣ, о томъ, что врядъ оброкъ
Соберешь, что время наше люто
И потомъ, и наконецъ,—минута,
Жданный мной съ утра счастливый срокъ,
Гдѣ, испивъ дня горестную чашу,
Къ теткѣ на ночь я пошлю Агашу,
И уйду въ свой тѣсный уголокъ.
И межъ тѣмъ, смѣнялись непогоды
Ясностью роскошныхъ майскихъ дней;
Шли себѣ и мѣсяцы и годы;
Какъ среди удобства и свободы,
Жизнь текла не тише, не скорѣй.
Разъ сосѣдъ привезъ съ собою сына,
Изъ Москвы прибывшаго. Москва
Намъ была, какъ дальняя чужбина,
Незнакома; и его слова
Слушала я, какъ во время оно

Слушала рѣчь Мавра Дездемона,
И мнѣ жизнь вдругъ сдѣлалась нова...
То сбылось, что было вѣроятно,
Что почти не сбыться не могло:
Лучъ любви блеснулъ мнѣ благодатно,
Залегла нежданно, непонятно
Дума въ грудь, роскошно-тяжело:
И какъ цвѣтъ душистый туберозы
Черезъ ночь надежда расцвѣла;
Вспыхнули желанія и грезы,
Гимнъ мечты средь внѣшней, вялой прозы,
Гордый хмель волненій безъ числа.
Миръ тѣмъ днямъ! Я здѣсь на описанье,
Не рѣшусь, каковъ былъ Алексѣй
(Не къ чему вамъ прочее названье).
Чѣмъ тогда, мной управляя всей,
Мнѣ въ глухой казался онъ пустынѣ,
Тѣмъ, конечно, не былъ, быть не могъ;
Я бы врядъ его узнала нынѣ.
Что же въ томъ? Я въ немъ нашла предлогъ
Для любви, для счастія безъ мѣры.
Всѣ же мы, мечтая и любя,
Дань свою кладемъ къ ногамъ химеры,
Всѣ въ другомъ мы ищемъ лишь себя,
День прошелъ; проснувшись до разсвѣта
На другой, была уже съ утра
Я совсѣмъ готова и одѣта.

Осень наступала (какъ вчера
Въ памяти осталось утро это);
Осень чудная, теплѣе лѣта;
Зелень вся была уже пестра.
Вышла въ садъ я, и пошла вдоль вала,
И сама съ собою разсуждала,
Трепетно дошедши до лужка,
Что нельзя пріѣхать вновь такъ скоро
И, межъ тѣмъ, глядѣла съ косогора,
И вдали узнала ѣздока.
Сколько разъ, несясь такъ изъ далека,
Душу мнѣ онъ волновалъ до дна!
Сколько разъ отозвался глубоко
Съ той поры въ ней топотъ скакуна!

Алексѣй сталъ часто ѣздить, вскорѣ —
Ужъ почти вседневно; съ теткой онъ
Толковалъ о всякомъ скучномъ вздорѣ,
Клалъ пасьянсъ, или игралъ въ бостонъ.
Хоть со мной бесѣдовалъ и мало,
Ей онъ явно угождалъ. Зачѣмъ?
Спрашивала я; душа шептала
Мнѣ отвѣтъ. Зима пришла, межъ тѣмъ.
Время проходило, и летѣли
Въ тишинѣ, все такъ же какъ одна,
Ровнымъ летомъ для меня недѣли.
Я ждала поутру близь окна.
Тетки злость мнѣ шла невнятно мимо;

Какъ броней алмазной херувима
Грудь моя была охранена.
Я сквозь шумъ неистощимой брани
Слушала, не проскрипѣли ль сани
Пó снѣгу замерзшаго двора;
И потомъ ловила знакъ участья,
Два-три слова, взглядъ,—довольно счастья
Чтобы имъ упиться до утра!
И пришла минута.
                    Было уже
Мѣсяца съ четыре теткѣ хуже.
Разъ она къ себѣ въ началѣ дня
Въ спальню вдругъ велѣла звать меня;
Ожидая новую причуду,
Я вошла, молитву сотворя.
Видъ ея въ то утро не забуду
Весь свой вѣкъ: день сѣрый января
Разсвѣталъ, и свѣчка догорала,
Вставленная криво въ мѣдь шандала.
Близь печи, закутана въ тулупъ,
Хоть и жарко было, точно въ банѣ,
Въ комнатѣ лежала на диванѣ
Дряхлая старуха, полутрупъ,
Холодна, недвижна, неспособна
Ни къ чему, безсильна, чуть дыша;
Но въ глазахъ еще сверкала злобно
Лютая, упрямая душа.

Только что войти успѣла въ дверь я,
Встрѣтилъ странный ужъ меня привѣтъ:
—Знаешь ли зачѣмъ вчера Лукерья
Власьевна была? не знаешь?—Нѣтъ!
—Знаешь ли ты, что село Грачево
Съ мѣсяцъ ужъ купилъ майоръ Шенковъ?—
—Знаю.—Знай же, на тебѣ готовъ
Онъ жениться. Ну! промолвь хоть слово;
Что жъ стоишь на мѣстѣ, какъ чурбакъ?
Собралась я духомъ кое-какъ:
—Не хочу итти я за Шенкова,
Тетушка.—Не хочешь? вотъ-те на!
Такъ тебѣ какого жъ надо хвата?
Ты не слишкомъ для него ль знатна,
Мать моя? иль черезъ чуръ богата?
Жить ей не угодно госпожей;
Хороша съ тобою мнѣ потѣха!
Такъ ты вѣкъ ѣсть хочешь хлѣбъ чужой?
Быть для всѣхъ обузой и помѣхой?
А при томъ затѣи хоть куда!
Будто жизнь себѣ она свободна
Избирать; не знаетъ и стыда.
Обернулась я:—Какъ вамъ угодно,
Тетушка, не буду никогда,
Ни за что женою я Шенкова.
Тутъ старуха разсердилась снова.
Молча вышла я, ушла къ себѣ

И заплакала тогда на волѣ
О своей суровой горькой долѣ,
О своей безжалостной судьбѣ.
Алексѣй пріѣхалъ въ часъ обѣда:
Чуть лишь вышли мы изъ-за стола,
Какъ ему ужъ тетка начала
Говорить про новаго сосѣда,
И про то, что я сегодня съ ней
Поступила, какъ нельзя сквернѣй,
И что я надменна и упорна...
Мало ль что еще!... Ушла проворно
Въ залу я, и сѣла тамъ одна
Въ темнотѣ, и долго просидѣла,
Глядя въ степь. Сквозь мглу сіяла бѣло,
Тихая, пустынная, она.
Можетъ-быть, вамъ это непонятно,
Мнѣ, сама не знаю почему,
Было больно и, межъ тѣмъ, пріятно,
Что меня бранили такъ ему.
Словно отъ него я оборону
Ожидала, словно знала я,
Что онъ мнѣ по высшему закону,
Праведный быть долженъ судія.
Я въ гостинную во время чая
Воротилась. Въ ней одинъ, угрюмъ
Онъ ходилъ въ волненьи тайныхъ думъ,
Быстрымъ шагомъ и, меня встрѣчая,

Отвернулся. Чай—Богъ вѣсть какой—
Стала дѣлать я, на Алексѣя
И взглянуть украдкою не смѣя.
Вдругъ остановившись предо мной,
Онъ сказалъ въ полголоса, сурово:
—Для чего нейти вамъ за Шенкова?
Врѣзался мнѣ въ грудь его вопросъ;
Я, дрожа, словъ не найдя къ укору,
Наклонилась къ чайному прибору,
И слеза упала на подносъ.
Тетка шла уже по корридору...
Быстро руку онъ мою схватилъ
И поцѣловалъ... За счастье это
Отдала бъ я всѣ богатства свѣта,
Заплатила бы я кровью жилъ.
Знали вы подобныя мгновенья,
Гдѣ душа трепещетъ отъ стѣсненья
Новыхъ, чудныхъ, необъятныхъ силъ?
Такъ во мнѣ забилось сердце громко
Въ этотъ мигъ! Ужъ я ждала, что вдругъ
Разорветъ его восторгъ... Нс емко
Для блаженствъ оно, какъ и для мукъ.
Впрочемъ, все осталось, какъ сначала,
Въ нашей внѣшней жизни. Все сильнѣй
Тетка съ каждымъ днемъ занемогала;
Мучилась безъ отдыха я съ ней.
Часто отъ ея задора злаго

У меня кружилась голова;
Мстила всячески она все снова
Мнѣ за то, что я была здорова,
Что могла остаться я жива.
Съ Алексѣемъ обмѣнять едва
Я украдкой успѣвала слово.
Рѣдко ужъ къ больной входить онъ могъ;
И когда отъ пытки я всечасной
Отрывалась на минутный срокъ,
Не могла отъ мысли я ужасной
Умъ освободить: больной несчастной,
И себя терзающей, и всѣхъ,—
Той ужъ полумертвой,—было ль грѣхъ
Смерти пожелать? Не это ль бремя
Тяготѣло на моей судьбѣ?..
И не смѣла я въ иное время
Въ глубь души глядѣть самой себѣ.
Приближалася весна проворно,
Шелъ къ концу недугъ. Изнурена
Немочью, со смертію упорно,
Яростно боролося она.
На нее смотря съ недоумѣньемъ,
Я порой была готова ждать,
Что она надъ страшнымъ разрушеньемъ
Верхъ возьметъ, и оживетъ опять;
Что сильнѣе будетъ воля эта,
Чѣмъ сама природа и судьба.

Проходили дни; почти до лѣта
Длилася жестокая борьба.
Наконецъ, законъ свой понимая,
Плоть сдалась, и грозный срокъ пришелъ
Помню было то шестого мая,
Въ воскресенье утромъ. Тихій долъ
Ранними подернутъ былъ парами,
Въ спальнѣ я сидѣла подъ окномъ,
Изъ села священникъ шелъ съ дарами;
Было все въ дому уже вверхъ дномъ,
Начинался благовѣстъ обѣдни,
Но мнѣ въ умъ тѣснились той порой
Грѣшныя видѣнія и бредни,
Рѣзвыхъ думъ неугомонный рой,
И ни этотъ звонъ богослуженья,
И ни совѣсти моей упрекъ,
И ни видъ предсмертнаго мученья
И смирить въ душѣ моей не могъ.
Впереди ждала меня свобода,
Будущность въ соединеньи съ нимъ...
Пусть брала права свои природа!
Праху прахъ! Жизнь полная живымъ!
Разъ еще въ томъ изнуренномъ тѣлѣ
Жизнь мелькнула. Подъ вечеръ больной
Стало лучше; сидя на постелѣ,
Мнѣ она остаться съ ней одной
Приказала, и недуга муки,

Какъ и прежде, побѣдивъ опять,
Мнѣ дала она бумагу въ руки,
И велѣла въ слухъ ее читать.
Стала исполнять я приказанье,
Это было тетки завѣщанье,
Писанное ею начерно;
Дѣлало наслѣдникомъ оно
Двухъ ея тамбовскихъ деревенекъ
Родственника дальняго, а мнѣ
Назначено всѣхъ наличныхъ денегъ
Пятьдесятъ семь тысячъ. Живши съ дѣтства
Чуть ли не съ прислугой наравнѣ,
Я должна была принять вполнѣ
Это за огромное наслѣдство;
Не ждала его я и во снѣ.
Но старалась теткѣ я напрасно
Быть признательной за этотъ даръ,
Мысль одна лишь наполняла властно
Душу мнѣ, какъ радостный угаръ,
Что могла теперь я Алексѣю
Жертвовать фортуною своею
Что она довольно велика,
Что другихъ богатствъ и не желая,
Жить въ довольствѣ. И ее брала я
Какъ платежъ нежданный должника...

Тяжкимъ сномъ забылась въ ночь больная;
Въ креслахъ отдохнувъ часа два-три,
Утромъ я проснулась до зари.
Блѣдная лампада образная
Рѣзко освѣщала съ высоты
Дремлющей изсохшія черты;
На полу въ углу спала служанка.
Нѣсколько минутъ повремени
Вышла я: въ саду ждалъ спозаранка,
По условью, Алексѣй меня.
Лишь мгновенны быть могли и рѣдки
Наши встрѣчи съ давнихъ поръ.
Изъ дому, какъ ласточка изъ клѣтки,
Быстро я порхнула черезъ дворъ,
Черезъ садъ, на близкое свиданье
Трепетно спѣша. Изъ-за березъ
Бѣгуна знакомое мнѣ ржанье
Вѣтръ степной порою звучно несъ.
Утро было пышно, дивно ясно,
Міръ сіялъ подъ бездной голубой,
Я неслась стремглавъ, молясь безгласно
Радостной, торжественной мольбой,
Горестямъ житейскимъ непричастна,
И земли не слыша подъ собой.
Сладко въ грудь минуты упоенья
Мнѣ лились;—не знала я тогда,
Что имъ нѣтъ на свѣтѣ повторенья,

Что опять такого же мгновенья
Принести не могутъ мнѣ года.

Я неслась, собой едва владѣя,
Предо мною, вновь позеленѣвъ,
Длинная шумѣла ужъ аллея,
И мелькалъ станъ гибкій Алексѣя
Въ промежуткахъ боковыхъ деревъ.
Памятна мнѣ эта встрѣча наша,
Въ счастіи ребяческомъ моемъ,
„Алексѣй, сказала я съ трудомъ
Духъ переведя, испита чаша!
Я свободна, наконецъ, я ваша.
Цѣпь моя распалась, и вполнѣ;
Тетушка отказываетъ мнѣ
Въ завѣщаньѣ,—этого нисколько
Не ждала я,—весь свой капиталъ,
Тысячъ до шестидесяти.

„Только!“

Вскрикнулъ онъ, и снова замолчалъ.
Этотъ крикъ кольнулъ меня какъ жало;
Молча мы стояли; я сказала,
Не поднявъ склоненной головы;
„Можетъ быть, вамъ это слишкомъ мало?
Вѣрно, больше ожидали вы?“
Онъ не отвѣчалъ. Пошли мы оба
Медленно въ аллеѣ; мнѣ она

Показался дорогой гроба,
Съ нимъ вдвоемъ я шла ужъ какъ одна.
Раза съ два взглянулъ онъ молчаливо
На меня; одолѣвалъ насъ вдругъ
Этого нежданнаго разрыва
Горестный, болѣзненный испугъ.
Содрагалась я порой невольно,
Каждый мигъ мнѣ тяжестью свинца
Падалъ въ грудь невыносимо больно.
Мы прошли аллею до конца.
Онъ не повернулъ итти обратно
Вновь по ней; онъ пасмурно стоя,
Хлыстикъ свой сгибалъ.—Вамъ, вѣроятно,
Ужъ пора домой? сказала я.
—Кажется, промолвилъ онъ. И снова
Мы пошли, не говоря ни слова
И боясь душевнаго чутья.
Каждая во мнѣ дрожала жила,
Страшный сонъ свершился на яву.
За калиткой горько я спросила:
—Скоро ли вы ѣдете въ Москву?
—Завтра! отвѣчалъ онъ мнѣ жестоко,
На лошадь вспрыгнувъ. Глядѣла вслѣдъ
Я ему: онъ уже былъ далеко.....
Тамъ онъ словно обернулся... Нѣтъ.
И пошла и я своей дорогой,
Тою же, которой въ этотъ садъ,

Такъ полна счастливою тревогой,
Пронеслась я часъ тому назадъ.
Тихо, какъ подъ гнетомъ тяжкой лѣни,
До дому дошла я; двери въ сѣни
Были настежъ, встрѣтили меня
Восклицанья, шумъ и бѣготня;
Наполнялась народомъ зала;
Я вступила въ спальню, тамъ лежала
Тетка какъ вчера, блѣднѣй едва ль,
Но уже мертва. Къ ея постели
Подошла я; странная печаль
Сжала грудь;—стояла я у цѣли;
Широко тянулась жизни даль
Предо мной пустынею свободной.
Поглядѣла я на трупъ холодный,
Стало мнѣ старухи этой жаль.
Мирно вспомнивъ каждую обиду,
Каждое мученье прежнихъ дней,
Я въ душѣ свершила панихиду
По себѣ, равно какъ и по ней.
Алексѣй свое исполнилъ слово,
Онъ уѣхалъ;—не сошлись мы снова.
Онъ женатъ въ Одессѣ, помнитъ врядъ
Нашу степь; проводитъ жизнь пріятно;
За женою взялъ онъ, вѣроятно,
Болѣе, чѣмъ тысячъ шестьдесятъ.

Умолкла Лиза—пробѣгала
По ровнымъ складкамъ опахала
Ея рука, и грустный взоръ
Склонился тихо на коверъ.
Противорѣчила улыбкой,
Не давъ слезѣ скатиться съ глазъ,
Она тому, о чемъ ошибкой
Ея промолвился разсказъ.
Въ раздумьи молодыя жены
Почли молчаніемъ своимъ
Души подавленные стоны,
Недугъ невысказанный имъ.
И ихъ слова равно клеймила
Приличій строгая печать
И въ нихъ таилась та же сила
Порывамъ воли не давать
И горе помысла нѣмаго,
Смѣясь, быть-можетъ, и шутя,
Скрывали всѣ, какъ звѣря злого
Лакедемонское дитя.
Шумѣлъ въ безмолвіи покоя,
Камина только трескъ живой
И вихрь вдругъ проносился воя
Вдоль опустѣлой мостовой.
Забывъ о близкомъ часѣ бала,
Букетъ небрежно уроня,
Хозяйка дома взоръ вперяла

Въ извивы рѣзваго огня;
И вдругъ взглянула;
— Что же, Оля?
И ты вѣдь ужъ теперь должна
Разсказывать.
— Да, и она,
Необходимо.
— Ваша воля,
Мнѣ нечѣмъ васъ и пять минутъ
Занять, вамъ жизнь моя извѣстна;
Ужель была бы интересна
Вамъ болтовня про институтъ?
Изъ быта моего пустого,
Что разсказать я вамъ могу?
Вы это всѣ—даю вамъ слово,
На каждомъ встрѣтите шагу.
— Ахъ, хоть и такъ; что жъ въ мірѣ ново?
Рѣшайся, Ольга, и начни
Скорѣй.
— Извольте, я готова
Про эти молодые дни
Вамъ говорить; хотя и тщетно
Тревожить, да и тяжело,
То, что намъ стало безотвѣтно
И такъ сполна для насъ прошло.
Порой въ театрѣ, въ часъ антракта,
Иль въ бальномъ шумѣ, больно какъ-то

Вдругъ вспомнить о самой себѣ,
И странно думать, отъ чего же
Все на былое не похоже
И въ чувствахъ нынѣ, какъ въ судьбѣ?
И то, чѣмъ сердце билось страстно,
Уже глухая старина...

— Пожалуй, вамъ въ увеселенье
Я разскажу теперь (вѣдь мы
Между собою) приключенье
Мнѣ очень памятной зимы...

— Ну разскажи же, разскажи;
Намъ время есть, еще не поздно.

Ея головка поднялась,
Улегся локоть граціозно
На креселъ вышитый атласъ;
Пронесся лучъ живого взгляда
Къ стѣнѣ, гдѣ зеркала кристаллъ
Ея изящнаго наряда
Все совершенство отражалъ.

РАЗСКАЗЪ ОЛЬГИ.

Вещь непонятная... Вы, Лиза, справедливо
Сказали давеча, что Богъ-вѣсть почему
Давно-прошедшее вдругъ такъ свѣтло и живо,
И такъ отчетливо рисуется уму;
Что звукъ рождаетъ мысль нежданную; да это
И Байронъ прежде васъ уже замѣтилъ гдѣ-то.
Подробно помнится—зачѣмъ могла бы врядъ
Сама я объяснить—теперь мнѣ та минута,
Гдѣ, чуть ли вырвавшись изъ клѣтки института,
Я передъ зеркаломъ, окончивъ свой нарядъ,
Съ неукротимою тревогой ожидала
Блаженства перваго, обѣщаннаго бала.
Я глядя на себя, своимъ глазамъ почти
Не вѣрила; весь день была я какъ въ угарѣ;
Со страхомъ думала; какъ быть мнѣ? какъ взойти?
Балъ, настоящій балъ!—Мы, живши въ заперти,
Какъ часто рѣчь вели объ этомъ въ дортуарѣ;
И какъ мы трепетно, защелкнувъ тихо дверь,
Шептали, вопреки надзору классной дамы,
О блескѣ этой всей чудесной панорамы,
Въ которую вступить сбиралась я теперь!

Я свыклася потомъ, увидѣвъ баловъ съ двѣсти,
Съ такимъ событіемъ, но грозенъ былъ, даю
Вамъ слово, этотъ часъ, и вызвала при вѣсти,
Что поданъ экипажъ, всю храбрость я свою;
Какъ рекрутъ въ первый разъ, я шла на поле чести,
И перевѣдаться надѣялась въ бою.
Смѣшно мнѣ вспоминать, какъ сердце билось громко,
Какъ я готовилась увидѣть диво-дивъ.
Весь домъ, мать, тетушка, служанка, экономка,
Тѣснились вкругъ меня, судя наперерывъ
О томъ, не широка ль на рукавахъ бахромка?
Къ лицу ль мнѣ локоны? не мало ль вынутъ лифъ?
Въ недоумѣніи я слушала ихъ толки,
Уже успѣвъ понять, что въ свѣтѣ мнѣ чужомъ
Вещь важная нарядъ; что дѣло все не въ томъ,
Чтобы онъ дорогъ былъ и только что съ иголки;
Что выборъ пояса, мантильи иль наколки
Быть можетъ бѣдствіемъ, позоромъ и грѣхомъ.
Какъ взгляды злы порой, и какъ улыбки колки,
Я тяжко и вполнѣ извѣдала потомъ;
Мнѣ дали знать себя въ салонѣ не одномъ
И наши модницы и наши богомолки.
Мужчинъ безжалостныя шутки, женщинъ спесь,
Обиду на меня впереннаго лорнета,
Злость состраданія, предательство совѣта,
Я все перенесла, я горькій кубокъ весь
До капли выпила.—Спокойно сидя здѣсь,

Намъ, пересозданнымъ ужъ этимъ строгимъ свѣтомъ,
Конечно, говорить легко теперь объ этомъ.
Но помню, каково въ то время было мнѣ
Условій общества разгадывать загадки;
Какъ размышляла я, съ собой наединѣ,
Цвѣтныя ли надѣть, иль бѣлыя перчатки?
И помню, сколько я проплакала ночей,
Какъ я, едва дыша, и въ страхѣ вѣчно новомъ
Шла мимо чопорныхъ, салонныхъ палачей,
Готовыхъ каждаго зарѣзать острымъ словомъ!
Повѣрьте, тяжкая беретъ порой тоска,
Когда приходится съ душою благородной,
Смущаться и робѣть предъ вѣтреницей модной,
И видѣть съ ужасомъ улыбку дурака.
Примирена теперь я съ обществомъ; жестоки
И горьки были имъ мнѣ данные уроки;
Но не ропщу на нихъ; они пошли мнѣ въ прокъ.
Задачу трудную постигла я душою,
Взялась я за себя, и сладила съ собою,
И передѣлалась отъ головы до ногъ.
Полезнѣй года мнѣ иныя были сутки,
Своей насмѣшкою немилосердный свѣтъ
Неловкость истребилъ наивной институтки;
Ребенокъ вѣтреный исчезъ,—пропалъ и слѣдъ,
Погибло, можетъ-быть, хорошаго съ нимъ много...
Что жъ дѣлать?—Такова была моя дорога.
Зато являюся спокойно я на балъ,

Вдоль строя зрителей иду теперь безъ страха,
Встрѣчаю средь толпы лишь шопоты похвалъ,
Могу свести съ ума иного вертопраха,
И возбуждать порой всю зависть нашихъ залъ.
О модѣ мать давно заботилася мало,
И съ обществомъ почти не бывъ уже въ связи,
По воскресеніямъ усердно посѣщала
Лишь скромный свой приходъ Николы на Грязи.
Въ томъ первый выѣздъ въ свѣтъ, который я сначала
Взялася разсказать, никто во всемъ дому
Не могъ полезенъ быть незнанью моему.
Но показалось мнѣ, когда я зоркимъ взглядомъ
Себя окинула, что я своимъ нарядомъ
Имѣла право быть довольной, что къ лицу
Мнѣ эти локоны, разсыпанные мелко,
Что лучше не могла-бъ убраться я къ вѣнцу,
Что лифъ до-нельзя милъ, что хороша отдѣлка.
Я быстро въ зеркало еще взглянула разъ,
И вслѣдъ за матерью пошла, перекрестясь.

Отправилися мы на балъ. Во всю дорогу
Молилася въ тиши я пресерьезно Богу,
Желая, между тѣмъ, доѣхать поскорѣй.
Карета, наконецъ, у свѣтлаго фасада
Остановилася; прошла я мимо ряда
Въ сѣняхъ и вдоль ступень пестрѣющихъ ливрей;
Окинула себя глазами у дверей,

Все на себѣ нашла исправно и въ порядкѣ,
И въ залу бальную, дрожа какъ въ лихорадкѣ,
Я съ матерью вошла.
Какъ измѣнились вдругъ
Мои мечтанія и всѣ мои понятья!
Какіе были тутъ уборы! что за платья!
Какія женщины!.. взглянула я вокругъ,—
Всѣ показались мнѣ прекрасны, безъ изъятья;
Куда не обернись—все прелесть, кружева,
Брильянты; у меня кружилась голова.
Хозяйка подошла, намъ три-четыре слова
Сказала, и въ толпѣ пропала тотчасъ снова.
Близь боковыхъ дверей попалися намъ два
Еще по счастію не занятые стула,
И молча сѣли мы средь говора и гула.
Нежданный случай тутъ свелъ мать мою съ одной
Знакомой прежнею, дряхлющей княжной;
Онѣ пятнадцать лѣтъ не встрѣтивши другъ друга,
Усердно занялись своею стариной.
Межъ тѣмъ, толпа, шумя, пестрѣла предо мной,
И весь оркестръ гремѣлъ, и вальса мчалась вьюга.
Глядѣла я, дивясь, какъ эти дамы всѣ,
Небрежно тѣшася, неслись въ своей красѣ;
Всѣмъ было по себѣ, всѣ были словно дома,
И всякая была со всякою знакома.
Лишь я сидѣла тутъ, безвѣстна и одна,
Передъ утѣхами ихъ области завѣтной,

Имъ не сообщница, и полосой паркетной
Какъ будто пропастью отъ нихъ отдѣлена.
И предалася я невольно думѣ грустной
Я стала понимать всю ложь своихъ надеждъ;
Что значилъ мой нарядъ простой и безъискусный,
Средь этихъ царственныхъ, блистательныхъ одеждъ?
Къ чему возилась я такъ долго съ каждой складкой,
Со всякимъ бантикомъ?—Изъ своего угла
Въ сравненьи горестномъ глядѣла я украдкой
Порой въ широкія, стѣнныя зеркала,
И такъ невыгодна теперь моя обновка
Мнѣ показалося, изображаясь въ нихъ,
Что сдѣлалося въ ней мнѣ двигаться неловко,
И совѣстно сидѣть близь гордыхъ щеголихъ.

Все продолжался вальсъ; все наполнялась зала
Гостями новыми; и африканскій жаръ
Въ ней уже царствовалъ. Я взоромъ провожала
Въ раздуміи своемъ круженье быстрыхъ паръ;
Одна у моего остановилась стула,
И платье чудное танцовщицы пахнуло
Съ размаху на меня, и кружевной воланъ
Легъ на колѣни мнѣ. Склонила гибкій станъ
Она, водя рукой по драгоцѣнной ткани,
Мнѣ, извиняяся, сказала слова два;
Хотѣлось отвѣчать; языкъ прилипъ къ гортани,
И поклониться ей сумѣла я едва.

Коснулася плеча улана молодого
Она съ улыбкою, и понеслася снова;
Онъ, на меня взглянувъ, перешепнулся съ ней,
И стало мнѣ еще неловче и грустнѣй.

Мой утомленный взглядъ вперялся неподвижно
Въ толпу,—и между лицъ чужихъ мелькнула мимо
Какъ будто бы черта знакомаго лица.
Я стала пристальнѣй смотрѣть сквозь промежутки
Группъ, наполняющихъ пространство залы;—да,
Былъ это братъ одной подруги-институтки,
И у нея въ гостяхъ его я иногда
Видала: кажется, всего четыре раза;
Но здѣсь съ нимъ встрѣтившись, я съ радости чуть-чуть
Не вскрикнула; съ него я не сводила глаза,
Какъ плаватель съ земли, какъ путникъ съ пальмъ оаза,
Гдѣ можетъ онъ на мигъ въ пустынѣ отдохнуть.
Явился тутъ, среди невидимаго свѣта,
Какъ будто человѣкъ мнѣ близкій онъ и свой:
И опрометчиво, не ждавъ его привѣта,
Я первая ему кивнула головой.
Пренебрежительно отвѣтилъ онъ поклономъ
И далѣе прошелъ; я вспомнила тогда,
Что несогласенъ былъ съ общественнымъ закономъ
Поступокъ этотъ мой, и вспыхнувъ отъ стыда,
Склонила голову, не смѣя бросить взгляда
Ни на кого: мнѣ грудь наполнила досада,

Несноснѣйшая намъ всѣхъ жизненныхъ досадъ,
Досада на себя; взялъ страхъ меня бѣдовый,
Что съ каждымъ дѣйствіемъ я дамъ лишь промахъ новый,
Что какъ я ни ступи, все будетъ не впопадъ.
Вполнѣ мученіе испытывая это,
Я встала съ матерью; прошли мы до буфета:
Тамъ болѣе всего толпились, какъ всегда;
И я увидѣла, что плотная ѣда,
Допущена въ кругу отличнѣйшаго тона.
Стаканъ оршада взявъ, глаза я подняла;
Стоялъ въ толпѣ мужчинъ, смѣяся у стола,
Виновникъ моего нелѣпаго поклона;
Глядѣлъ онъ мнѣ въ лицо: мнѣ пить не стало силъ;
Благоуханный франтъ, съ нимъ тутъ стоявшій рядомъ,
Нагнулся нѣсколько, съ довольно дерзкимъ взглядомъ,
И про меня его онъ видимо спросилъ.
Услышала чрезъ столъ я слово: институтка;
И фраза на ухо дополнила отвѣтъ;
Франтъ снова зашепталъ. Мнѣ становилось жутко,
Я колебалася: уйти ли мнѣ, иль нѣтъ.
Къ буфетному столу оборотясь спиною,
Я въ шумной тѣснотѣ, съ досадою нѣмой,
Отыскивала мать; хотѣлось мнѣ домой;
Вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, явился предо мною,
Съ другимъ мужчиною, опять знакомецъ мой,
Которому была ужъ вовсе я не рада.

(Не буду называть я никакихъ именъ).
Пробравшись до меня, превѣжливо мнѣ онъ
Представилъ своего товарища, какъ надо.
Тотъ полушепотомъ сталъ ангажировать
Застѣнчиво меня на слѣдующій танецъ,
И на чертахъ его болѣзненный румянецъ
Вдругъ вспыхнулъ, между тѣмъ, и вдругъ пропалъ опять.
Пріемы свѣтскаго имѣлъ онъ человѣка,
Но что-то странное высказывалось въ немъ,
Былъ сходенъ съ англійской картинкой изъ Кипсека
Онъ и осанкою, и пасмурнымъ лицомъ.
Но чуждъ онъ какъ-то мнѣ казался, и не даромъ;
Я тутъ же вспомнила, что проходя бульваромъ,
Мы встрѣтились тому недѣли двѣ назадъ;
Да что и вслѣдъ за мной онъ повернулъ проворно,
И что замѣтила я даже, какъ упорно
Въ меня уставился его смущенный взглядъ.
Былъ, видимо, со мной онъ здѣсь сойтися радъ
И, улыбнувшися слегка мнѣ благодарно,
Взялъ руку онъ мою, и, на оркестра звукъ,
Я возвратилася съ нимъ въ залу, гдѣ попарно
Смыкался широко мазурки пестрый кругъ.
Усѣлись рядомъ мы у пьедестала вазы;
Молчалъ онъ, да и я, не поднимая глазъ,
Умѣстной ни одной не находила фразы,
И танца очередь дошла межъ тѣмъ до насъ.
И онъ повелъ меня кругомъ по свѣтлой залѣ,

И мимо зрителей вдвоемъ со мной скользя,
Мнѣ крѣпко руку сжалъ. Смутилась я; на балѣ,
Посереди толпы, вѣдь вырваться нельзя.
Весьма взволнована, я донеслась обратно,
До мѣста своего, и сѣла, покраснѣвъ.
Онъ молвилъ шопотомъ: „Я возбудилъ вашъ гнѣвъ?
Не правда ли? моя вамъ дерзость непонятна?
Вашъ полъ извѣстенъ мнѣ: вамъ веселѣй всего
Виновницами быть мученія нѣмого;
И, если мы дерзнемъ вамъ высказать его,
Вы бровь нахмурите, и взглянете сурово;
Васъ тѣшитъ скрытная, душевная борьба
И разума и силъ лишеннаго раба.
И какъ вы знаете, что мнѣ страдать нѣтъ мочи;
Что самъ ужъ на себя я вовсе не похожъ?
Мои безсонныя, мучительныя ночи,
Кто вамъ про нихъ сказалъ? Не вѣрьте это ложь.
Зачѣмъ мнѣ васъ любить? Затѣмъ ли, что я съ вами
Случайно встрѣтился? Что мимоходомъ вы
Взглянули на меня холодными глазами,
Не повернувъ ко мнѣ спесивой головы!
Да тайну тяжкую вамъ объявлю я прямо:
Ну да, я васъ люблю; зачѣмъ? не знаю самъ;
Люблю васъ горестно, безумно и упрямо,
И вопреки всему, принадлежу я вамъ.“

Свое волненіе напрасно унимая,
Склонивши голову, съ пылающимъ лицомъ,

Я неподвижная сидѣла и нѣмая,
Услышавъ эту рѣчь; но, признаюся въ томъ,
Меня весь жаръ ея не ужаснулъ ни мало:
Ужъ я проснувшимся инстинктомъ понимала,
Что въ женскія свои вступала я права,
Что, въ блѣдномъ фартучкѣ и въ царственной порфирѣ,
Едва ль не для того мы существуемъ въ мірѣ,
Чтобъ услыхать хоть разъ подобныя слова...
И между гордыхъ лицъ, въ богатомъ ихъ салонѣ,
Я будто стала вмигъ со всѣми наравнѣ;
Мнѣ показалося, что, какъ на Сандрильонѣ,
Нарядно сдѣлалось вдругъ платьице на мнѣ;
И какъ пришлося намъ опять рука съ рукою
Вдоль стульевъ пронестись танцовщицъ молодыхъ,
Я обѣгала кругъ ужъ поступью иною,
Имъ не завидуя, и не боясь ихъ.

И началъ вновь шептать мнѣ на ухо онъ страстно,
Какъ съ первой встрѣчи той до нынѣшняго дня
Лишь только обо мнѣ онъ думалъ ежечасно
И какъ могла бы жизнь со мною быть прекрасна;
Какъ сталъ бы окружать онъ роскошью меня;
И что не даромъ намъ пришлось сойтися ближе;
Что быть должна ему я божествомъ земнымъ,
Что я его спасу, соединившись съ нимъ;
Что стали бы мы жить въ Италіи, въ Парижѣ,
Что покорился бъ онъ всѣмъ прихотямъ моимъ.

Я слушала. И всѣ вы знаете вѣдь сами,
Какъ нѣжной лести хмель опасенъ въ первый разъ,
Что увѣреньями такими и мольбами,
Всей этой пошлостью стереотипныхъ фразъ,
И не въ семнадцать лѣтъ смутимся мы подъ часъ,
Я жадно слушала; онъ говорилъ такъ живо,
Восторженный порывъ такъ былъ ему къ лицу,
Густые волосы лежали такъ красиво
Вдоль блѣдныхъ щекъ его. Мазурка шла къ концу.
Взглянулъ онъ на меня съ улыбкою печальной;
И я, пока свой ревъ удвоили смычки,
Чуть внятнымъ шопотомъ, сквозь гулъ музыки бальной,
Позволила ему просить моей руки.
Да, признаюсь, оно, хоть не правдоподобно,
Но, правда, сдерживать вамъ не къ чему свой смѣхъ,
Онъ очень кстати здѣсь, и менѣе васъ всѣхъ,
Такой поступокъ я понять теперь способна;
Но показалося тогда все это мнѣ
Событіемъ весьма естественнымъ и лестнымъ.
Нежданнымъ женихомъ, мнѣ вовсе неизвѣстнымъ,
Да и сама собой довольная вполнѣ,
Пошла я къ матери: она на томъ же стулѣ,
Въ концѣ огромнаго покоя, у дверей,
Стѣсненная толпой, близь прочихъ матерей,
Сидѣла, какъ онѣ, на тщетномъ караулѣ,
И проводила ночь, съ княжною говоря
О коронаціи покойнаго царя.

Замѣтивъ, что мою прическу, жаромъ бала
Полуразвитую, поправить надлежало,
Княжна въ уборную пошла со мной вдвоемъ,
И тамъ субретки двѣ, за дѣло взявшись дружно,
Въ порядокъ привели мнѣ голову наружно.
Но Богъ вѣсть какъ внутри была она вверхъ дномъ
И сколько въ ней суетъ и думъ въ одной минутѣ
Тѣснились той порой: какъ удивится мать,
И тетушка, и всѣ! Что скажутъ въ институтѣ?
Какъ будутъ съ завистью объ этомъ толковать!
Такъ вдругъ! На первыхъ дняхъ; всего теперь двадцатый
Что выѣзжаю въ свѣтъ—ужъ и женихъ мнѣ есть!
Какъ Софью Вольскую разсердитъ эта вѣсть!
Онъ, по его рѣчамъ, быть долженъ пребогатый;
Вступлю съ вельможами я, можетъ быть, въ родство.
Какъ бы объ этомъ всемъ узнать мнѣ стороною?
Съ такими думами шла я назадъ съ княжною
Въ салоны, и вдали увидѣла его;
Стоялъ онъ, пасмурный, глазъ не сводя съ паркета,
Какъ будто въ умъ его запала мысль одна,
Мысль неотвязная.—Скажите мнѣ, княжна,
Шепнула трепетнымъ я голосомъ,—кто это,
Близь этажерки, тамъ, налѣво, у окна,
Стоитъ, нахмуря бровь, задумчиво и гордо,
И видомъ такъ похожъ на англійскаго лорда?
—Кто? отвѣчала въ полголоса она,

Глазами зоркими салонъ окинувъ шумный,
—Тотъ худощавый—то бѣднякъ! онъ полоумный,
Ему былъ опекунъ хозяина отецъ;
Потѣхой служитъ онъ, взятъ въ домъ изъ состраданія,
Всѣмъ барышнямъ твердитъ любовныя признанья,
И проситъ каждую итти съ нимъ подъ вѣнецъ.
По счастію съ княжной заговорилъ тутъ кто-то;
Я отвернулася, чуть на ногахъ стоя.
Такъ вотъ чѣмъ тронулась, чѣмъ возгордилась я?
Вскружило голову вранье мнѣ идіота:
И всѣ замѣтили, смотрѣли всѣ на насъ;
Собою тѣшила весь кругъ я цѣлый часъ.
Мысль эта мучила меня невыносимо.
Сгорая со стыда, прижалась я къ стѣнѣ;
Вблизи послышался вдругъ рѣзкій голосъ мнѣ,
Моей подруги братъ шелъ по салону мимо,
Съ нимъ щеголь молодой, бездушное лицо,
Желанно-пошлое, какъ маски льютъ изъ воска;
Мнѣ эта помнилась искусная прическа,
И эти усики, завитые въ кольцо;
Я въ ту же самую спесивую фигуру
Черезъ буфетный столъ всмотрѣлась въ первый разъ.
Они шли въ двухъ шагахъ, болтая и смѣясь:
Франтъ говорилъ:—Ну что? вѣдь поддалася съ дуру;
Я выигралъ; ей, ей, болвана чепуха
Сантиментальную плѣнила институтку;
Повѣрь, она въ него влюбилась не на шутку,

И завтра будетъ ждать пріѣзда жениха.
Смотри же, закажи обѣдъ намъ недешевый;
Пойдемъ! я разскажу про это Ильичевой.
Онъ, усмѣхаяся, прошелъ. Минуты три
Я не могла дохнуть; глаза мои глядѣли
Сквозь слезы на толпу, безъ помысла, безъ цѣли;
Я понимала,—да, онъ выигралъ пари.
Они потѣшиться дѣвченкой захотѣли;
Вѣдь было некому вступиться за меня;
Тутъ оскорбленіе ихъ не вело къ дуэли,
Тутъ не пугали ихъ ни связи, ни родня;
Я не была знатна, я не имѣла вѣса,—
Зачѣмъ бы надо мной не подшутилъ повѣса?
Не знаю, какъ прошли въ сосѣдній мы салонъ;
Я только помнила, какъ сквозь тяжелый сонъ,
Что смотрятъ на меня, что посреди я бала,
Что надо устоять, во что бы то ни стало.
Гудѣли, будто звонъ глухихъ колоколовъ,
Въ тупыхъ моихъ ушахъ жужжанье разговоровъ,
Волненье пестрыхъ группъ, бряцаніе приборовъ;
Сбирались ужинать вкругъ небольшихъ столовъ:
Усѣлись за однимъ двѣ дамы съ адъютантомъ;
Самодовольно онъ, играя аксельбантомъ,
Предъ ними щеголялъ мундиромъ и умомъ.
Я робко подошла: болтанье ихъ живое
Внезапно прервалось, и встали съ мѣстъ всѣ трое;
Осталась я одна передъ пустымъ столомъ.

Съ тѣхъ поръ со мной бѣда случалася и хуже,
Извѣдала я жизнь въ теченьи лѣтъ шести,
Но не взялась бы я минуту вынесть ту же,
И такъ же, какъ тогда, чрезъ комнату пройти.
Съ трудомъ нашла я мать; — мы вышли,—длились
сборы.
Разъѣздъ шумѣлъ; смѣнялися кареты безъ конца.
Сосѣдокъ на себѣ я чувствовала взоры,
Не смѣя повернуть горячаго лица.
Мнѣ мочи не было. Средь этого народа
Хоть бы подверглась я бѣдѣ какой-нибудь!
Хоть тутъ бы на меня свалился камень свода!
Хоть бы злодѣя ножъ меня ударилъ въ грудь!
Хоть бы какое-то неслыханное дѣло
Теперь, у нихъ въ глазахъ, свершилось надо мной!
Не такъ бы на меня ихъ общество глядѣло
И перестала бъ я быть для него смѣшной.
Пронесся сверху шумъ; съ ступень сходила, прямо
Насупротивъ меня, въ безпечной болтовнѣ
Съ тремя мужчинами, блистательная дама,
Уже извѣстная по разнымъ слухамъ мнѣ.
На балахъ гостьею она была не рѣдкой,
Жизнь буйно тратила, и хуже чѣмъ кокеткой
Звала ее давно всеобщая молва;
Но свѣту мстить она умѣла фразой ѣдкой,
И онъ же колкія ея хвалилъ слова.
Шла медленно она, съ улыбкой торжества;

Чернѣла смоль косы подъ золотою сѣткой,
Повертывалася спесиво голова,
Средь мрака соболя бѣлѣла тонкой шеи
Краса змѣиная, сверкалъ лукавый взоръ.
Къ ней наклоняяся, младые чичибеи
Шептали на ухо ей свой привычный вздоръ.
Былъ у нея въ рукѣ букетъ фіалокъ пармскихъ;
Прошла она легко и гордо мимо всѣхъ,
Имъ дерзко напоказъ неся свой знатный грѣхъ,
И сквозь возню каретъ и лошадей жандармскихъ:
Звучалъ еще вдали ея веселый смѣхъ.
Я ей глядѣла вслѣдъ съ печальною догадкой.
Никто-бъ ей не дерзнулъ обиды нанести,
Никто бы тѣшиться не смѣлъ аристократкой,
Она безчестная у нихъ была въ чести!

И вотъ какъ съ перваго я возвратилась бала;
И долго плакала, и горько я роптала,
И не шутя себѣ поставила я цѣлью—
Отречься отъ всего и запереться въ келью;
И не являлась я въ свѣтѣ цѣлый годъ;
И поздно лишь дошла до мудраго познанья,
Что всѣ мученія, бѣды, негодованья,
Все перемелется, какъ говоритъ народъ.

И Ольга, кончивъ свой разсказъ,
Съ осанкой вольной и спокойной,

Прижала руки къ тальѣ стройной,
И въ мягкихъ креслахъ улеглась;
Нагнулось личико живое
Свѣтлѣе разгорѣлся взглядъ,
Она глядѣла имъ въ былое
На тяжкихъ дней унылый рядъ....
Молчанье прервала Надина,
Въ раздумьи оперщись слегка
На мѣдь блестящаго камина
Подошвой узкой башмачка:
— Да, тѣ салонныя напасти
И я извѣдала отчасти;
И я, созрѣвъ душой пытливой,
Дошла до мысли справедливой,
Что быть лишь можно, въ свѣтѣ томъ,
Иль наковальней терпѣливой,
Иль безпощаднымъ молоткомъ
Она минуту промолчала,
Потомъ прибавила, смѣясь:
— Затѣмъ-то и нужна для насъ
Вся твердость прочнаго закала:
Затѣмъ-то мы, рѣшась удало
На роль опасную свою,
Должны, какъ рыцари въ бою,
Не поднимать съ лица забрала,
Не дать изъ рукъ упасть копью;
Не оплошать, во чтобъ ни стало;

Не предаваться забытью;
Не охмелѣть отъ мадригала;
И жизнь понять уже съ начала,
Въ ней зачеркнуть любви статью.

— Такъ, кто, съ мечтами сердца сладя,
Ихъ подчинилъ суду ума,
Тотъ счастливъ; но скажи мнѣ, Надя,
Къ тому способна-ль ты сама?
Возьмешься ль ты, боясь развязки,
Не выслушать волшебной сказки,
Всегда разсудка быть рабой,
Отвергнуть строго жизни ласки?
Ни разу, утомясь борьбой,
Съ лица не сбросить душной маски,
И не пожертвовать собой?
— Къ чему?
— И я съ вопросомъ Нади
Къ вамъ обращусь, Полина; да,
Къ чему? кого, скажите, ради?
И кто пойметъ хоть насъ тогда?
Одна мечта намъ всѣмъ врожденна,
Одинъ удѣлъ и вамъ и мнѣ.
Бывало грезила во снѣ:
Любить колѣнопреклоненно,
Ввѣряться идолу вполнѣ;
Сладка была въ моей пустынѣ,

Мнѣ мысль объ этомъ властелинѣ
Всей будущей судьбы моей.
Кому жъ нести восторгъ свой нынѣ,
И чувства лучшихъ нашихъ дней?
Не тѣмъ салоннымъ ли героямъ,
Которые, влюбясь слегка,
Плѣняютъ смѣлымъ насъ покроемъ
Жилета или сюртука?
Не тѣмъ ли вычурнымъ Ловласамъ,
Которые встрѣчаютъ насъ
Всѣмъ приторнымъ своимъ запасомъ
Плохихъ остротъ и пошлыхъ фразъ?
И вялыхъ чувствъ своихъ остатки
Сберечь стараясь, какъ нарядъ,
Лишь цѣнятъ наши недостатки,
И добродѣтели бранятъ?
Кому, въ той кучѣ безтолковой,
Лишенной всѣхъ страстей и силъ,
Которой гибеллинъ суровый
Въ свой адъ кичливый не впустилъ?

Такъ что же, если правда это,
Сегодня снова, какъ вчера,
Насъ манитъ, Лиза, въ вихорь свѣта?
И объ эффектѣ туалета
Зачѣмъ мы думали съ утра?
Съ кѣмъ ждемъ теперь привычной встрѣчи?
Съ кѣмъ время поведемъ опять?

Чью примемъ лесть? Чьи будемъ рѣчи
Своей улыбкой подстрекать?
Зачѣмъ, ихъ всѣхъ презрѣвъ душевно,
Разыгрываемъ ежедневно
Постыдную мы съ ними роль?
И общество браня такъ гнѣвно,
Куда мы ѣдемъ? не въ него-ль?
Не каждому ли волокитѣ
Нашъ домъ доступенъ? Такъ не ихъ
Вы осуждайте и вините;
Вините вы себя самихъ;
Вините вскормленнаго съ дѣтства
Въ насъ самолюбья тайный грѣхъ,
Потребность суетныхъ утѣхъ;
Вините жалкое кокетство,
Насъ унижающее всѣхъ.
Обрекшись на мужчинъ ловушки,
Себя-жъ мы ставимъ ни во что;
Зачѣмъ имъ насъ не брать въ игрушки,
Когда согласны мы на то?
Мы бредимъ объ иномъ удѣлѣ;
А если встрѣтимъ, въ самомъ дѣлѣ,
Высокое мы существо,
Не оцѣнивъ его привѣта,
Не разгадавъ въ немъ ничего,
Сумѣемъ только мы его
Поставить противъ пистолета.

Она умолкла и глаза
Рукой покрыла въ думѣ странной;
Въ ней верхъ брала, въ тотъ мигъ нежданный,
Надъ гордой волей чувствъ гроза.

И снова руку опустила
Она съ бровей;—пора на балъ.
Но влажный взоръ сіялъ уныло
И грустно голосъ прозвучалъ.
— Нѣтъ, подождемъ. Не правда ль, Оля,
Что не пора?
— Конечно, нѣтъ;
Какая намъ спѣшить неволя?
Мы попадемъ лишь въ рядъ каретъ.
Успѣемъ вынесть давку бала.
За вами вѣдь теперь разсказъ,
Полина; чѣмъ-нибудь отъ насъ
Отдѣлайтесь.
Она молчала.
Быть можетъ, въ сердцѣ заперта,
Давно ужъ грусть лежала та,
Невѣдома и молчалива;
Быть можетъ, никогда уста
Ея не высказали взрыва.
Она жила, тѣхъ думъ страшась,
Не смѣя съ нихъ поднять покрова...
И захотѣлось въ этотъ часъ

Хоть разъ назвать то имя снова,
Тоской насытиться хоть разъ;
И упрекающій, и сладкій,
И незабвенный призракъ свой,
Хоть какъ-нибудь, полуукрадкой,
Изъ тѣни вызвать гробовой.

Онѣ безмолвно всѣ сидѣли;
И, грезъ очнувшихся полна,
Сквозь пѣнье тяжкое метели—
Заговорила вдругъ она.

РАЗСКАЗЪ ГРАФИНИ.

Тому давно... Тогда была я
Шалунья, рѣзвая, живая;
Больнымъ балована отцомъ,
Затѣй и прихотей не мало
Придумывала съ каждымъ днемъ,
И имъ препятствій я не знала.
Мнѣ минуло осьмнадцать лѣтъ;
Отецъ мой не вставалъ ужъ съ креселъ,
Но домъ нашъ былъ довольно веселъ,
И съ теткой ѣздила я въ свѣтъ.
Вокругъ меня, мнѣ угождая,
Поклонниковъ вертѣлась стая,
Какъ вкругъ богатыхъ всѣхъ невѣстъ;
И я пріобрѣла науку,
Въ награду, обращать имъ въ муку
Свой каждый взглядъ и каждый жестъ.
Мой дядя, старый князь Арсеній,
Въ то время лѣтомъ и зимой
Жилъ, предаваясь сельской лѣни,
Въ своей деревнѣ подъ Москвой;
Тамъ вздумалъ, дочери въ угоду,

Дать праздникъ къ новому онъ году,
И общая была туда
Въ саняхъ учреждена ѣзда.
Село отъ города лежало
Въ шестнадцати верстахъ, и намъ
Ночлегъ гостепріимно тамъ
Былъ приготовленъ послѣ бала.
Друзья же дома и родня
Сбирались ѣхать наканунѣ,
Балъ этотъ занималъ меня
Чрезмѣрно; отдыха два дня
Своей я не давала Дунѣ,
Приготовляя мой нарядъ.
Веселый собрался отрядъ;
Привычной слѣдуя программѣ,
Былъ избранъ спутникъ каждой дамѣ.
Саней расположился рядъ,
И понеслися мы попарно;
Луна сіяла лучезарно
На бѣлый безпредѣльный снѣгъ,
На дальней рощи сонъ глубокій,
Какъ призракъ средь степи широкой,
Скользилъ коней послушный бѣгъ.
Приличьямъ повинуясь свѣтскимъ,
Въ саняхъ сидѣла съ братомъ я
Двоюроднымъ, Вадимомъ Чецкимъ,
Какъ приказала мнѣ семья.

Вадимъ былъ человѣкъ престранный.
За всякій вздоръ бранилъ меня,
И я хулы его нежданной
Всегда боялась, какъ огня.
Меня жъ двѣнадцатью годами
Онъ старше былъ. Въ тотъ вечеръ онъ,
Въ раздумье молча погруженъ,
Глядѣлъ сердитыми глазами
Въ пустую даль степи ночной;
Вполнѣ освѣщены луной,
Его черты виднѣлись; многимъ
Могъ очеркъ ихъ казаться грубъ,
Но дивно шло къ бровямъ тѣмъ строгимъ
Противорѣчье кроткихъ губъ.
Въ лицѣ отличнаго портрета
Веласкеса есть прелесть эта.
Онъ, непривѣтливъ, недвижимъ,
Сидѣлъ и не давалъ отвѣта
Словамъ задорливымъ моимъ.
Мнѣ было весело не въ мѣру;
Готовилась на балѣ томъ
Гвардейскому я офицеру
Поставить голову вверхъ дномъ.
Хотѣлось этой мнѣ побѣды;
Онъ женщинъ занималъ бесѣды;
Собой прекрасенъ, гордъ и смѣлъ,
Онъ приключеніе имѣлъ

Съ одною римской герцогиней;
И я въ надеждѣ удалой,
Неслася по полю стрѣлой;
Блестѣлъ на соснахъ бѣлый иней,
Перемежаясь съ темной мглой;
Шумѣлъ въ нихъ вѣтръ; мы мчались мимо,
Впередъ, впередъ, во весь опоръ;
Я исподлобья на Вадима
Порой бросала быстрый взоръ.
Храня все тотъ же видъ суровый,
Сидѣлъ какъ каменный онъ гость;
Ужъ домъ за рощею сосновой
Мелькалъ: мной овладѣла злость,
Мнѣ мочи нѣтъ досадно стало;
И какъ мы въѣхали въ село,
Сама себѣ я обѣщала
Быть первою кокеткой бала,
И всѣхъ плѣнить ему на зло.
И часъ потомъ уже сидѣли
Мы всѣ у чайнаго стола;
Стараяся достигнуть цѣли,
Себѣ поставленной, была
Я чрезвычайно весела,
И даже слишкомъ, и съ натяжкой;
Я празднословила съ трудомъ,
И въ смѣхѣ вѣтреномъ моемъ
Звучало эхо мысли тяжкой.

Гвардейца не было; о немъ,
Кузина ужъ со мной въ бесѣду
Вступивъ, шепнула мнѣ тайкомъ,
Что будетъ завтра онъ къ обѣду.
Одинъ лишь гость мнѣ незнакомъ,
Средь молодежи нашей свѣтской
Тутъ былъ какой-то графъ нѣмецкій,
Какъ я услышала потомъ.
Меня, шутя съ кузиной Дашей,
Онъ непонятно возмущалъ;
Иной внезапной мысли нашей
Разумныхъ нѣтъ въ душѣ началъ.
Извѣстно (и возможность факта
Я поняла, хоть страненъ онъ).
Что, посѣщая Тріанонъ,
Нечаянно сошелся какъ-то,
Въ уединеній аллей,
Съ Маріею-Антуанеттой
Изъ будущихъ ея судей
Одинъ, и страшно стало ей
При мимоходной встрѣчѣ этой;
Хоть онъ прошелъ лишь стороной,
И былъ мужчина недурной
Лицомъ, и хорошо одѣтый.
Богъ-вѣсть зачѣмъ, на умъ пришелъ
Разсказъ мнѣ этотъ въ то мгновенье:
Впадала я въ недоумѣнье,

Смотря на нѣмца черезъ столъ.
Сидѣлъ онъ смирный, бѣлокурый,
Съ своею чашкой у окна;
Но все казалось съ той фигурой
Угроза мнѣ сопряжена.
И становилось отчего-то
Мнѣ вообще не по себѣ;
Грудь странная гнела забота,
Порой боязнь переворота
Какого-то въ моей судьбѣ;
И ропотъ тайнаго упрека
Мнѣ въ сердцѣ слышался тогда.
Повѣрьте, горе и бѣда,
Къ намъ близятся не безъ намека.
Не понимаемъ, почему
На насъ находитъ безпокойство:
Названье нервнаго разстройства
Даемъ безпечно мы ему.

На слѣдующій день я встала,
Опять спокойна и бодра,
Не мысля ужъ о томъ ни мало,
Что мучило меня вчера,
И никакой мечтою грозной
Не возмутившися во снѣ.
Все весело казалось мнѣ,
Какъ этотъ блескъ зари морозной

На небосклонѣ голубомъ
И долъ покрытый серебромъ.
Причуды сердца молодого
Очнулись, рѣзвыя опять,
И я опять была готова
Привольной жизнію играть.

Занявшись утреннимъ нарядомъ,
Мы съ Дашей поспѣшили внизъ;
Хотѣлось мнѣ провѣдать взглядомъ
Прошелъ ли Чецкаго капризъ?
Не первый впрочемъ; то и дѣло
Я въ ссорѣ находилась съ нимъ,
И напередъ сказать умѣла,
Когда нахмурится Вадимъ.
Среди веселыхъ развлеченій
Слышна какъ будто мнѣ была,
Сквозь хоръ похвалъ и одобреній,
Его безмолвная хула.
Былъ иногда, насчетъ бездѣлки,
До нетерпимости онъ строгъ,
И съ совѣстью возможной сдѣлки
Онъ никогда понять не могъ;
Словами гнѣвнаго презрѣнья
Клеймилъ общественную ложь;
И удивительно хорошъ
Онъ въ эти дѣлался мгновенья;

Всегдашній врагъ пустой мечты,
Былъ и Онѣгинъ онъ и Ленскій—
Умъ ясный, съ мягкостію женской,
Духъ строгій, полный теплоты.
Досадно было мнѣ и больно,
Когда на дѣйствія мои
Смотрѣлъ онъ съ рѣзвостью судьи;
Но подчинялась я невольно
Его вліянію; хотя
Въ лицо мнѣ говорилъ онъ прямо,
Что я безсмысленно-упряма,
И малодушна, какъ дитя.
Его сердилъ уже сначала
Весь этотъ праздникъ, пробуждалъ
Тоску и сплинъ въ немъ грохотъ бала,
И пошлый говоръ модныхъ залъ.
Я принимала чувство это
За неестественную блажь;
И не любить я не могла жъ
Въ осьмнадцать лѣтъ приманокъ свѣта.
Гостями полонъ былъ салонъ,
Когда съ кузиною вошла я:
Сидѣлъ одинъ поодаль онъ,
И чрезъ минуту, чашку чая
Допивши, всталъ и вышелъ вонъ.
Я сѣла, гнѣвъ свой чуть скрывая,
Обида тутъ была прямая,

Не простирались до того
Права двоюроднаго брата,
Когда бы я и виновата
Была, по мнѣнію его.
Еще со мною такъ сурово
Не поступалъ онъ никогда.
Ждала я отъ него хоть слова;
Тяжка мнѣ съ нимъ была вражда.
Но отвергалъ онъ примиренье,
Онъ самъ возобновлялъ раздоръ:
Исчезло думъ моихъ сомнѣнье,
И смолкнулъ совѣсти укоръ.
Одно, чуть видное движенье,
Улыбка, можетъ, или взоръ
Все измѣнили бъ въ то мгновенье:
Я, можетъ, отказалась бы
Отъ мести глупой и упорной...
И этотъ мигъ досады вздорной
Перетянулъ вѣсы судьбы.

Явился лишь передъ обѣдомъ
Онъ вновь, прибывшій той порой
Гость жданный, бальныхъ залъ герой,
Былъ уже съ часъ моимъ сосѣдомъ.
Болтала весело я съ нимъ,
И прислоняясь къ стѣнкѣ стула,
Съ небрежной лѣнью, не взглянула,

Когда въ покой вошелъ Вадимъ.
Пошли къ столу; съ гвардейцемъ сѣла
Насупротивъ его я смѣло,
Улыбку вызвавъ на лицо;
И принялась спокойна съ виду,
Влагать для Чецкаго обиду
Во всякое свое словцо.
Въ душѣ инстинктъ проснулся лютый,
Съ начала, можетъ, скрытый въ ней;
И съ каждой дѣлалась минутой
Я безпощаднѣй и умнѣй.
Съ холоднымъ взглядомъ слушалъ Чецкій,
Какъ тѣшилась я въ злобѣ дѣтской,
Его безсовѣстно дразня.
Съ нимъ о бокъ сидя, графъ нѣмецкій
Глядѣлъ порою на меня,
Съ усмѣшкою своей несносной.
Привыкнуть къ минѣ этой постной
Рѣшительно я не могла;
Боязнь невѣдомаго зла,
Какъ наканунѣ, грудь мнѣ снова
Такъ сжала, что была готова
Я тутъ же встать изъ за-стола.

Шло время. Близкаго я бала
Нетерпѣливо ожидала,
Рѣшившись съ помощью его

Свое дополнить торжество,
Кокетничать неумолимо,
И позабавиться весьма,
Сводя гвардейца и Вадима
Различнымъ образомъ съ ума.

Когда отрывистымъ аккордомъ,
Оркестра прогремѣлъ сигналъ,
Я въ томъ же упоеньи гордомъ
Явилася на этотъ балъ,
Въ какомъ, на роковую драму,
Шелъ къ пирамидамъ иль Ваграму
Безсмертный маленькій капралъ.
Меня гвардеецъ ждалъ у входа,
И мы средь моднаго народа,
Помчались первою четой.
Завидѣла, въ толпѣ густой,
Я Чецкаго въ бесѣдѣ съ дамой;
Я вновь воскликнула, да, съ той самой,
Съ которой, два года тому
Онъ познакомился въ Крыму.
Она давно, съ заботой лестной,
Старалась нравиться ему.
И женщиной преинтересной
Слыла, не знаю почему.
Въ неистовомъ своемъ круженіи,
Надменно мимо пронеслась

Я, задыхаясь и смѣясь,
Въ какомъ-то нервномъ раздраженіи.
Танцующихъ блестящій рой
Широкую наполнилъ залу.
Взгремѣлъ на хорахъ вальсъ второй.
Я увлекалася по-малу
Своей опасною игрой.
Гвардеецъ гордый и прекрасный,
Предметъ приманки не одной,
И не одной мечты напрасной,
Былъ явно занятъ только мной.
Уединясь въ покоѣ людномъ,
Мы съ нимъ въ кокетствѣ обоюдномъ,
Весь вечеръ проводили. Онъ
Былъ и не глупъ, и не уменъ;
Но свѣтскимъ просвѣщеньемъ пестрымъ
Умѣлъ небрежно щеголять,
И замѣчательнымъ и острымъ
Казаться могъ часовъ онъ пять;
Зналъ фразы власть надъ мыслью женской,
Умѣстно говорилъ съ огнемъ,
И былъ мундиръ преображенскій
Особенно красивъ на немъ.
Минуту отдохнуть желая,
Передъ мазуркою ушла я
Изъ залы въ Дашинъ кабинетъ;
И тотчасъ же за мною вслѣдъ,

Вступилъ въ него поспѣшно Чецкій:
Послѣдній мигъ вдвоемъ я съ нимъ
Тутъ провела. Когда Вадимъ
Вошелъ, я на софѣ турецкой
Сидѣла, голову склонивъ;
Гремѣлъ вальсъ, помню, на мотивъ
Изъ Крестоносца Майербера.
Онъ подошелъ угрюмъ и строгъ:
— Возьми другого кавалера
Къ мазуркѣ, выдумай предлогъ,
Не будь упорнѣе дитяти.
— Позвольте возразить, что вамъ
Моимъ быть дядькой здѣсь не кстати,
Сказала я, спѣша къ дверямъ.
Сердито произнесъ онъ слово
Невнятное, и, смолкнувъ снова,
Рванулъ перчатку пополамъ.
Прошла съ улыбкою притворной
Вновь въ залу я, гдѣ длился балъ,
Тамъ съ нетерпѣніемъ искалъ
Меня ужъ витязь мой придворный;
Мазурка раздалася съ хоръ,
И сѣли, первой парой круга,
И завели мы разговоръ,
Стараяся увлечь другъ друга
Тѣмъ состязаньемъ хитрыхъ фразъ,
Тѣмъ фехтованіемъ словеснымъ,

Намъ съ юныхъ лѣтъ ужъ всѣмъ извѣстнымъ
И столь заманчивымъ для насъ,—
Той легкомысленно-лукавой
Привычной бальною забавой,
Гдѣ можно промахъ дать какъ разъ,
Гдѣ позволяетъ ложь улыбки
Изъ слова тайный смыслъ извлечь,
И гдѣ порой такъ кстати скрипки
Иную заглушаютъ рѣчь.
Я стычку продолжала храбро,
Тѣмъ больше, что мой бѣглый взоръ
Вадима замѣчалъ надзоръ;
У входа, возлѣ канделябра,
Стоялъ онъ неподвиженъ, съ насъ
Сердитыхъ не спуская глазъ
— Смотрите, какъ глядитъ на танецъ
Вашъ разъяренный пуританецъ,
Сказалъ гвардеецъ мнѣ, смѣясь.
Къ дверямъ мой взглядъ скользнулъ украдкой;
Я знала, гнѣвныхъ думъ борьба
Высказывалась этой складкой,
Чуть видной въ серединѣ лба.
Но я рѣшила, что не буду,
Что не хочу быть такъ слаба,
Чтобъ безпрестанно и повсюду
Себѣ въ законъ его причуду
Смиренно ставить, какъ раба.

И новой хвастая побѣдой,
Живѣе занялась бесѣдой,
Я въ наказаніе ему,
Богъ вѣсть за что, и почему.
Межъ тѣмъ, вдаваясь понемногу
Въ ту безотчетную тревогу,
Которую вливаетъ въ умъ
И магнетизмъ живого взора,
И прелесть тонкаго разбора
Сердечныхъ чувствъ и тайныхъ думъ,
Дошла съ своимъ я кавалеромъ
До точки, гдѣ, забывъ игру,
Вдругъ представляешься, въ жару,
Такимъ усерднымъ лицемѣромъ,
Что начинаешь вѣрить самъ
Своимъ придуманнымъ словамъ.
Склонясь къ прекрасному сосѣду
Раздумья страннаго полна,
Ему внимала я.—Княжна,
Сказалъ онъ вдругъ,—я завтра ѣду,
Жестокій долгъ зоветъ меня;
Какъ знать, свиданія другого
Дождусь ли, и такого дня?—
Онъ смолкъ, вздохнулъ и молвилъ снова:
— Тяжелъ послѣдній этотъ часъ,
Я ѣду рано, на разсвѣтѣ;
Я отправляюсь на Кавказъ,

Умру въ бою иль въ лазаретѣ.
Мечту о блескѣ вашихъ глазъ,
О дивныхъ звукахъ вашей рѣчи
Разсѣетъ, можетъ, свистъ картечи;
Но дайте мнѣ, молю я васъ,
Еще упиться сладкимъ ядомъ,
Отраднымъ словомъ, милымъ взглядомъ,
Въ послѣднiй насладиться разъ;
Мигъ подарите мнѣ единый,
Придите съ вашею кузиной
Въ садъ на зарѣ, пока весь домъ
Спать еще будетъ; съ ней о томъ
Я говорилъ. Тамъ есть бесѣдка:
Придите,—и сраженъ войной,
Умру хоть съ вѣрой я одной,
Что вы не жалкая кокетка,
Что вы не забавлялись мной.—
Онъ въ ожиданiи отвѣта
Допрашивалъ мой робкiй взоръ;
Я грусть читала и укоръ
Въ его чертахъ. Минута эта
Была одна изъ тѣхъ минутъ,
Гдѣ, вопреки условьямъ свѣта,
Въ насъ увлеченья верхъ берутъ.
На гнѣвное лицо Вадима
Невольно поглядѣла я,
И стало вдругъ мнѣ нестерпимо.

— Молчите вы? вы несогласны?
Мои моленія напрасны?
Сказалъ гвардеецъ.—Что-жъ могло
Васъ испугать? и гдѣ же зло?
Кто встрѣтитъ васъ передъ зарею?
На краткій мигъ прійти съ сестрою
Боитесь развѣ? да чего жъ?
Ужель и въ васъ всѣ чувства ложь?
Ужель всѣмъ прочимъ вы подобны?
Княжна! ужели неспособны
Къ великодушію и вы?

Не колебалася я болѣ;
Съ строптивой мыслью за одно
Твердило чувство, что грѣшно
Тутъ свѣтской уступать неволѣ;
Сомнѣнье стихло, страхъ умолкъ,
И шагъ мнѣ этотъ сумасбродный
Предсталъ какъ подвигъ благородный,
Какъ жертва смѣлая и долгъ.
Занявшися цвѣткомъ въ букетѣ,
Я прошептала:—Да, въ саду,
Въ павилійонѣ, на разсвѣтѣ...
Вотъ слово вамъ мое, приду!—
Въ покой, гдѣ ужинъ ждалъ готовый,
Мазурку кончивъ, мы пошли;
Увидѣла я, въ дверь столовой

Вступая, Чецкаго вдали
Стоялъ съ нимъ графъ мнѣ столь противный
Два франта, и старикъ майоръ,
Предметъ привычный и наивный
Насмѣшекъ нашихъ съ давнихъ поръ
За то, что подходилъ онъ къ ручкѣ.
Послышался вдругъ въ этой кучкѣ
Вадима голосъ громче всѣхъ,
Въ отвѣтъ на чей-то легкій смѣхъ.
Обрадована этимъ взрывомъ,
Я въ упоеньи горделивомъ,
Съ улыбкою садясь за столъ,
Подумала: ага! онъ золъ.
И продолжала, тѣшась мщеньемъ,
Я до конца, съ безумнымъ рвеньемъ,
Разгорячившись, какъ въ бою,
Роль малодушную свою.
Мнѣ становились безполезны
Понятія добра и зла:
Неистово я къ цѣли шла,
Какъ слѣпо мчится къ скату бездны
Конь, закусивши удила.

Еще два раза, на мгновенье,
Въ толпѣ, какъ грустное видѣнье,
Мелькнулъ Вадимъ передо мной.
Да, онъ страдалъ средь блеска бала,
И больше, чѣмъ я полагала,

Увы! и мыслію иной!
Когда гостей шумливыхъ стая
Угомонилась, засыпая,
И смолкнулъ понемногу домъ,
Отправилася въ спальню Даши
Я съ ней, и долго толки наши
Тамъ продолжалися тайкомъ.
И этимъ rendez-vous въ бесѣдкѣ
Опять занявшись и опять,
Я, наконецъ, часовъ ужъ пять,
Расположилась на кушеткѣ
Сказавъ: попробуемъ, поспать.

Но не спалось. Неотразимо
Передо мной носился мимо
Рядъ безконечныхъ пестрыхъ думъ;
Мнѣ видъ нахмуренный Вадима
Невольно приходилъ на умъ;
Какъ ни владѣлъ красавецъ свѣтскій,
Въ своей отвагѣ молодецкой,
Мечтой причудливой моей,
Сердитъ, задумчивъ, блѣденъ Чецкій
Упорно представлялся ей.
Порой, все взвѣшивая снова,
Сама съ собой наединѣ,
Я ужъ почти была готова
Нейти,—но не исполнить слова
Казалось низостію мнѣ.

Мнѣ снились вкрадчивыя рѣчи,
И зажигали жаръ въ крови;
Меня прельщала новость встрѣчи,
Манила эта тѣнь любви.
Признаться, тутъ была отчасти
Нелѣпость мнѣ моя видна;
Не слишкомъ вѣрила я страсти
Блистательнаго шалуна.
Но доказать себѣ хотѣла
Свою я волю и права,
И что на все иду я смѣло,
Какъ скоро обратить мнѣ въ дѣло
Свои приходится слова;
Что судъ другихъ мнѣ не преграда,
Что въ силахъ я себя, гдѣ надо,
Уволить отъ привычныхъ узъ,
Спросивъ у совѣсти совѣта;
Что и безсмысленнаго свѣта,
И Чецкаго я не боюсь.
Всеобщей, можетъ-быть, ошибки
Несчастный тутъ являлся плодъ,
Желаніе хоть тайной ошибки
Съ тѣмъ, что вседневно насъ гнететъ.
Мѣшала разсуждать мнѣ здраво
И лести вѣчная отрава,
И думъ взлелѣяная блажь,
И безтолковость женской роли,

Смѣсь своеволья и неволи,
Почти всегдашній жребій нашъ.
Какія, впрочемъ, мы влiянья
Могли бъ рѣшительно винить?
Гдѣ въ лабиринтѣ воспитанья
Руководительная нить?
Но я рѣшилась.
Мгла рѣдѣла,
На горизонтѣ восточной бѣло
Легла разсвѣта полоса.
Мы встали, и, чрезъ полчаса,
Съ мгновенною отвагой трусовъ,
И въ складки теплыя бурнусовъ
Закутавшися до лица,
Сбѣжали съ задняго крыльца,
Вдоль оконъ длиннаго фасада
Мелькнули и, уже смѣлѣй,
Достигнувъ середины сада,
Помчались по снѣгу аллей
И въ сильной донеслись тревогѣ
До павильона: на порогѣ
Ждалъ мой поклонникъ, ввелъ насъ въ дверь,
И началъ бредъ души мятежной,
И тягость жизни безнадежной,
И горе внутреннихъ потерь,
И боль безумнаго порыва
Онъ излагать краснорѣчиво.

Но грустныя его слова
Мнѣ какъ-то холодно звучали;
Сама теперь уже была ли,
Побѣдой опьянѣвъ сперва,
Я вновь душой почти трезва?
Къ излитію его печали
Благопріятствовалъ ли балъ,
И шла ли свѣта обстановка?
Обоимъ было намъ неловко.
Мнѣ снова говорить онъ сталъ
О смерти отъ черкесской пули,
Которой онъ подставитъ грудь;
И оба, захотѣвъ вздохнуть,
Украдкой мы слегка зѣвнули.
Все какъ-то тутъ не шло на ладъ.
Онъ уже этому свиданью
Былъ, вѣроятно, самъ не радъ.
Прибѣгнувъ, наконецъ, къ молчанью,
Мы сѣли.... На него была
И на себя я тайно зла.
Моя мгновенная причуда
Казалась мнѣ теперь смѣшна.
Вдругъ Даша съ креселъ у окна
Вскочила:

— Идутъ!

— „Кто?.. Откуда?“

Вскричала я, шагнувъ впередъ.

Сіяньемъ раннимъ небосклона
Блестѣлъ пруда прозрачный ледъ
Напротивъ оконъ павильона.
Скользя сквозь ивъ прибрежныхъ рядъ,
Въ единый мигъ мой быстрый взглядъ
По снѣжному пронесся парку.
Шелъ медленно, покрытъ плащемъ,
Съ другимъ мужчиною вдвоемъ,
Нѣмецкій графъ, куря сигарку;
На дали, блещущей зарей,
Темнѣлъ ихъ стана очеркъ рѣзкій.
Графъ, точно, и морякъ одесскій,
Съ нимъ дружный. Этою порой?..
Зачѣмъ имъ... Скрыты занавѣской,
Глядѣли въ страхѣ мы съ сестрой.
Остановившись у площадки
Поодаль; графъ взглянулъ вокругъ,
И содрогнулася я вдругъ
Отъ грозной мысли, отъ догадки
Внезапной... Этотъ споръ въ углу
Съ Вадимомъ, какъ вчера къ столу
Я мимо шла изъ залы бальной...
Онъ ждетъ здѣсь... Боже мой!... Ужель?..
Виднѣлся плащъ въ аллеѣ дальной,
И офицерская шинель.
На встрѣчу графъ ступилъ удало
Два, три шага... я понимала,

Я громко вскрикнула: дуэль!..
Въ сопровожденіи майора
Поспѣшно Чецкій шелъ туда,
Гдѣ ждали молча тѣ: и скоро
Среди площадки у пруда,
Всѣ четверо сошлись, готовы,
Угрюмы. Бросилась я въ дверь,
Забывъ про все.—Куда вы? что вы?
Къ чему итти вамъ къ нимъ теперь!
Сказалъ, меня остановляя,
Гвардеецъ,—ваша цѣль какая?
Помочь тутъ, вѣрьте, средства нѣтъ.
Нельзя вамъ выйти здѣсь, чѣмъ свѣтъ.
Добра не сдѣлавши нисколько,
Себя погубите вы только,
И больше причините бѣдъ.
Меня и Даша не пускала;
Я, взоры приковавъ къ пруду,
Старалась вспомнить все сначала,
Понять нежданную вражду:
И растекались, какъ въ бреду,
Всѣ мысли, сумрачны и зыбки.
Въ умѣ испуганномъ моемъ
Мелькнули колкія улыбки
И взгляды нѣмца за столомъ,
Возможность сказаннаго слова,
Насмѣшки, замѣчанья злого...

Кровь стыла въ жилахъ. Мнѣ мой вздоръ
Здѣсь несъ, какъ чопорный актеръ,
Герой салонный. Въ складной рѣчи,
Болталъ онъ здѣсь мнѣ наизусть
Про неразгаданную грусть,
И про любовь, и гибель въ сѣчи,
Съ трудомъ лишь, въ продолженьи дня,
Свой жаръ поддѣльный сохраня;
А тамъ Вадимъ ждалъ смертной встрѣчи
Вступаясь, можетъ, за меня.

Въ окно я словно противъ воли
Глядѣла, и отъ рѣзкой боли
Дрожащая сжималась грудь!
Глядѣла я, не въ силахъ взгляда
Спустить съ безвѣстнаго обряда,
Не въ силахъ тронуться, дохнуть.
Казалось мнѣ, что о дуэли
Тутъ рѣчь идетъ не въ самомъ дѣлѣ;
Что помѣшаетъ кто-нибудь,
Что помирятъ ихъ, что раздора
Межъ ними важнаго вѣдь нѣтъ.
Вотъ разошлись. Въ рукахъ майора
Я увидала пистолетъ.
Онъ ровнымъ шагомъ чрезъ площадку
Прошелъ. Вадимъ снималъ перчатку...
Теперь, черезъ тринадцать лѣтъ,

Еще стоитъ передо мною
Онъ, какъ тогда, у старыхъ ивъ,
Отбросивъ плащъ, готовый къ бою,
Недвижный, губу закусивъ,
Поставленъ тутъ моей виною!
А я—я не могла помочь,
Я не могла сдержать ихъ мщенья,
И отъ ужаснаго видѣнья
Не смѣла отвернуться прочь.
Облиты яркимъ уже свѣтомъ,
Другъ въ друга цѣля пистолетомъ,
Ступая тихо, шагъ за шагъ,
Они сходились на равнинѣ:
Межъ нихъ блистали, въ серединѣ,
Ефесы двухъ воткнутыхъ шпагъ.
И я глядѣла, недвижима,
Безумнымъ взоромъ на Вадима,
Въ то время слыша, какъ во снѣ,
Что говорилъ тутъ кто-то мнѣ,
Что я ни въ чемъ не виновата,
Что даромъ я боюсь за брата,
Что попадаетъ онъ въ туза...
Глядѣла я во всѣ глаза,
Всей волей мысли, всей душою.
Графъ выстрѣлилъ.
Разнесся дымъ.
Шатаясь, лѣвою рукою

Держалъ свой пистолетъ Вадимъ;
Движеньемъ быстраго отказа
Свидѣтелей отсторонилъ,
И съ графа не спуская глаза
Съ послѣднимъ напряженьемъ силъ,
Не ловко цѣля, сдвинувъ брови,
Минуту простоялъ одну,
И капли яркой, алой крови
Пятнали снѣга бѣлизну.
Стоялъ онъ, блѣдный призракъ гроба,
Мертвецъ грозящій и нѣмой...
И выстрѣлъ прогремѣлъ.
И оба
Свалились въ снѣгъ передо мной.
Я кинулась... я ужъ стояла,
Дрожа всѣмъ тѣломъ, передъ нимъ,
И безсознательно шептала
Одно: „Вадимъ!.. Вадимъ!.. Вадимъ!..“
Какія-то я помню тѣни
Вокругъ себя и голоса.
Онъ двинулся, я на колѣни
Упала; и приподнялся
Онъ медленно съ улыбкой странной;
Ложилась на его черты
Печать какой-то несказанной,
Какой-то смертной красоты.
Онъ сжалъ мнѣ руку; взглядъ туманный

Блѣднѣющихъ, безсильныхъ глазъ
Въ меня еще вперился разъ
Не укорительно, не строго;
Стѣснялось въ раненой груди
Дыханье; погодя немного,
Онъ тихо вымолвилъ: „Поди!"
Тупымъ я поглядѣла взоромъ,
И, поведенная майоромъ,
Пошла, не вѣдая куда.
Мой проводникъ молчалъ уныло.
Отшедши дальше отъ пруда,
Я шепотомъ его спросила:
— Онъ за меня стрѣлялся?—„Да,
Сказалъ онъ, эти господа
Васъ оскорбили колкимъ словомъ.
Провѣдалъ Чецкій. Какъ? Богъ вѣсть!"
Опять въ молчаніи суровомъ,
Старикъ прошелъ шаговъ пять-шесть;
И вдругъ не въ силахъ горе снесть,
Промолвилъ, обернувшись къ ивамъ,
Гдѣ стоптанъ былъ кровавый снѣгъ:
„Сударыня, Господь прости вамъ!
Онъ былъ хорошій человѣкъ!"

Она замолкла; думы жало
Впилось глубоко въ сердце ей.
Въ каминѣ пламя догорало
Порой взвиваясь изъ углей.

И озаряла вспышка эта
Мгновенно бронзу кабинета,
Часы богатые въ углу,
Ковра цвѣтные арабески,
И у дверей, сквозь полумглу
Отливы алой занавѣски.
А въ зеркалѣ былъ отраженъ
Покой безвѣстный и далекій,
Гдѣ при лампадѣ одинокой
Мерцалъ въ тѣни окладъ иконъ,
Гдѣ съ устъ, веселыхъ въ свѣтѣ строгомъ,
Срывался вопль, въ ночной тиши,
Гдѣ изливались передъ Богомъ
Всѣ боли тайныя души.

Графиня судорожно встала,
Рукой дрожащей опахало
Схватила быстро и букетъ:
— Пора, поѣдемъ! я готова.
Всѣ поднялись, раздумья злого
Стряхая неумѣстный слѣдъ.
Пронесся легкій шумъ; и снова
Смолкъ опустѣлый кабинетъ.
Лишь съ мраморнаго пьедестала,
Какъ неземной и вѣщій гласъ,
Раздался рѣзко звонъ металла,
И прогудѣлъ двѣнадцать разъ.

———

ФАНТАСМАГОРІИ.

ФАНТАСМАГОРІИ.

Vorbei! Vorbei!
(Gœthe. Faust).

I.

Карета катилась быстро по плоской дорогѣ; въ каретѣ кто-то сидѣлъ, задумавшись. Было это ночью, сѣверной майской ночью, которая не темнѣе дня. Можно было видѣть направо и налѣво, но смотрѣть было не на что: и съ этой и съ другой стороны за гладью-гладь за полемъ-поле, ни конца, ни стѣны. Петербургъ, и дворцы, и дачи, и парки, и прыткіе экипажи, и шумъ, и возня—пропали позади, безъ слѣда и помину; словно ихъ на свѣтѣ не было. Ширилась болотистая равнина, по которой нѣтъ-нѣтъ торчалъ невзрачными кучками сѣроватый, тощій кустарникъ, и поднимались невысоко горемычныя березы. Больше ничего. Нечему было развлечь мысли; онѣ могли тянуться своимъ порядкомъ, одна за другой, одна за другую цѣпляясь, одна другую погоняя. По этой дорогѣ можно было думать на раздольѣ.

И многое думалось тому, кто сидѣлъ въ каретѣ. Есть Божьею милостью, каждому, о чемъ призадуматься. Что да что ни прошло мимо глазъ, въ безпрестанномъ повтореніи, одна и та же картина. Помыслы неслись впередъ въ чуждую даль, неслись назадъ, въ знакомыя мѣста, къ тому, что прошло, къ тому, что будетъ, и опять взвивались и уносились, Богъ вѣсть, куда. Они давно были пріучены къ рѣзвой волѣ. Наконецъ, стало думаться нѣчто похожее вотъ на что:

Есть же такіе люди, въ которыхъ то, что шевелится въ головѣ, не проситъ формы, не силится проявиться какимъ-нибудь образомъ. Есть такіе, которымъ никогда не хочется взяться ни за перо, ни за кисть, ни за рѣзецъ, а слова только служатъ для объясненія существенныхъ потребностей и для салоннаго разговора. Ужъ Богъ ихъ знаетъ, какъ они сотворены, но есть такіе, и имъ кажется, что такими и слѣдуетъ быть.

А можетъ статься, оно и правда. Въ самомъ дѣлѣ, что за странный человѣкъ нашъ братъ! Глядитъ на ясное небо—дай изображу красками; видитъ бурю—дай разскажу словами; горюетъ—дай выражу звуками. Что за бѣдственная потребность! Художникъ—вѣдь это чудовище! Ночью загорѣлся городъ, дома валятся, люди гибнутъ,—онъ смотритъ съ восхищеніемъ, какъ пламя стоитъ краснымъ столбомъ на

черномъ небѣ; онъ бѣжитъ не спасать людей, а принести краски и кисти. Онъ слышитъ вопли—и шепчетъ стихи. Ей Богу, страшно подумать. Гёте получаетъ письмо съ черной печатью, и оставляетъ нераспечатаннымъ на своемъ столѣ, потому что полагаетъ, что это извѣстіе о смерти сына, а онъ хочетъ теперь быть спокоенъ духомъ, чтобы дописать Ифигенію въ Тавридѣ. Тальма узнаетъ о неожиданной смерти отца, и вскрикиваетъ,—и въ ту же минуту думаетъ: вотъ какъ вскрикиваютъ въ ужасѣ, вотъ какъ надо мнѣ вскрикнуть на сценѣ. Умирающій Брюловъ проходитъ мимо зеркала, останавливается и говоритъ: „какое у меня сдѣлалось эффектное лицо. Дайте краски.“—И пишетъ съ себя лучшую свою картину всматриваясь и любуясь выраженіемъ предсмертнаго своего страданія. Что это такое? Всякую другую страсть, всякое увлеченіе можно объяснить; это—нѣтъ. Игрокъ хочетъ денегъ; завоеватель—власти и славы; ученый, наконецъ, ищетъ полезнаго открытія. Художникъ не ищетъ никакой выгоды, даже и славы не ищетъ; работалъ, не спалъ по ночамъ, напрягалъ всѣ силы, изнурялся, далъ форму своей мысли, и доволенъ; цѣль достигнута. Какая цѣль? Что вышло изъ этой траты покоя и жизни?—Одной сказкой стало больше на свѣтѣ, гдѣ ихъ такъ много.

Но иногда беретъ насъ еще особый недугъ, по-

хожій на гидрофобію собакъ: беретъ чернилобоязнь. Такъ тебя и мучитъ написать, такъ и тянетъ къ письменному столу; подойдешь—и отшатнешься. Страшно становится облить свое свѣжее чувство этой черной пошлой влагой. Перо смотритъ грозно, чистая, дѣвственная бумага словно говоритъ, не тронь меня! не смѣй! А мысль бьется въ головѣ, какъ жаворонокъ въ клѣткѣ. Мусульманское повѣрье запрещаетъ рисовать человѣческое подобіе; они говорятъ, что въ наказаніе за эту пародію божественнаго творчества этотъ образъ будетъ преслѣдовать своего создателя, требуя себѣ души. Тутъ наоборотъ: идея преслѣдуетъ поэта и пристаетъ къ нему: дай мнѣ воплощеніе, дай мнѣ образъ. Какой? Гдѣ матеріалъ, еще не истощенный? Гдѣ слова и формы, уже не изношенныя давно?..

А между тѣмъ, вѣдь они найдутся... Ужели этому не будетъ конца? Ужели всегда будутъ находиться новыя выраженія чувству? другія облеченія фантазіи?

Карета остановилась. Что такое?—Станція. Повозились вокругъ лошадей, перепрягли. — Ступай! Свѣжая упряжка помчала вольной рысью. Продолжается поле, продолжаются думы.

И о чемъ, я себя спрашиваю теперь? Не рѣшиться ли напередъ, начиная путь, держать на привязи свою поблажку? Итти молчаливо мимо всѣхъ дивныхъ проявленій? Какъ подумаешь: сколько одной и той же до-

рогой прошло путешественниковъ. Сколько разсказалось тѣхъ же путешествій! Что можетъ разсказать тотъ, кто тутъ же проходитъ тысячнымъ посѣтителемъ?

И какіе еще люди прошли до него! Какіе голоса говорили! Господи! положи храненіе устамъ моимъ!

А пѣть все-таки можно.

И пошлыхъ предметовъ нѣтъ... Это вздоръ.

Помню, говорили разъ при великомъ поэтѣ, что одинъ господинъ написалъ стихотвореніе: „Лотосъ.“ „Что ему дался лотосъ?“ отвѣчалъ поэтъ,— „если онъ не сумѣлъ сказать ничего новаго о розѣ, то не сказалъ ничего новаго и о лотосѣ“. Это такъ. Да и форма. Еслибъ и существовала въ поэзіи только одна форма, что за нужда? Въ одинъ и тотъ же стаканъ можно лить всевозможныя вина. Когда требуютъ чаю, спрашиваютъ, крѣпокъ и душистъ ли чай, а не оригинальна ли чашка. А выдохшійся чай не становится лучше въ чашкѣ совсѣмъ новой формы.

Да, можетъ писать тотъ, кто можетъ.

А что ни говори, бѣдовое дѣло.

Затрепещетъ душа, заблещетъ мысль, и кровь закипитъ; и шепчутся слова, сливаясь въ стихъ. Это пиръ Фантазіи, ея рѣзвая потѣха, ея радостная воля. И пѣснь стоитъ строками на бумагѣ.

Тутъ какая-то утрата свободы.

Фантазія-дикарка пріубрана и выведена на показъ. О ней говорятъ и разсуждаютъ. Про нее

освѣдомляются, какъ про невѣсту. Недалеко до урочнаго часа.

И бьетъ онъ ей. Въ типографіи совершается роковой обрядъ, и бѣдняжка выходитъ оттуда рабой. Отдали ее, отважную Шехеразаду, за грознаго повелителя; блажной шахъ-публика удостоилъ ее выбора, и она должна забавлять его своею сказкою, если хочетъ остаться въ живыхъ. И шахъ уже состарился, сталъ угрюмѣе и неудобозабавляемѣй прежняго. Бывало, онъ слушалъ росказни, развѣсивъ уши; теперь у него не то въ головѣ; онъ думаетъ, какъ бы затѣять выгодную спекуляцію и удвоить свои доходы. Не легко развлечь его прибаутками. Того и гляди, что онъ зѣвнетъ, что-то проворчитъ, отвернется и заснетъ, и тогда разсказчица погибла. Бѣдовое дѣло! А вѣдь не устоишь...

Уснемъ-ка и мы покуда. Заснулось крѣпко. Много верстовыхъ столбовъ промелькнуло, дорога сдѣлалась гористой. Вдругъ послышался шумъ, крики нѣсколькихъ голосовъ, такая возня, что нельзя было не проснуться. Карета стояла опять у станціоннаго дома, и около кареты стояли двѣ-три жалкія, грязныя, неуклюжія фигуры и голосили между собой?— Что это? Перекладываютъ?

Первые не русскіе звуки.

Свѣтло было на небѣ, солнце всходило.

— Съ Богомъ! Далѣе!

Далѣе понеслась карета съ тѣмъ, кто въ ней сидѣлъ.

Надо прибавить, что это была женщина...

II.

Голый край, суровые виды. Для путника здѣсь весело лишь то, что онъ ѣдетъ мимо. У этой непривѣтливой страны лицо уже не русское. На вершинѣ стоитъ, сжавшись въ городокъ, кучка домовъ, старинныхъ, съ острыми кровлями. Мѣсто крѣпкое въ былую пору, съ именемъ не темнымъ. Глядитъ оно угрюмымъ старикомъ, пережившимъ свое время. Его ненужныя теперь ограды и башни смотрятъ съ высоты въ молчаніи спесивомъ на окрестность. И спесь позволена имъ; видѣли переворотъ великій эти смѣны; имъ есть, что помнить, есть что разсказать.

Былъ день одинъ, и имъ объ этомъ днѣ
Забыть не можно; видѣли онѣ,
Какъ станъ стоялъ здѣсь грозный противъ стана,
Какъ лютый споръ съ сосѣдомъ велъ сосѣдъ,
Какъ въ той равнинѣ пересилилъ шведъ
Россіи молодого великана.
Рѣзней кипѣла эта вся пустыня,
Стонала стономъ старая твердыня!
Сумѣла ли ты втайнѣ разгадать,

Когда его неистовымъ напоромъ
Тѣснила вся соперникова рать,
Какимъ тогда ее считалъ онъ взоромъ?
Ты, битвы той свидѣтель на холмѣ,
Ты поняла ль, пока шла распря злая,
Что онъ, врагамъ въ день наврскій уступая,
Полтавскій день готовилъ имъ въ умѣ?

III.

Дальше! ужъ не домосѣда
Жизнь веду я; безъ обѣда
Быть и нынче не бѣда.

Дальше! ѣдемъ безъ оглядки;
Наши тощія лошадки
Скачутъ прытко, хоть куда.

Видны кровли тамъ у пашни,
Горсть домишекъ, двѣ три башни,
Зданья, зодчимъ не примѣръ,

Засверкали въ блескѣ солнца;
Катимъ; ямщика чухонца
Понукаетъ мой курьеръ.

Ты знакомъ мнѣ, городишка,
Гдѣ наукамъ, безъ излишка,
Предается молодежь.

Все, чай, вздоришь ты не мало,
Сплетничаешь, какъ бывало,
Все буяномъ ты слывешь.

Пожилося мнѣ не даромъ
И въ тебѣ, притонѣ старомъ
Той остзейской нѣмчуры.

Пожилось мнѣ тутъ не въ холѣ,
Не забыть мнѣ поневолѣ
Этой горестной поры.

Было здѣсь—да мало ль было!
И не въ томъ теперь ужъ сила,
Лажу я съ своей судьбой,

Хоть и тяжко мнѣ немного...
Ну, прощай, длинна дорога,
Надо ѣхать. Богъ съ тобой!

IV.

— Застава въ полѣ: русская граница;
Шагъ,—и ужъ я не на Руси. Онъ сдѣланъ,—
И какъ-то странно сдѣланъ этотъ шагъ...
Оглянешься невольно... и теперь
Туда, въ далекій путь изъ края въ край,
Туда, куда несутся мои думы...
Тамъ все, что можетъ счастье замѣнить
И грудь опять наполнить силой жизни.
Тамъ, впереди весь бытъ широкій міра,
Всѣ горы и моря, всѣ города,
И всѣ искусства. Впереди всѣ земли,
Какія есть на свѣтѣ! Позади
Одна земля, съ названіемъ: отчизна!
Я съ ней простилась. Въ добрый часъ, впередъ!
Какъ знать? быть можетъ...

1861 г.

СТАТЬИ.

I.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Въ умѣ каждаго изъ насъ выдаются рѣзко, изъ темныхъ воспоминаній первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, нѣкоторыя отдѣльныя происшествія, какъ предметы, освѣщенные яркимъ лучемъ среди пространства, покрытаго туманомъ. Такъ, я помню ясно, какъ я, пятилѣтняя, разъ утромъ, входя въ столовую отцовскаго дома, была поражена необыкновеннымъ видомъ этой комнаты. Въ ней стояли чемоданы, вокругъ которыхъ суетилась прислуга. Мнѣ сказали, что мы тотчасъ же уѣдемъ изъ Москвы. Я спросила: зачѣмъ?—Идутъ непріятели. — Какіе непріятели?— Французы.—Этотъ день былъ 27-го августа 1812 г.—

Мать моя была сильно встревожена, и я помню, какъ отецъ старался ее успокоить и увѣрялъ, что она, по возвращеніи, все найдетъ въ цѣлости въ домѣ. Между тѣмъ, болѣе и болѣе спѣшили укладываться, кое-какъ. На дворѣ стояли ямщики и съ каждымъ часомъ возвышали цѣну за своихъ лошадей. Мимо оконъ на улицѣ тянулся къ заставѣ безконечный рядъ каретъ и повозокъ: всякій ѣхалъ изъ Москвы, какъ могъ; иные даже на дрожкахъ въ одну лошаденку.—Поѣхали и мы: мать съ трехлѣтней сестрой моей и съ горничной въ каретѣ, отецъ со мной въ коляскѣ. Ѣхали мы въ Ярославль, гдѣ мой отецъ имѣлъ много знакомыхъ и пріятелей, проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ до женитьбы своей, а потомъ еще два года съ молодой женой. Потомъ онъ съ ней и со мной, годовымъ ребенкомъ, переселился въ Москву, изъ которой, только что устроившись, приходилось теперь удалиться.

На дорогѣ, особенно когда мы останавливались на станціяхъ, мать мнѣ повторяла: „Не говори по-французски“, когда я, по обыкновенію, принималась болтать на этомъ языкѣ. Я не понимала, почему мнѣ не говорить по-французски; но оно въ самомъ дѣлѣ было опасно въ присутствіи простого народа.—Мнѣ тоже казалось страннымъ дѣломъ, что мы бѣжали отъ непріятелей, которыхъ не видать было и

въ дали, сколько разъ я ни оглядывалась назадъ, сидя въ коляскѣ.

Такъ мы доѣхали до Ростова. Помнится мнѣ, какъ, прибывъ туда, отецъ и мать долго толковали вмѣстѣ, слѣдствіемъ чего было, что отецъ отправился обратно въ Москву, оставивъ въ Ростовѣ семейство, къ которому обѣщалъ возвратиться черезъ два дня. Безпокойство матери моей въ теченіи этого времени было такъ сильно, что оно дѣйствовало даже на мой безпечный пятилѣтній умъ. Часто, просыпаясь ночью, я, не двигаясь, глядѣла, какъ она, при тускломъ мерцаніи нагорѣвшей свѣчки, ходила безъ устали взадъ и впередъ въ маленькой комнатѣ, которую мы заняли. Такъ прошли сутки, другіе и третьи. Насталъ уже четвертый день, какъ вдругъ хозяйка гостиницы бросилась къ намъ въ комнату, крича: „горимъ! домъ горитъ!“ Къ счастію, оно было не совсѣмъ такъ; выкинуло изъ трубы; и въ эту самую минуту испуга и суматохи пріѣхалъ отецъ. Изо всего, что было оставлено въ московскомъ его домѣ, онъ спасти и вывезти не могъ ничего, и съ трудомъ самъ выбрался изъ города.

Въ тотъ же день мы отправились въ Ярославль, гдѣ расположились покуда, какъ и многіе другіе москвичи, въ ожиданіи событій, не зная, не придется ли ѣхать еще далѣе, не надо ли будетъ переправиться черезъ Волгу.

Всѣ квартиры въ городѣ уже очень вздорожали, и добыть даже тѣсную было трудно. Пріятели отца моего нашли, однако, для насъ двѣ комнаты, которыя мы поспѣшили занять. Мнѣ онѣ очень понравились; въ одной изъ нихъ висѣли на стѣнахъ картинки, вѣроятно, чрезвычайно дурныя, которыя меня поразили, какъ великолѣпное украшеніе. Странно, что, помня много неважныхъ обстоятельствъ моего тогдашняго пребыванія въ родинѣ моей и много незначительныхъ предметовъ, я вовсе не помню предмета самаго прекраснаго и величественнаго — Волги. Остальную часть дома, гдѣ мы помѣстились, занимала также пріѣхавшая изъ Москвы старая графиня Строгонова, бабушка жены графа Сергѣя Григорьевича Строгонова. Общее бѣдствіе сближало людей: сосѣдъ заботился о сосѣдѣ; московскіе бѣглецы въ особенности встрѣчали другъ друга какъ сродники. Узнавъ о нашемъ прибытіи въ домъ, графиня тотчасъ познакомилась и вскорѣ вступила въ дружескія отношенія съ моими родителями.

Эту современницу Екатерины II я помню тѣмъ яснѣе, что видала ее часто еще и въ теченіи всего слѣдующаго года. Когда я въ первый разъ вошла къ ней съ матерью, я очень удивилась. На большой шелковой постели сидѣла, поддержанная подушками, маленькая, скорченная, нарядная старушка; изъ кру-

жевного чепца ея, украшеннаго лентами яркаго цвѣта, выдавалось изсохлое до крайности, чрезвычайно живое лицо. Графиня была уже много лѣтъ въ параличѣ и почти вовсе не могла двигаться; но умъ ея сохранилъ всѣ свои способности. Она говорила много и съ живостью, любила упоминать о своемъ пребываніи въ Парижѣ, прежде революціи, и съ особеннымъ удовольствіемъ разсказывала, какъ она посѣтила Вольтера въ Ферне, и какъ онъ, уже больной, возвратившись, во время ея пріѣзда къ нему, съ небольшой прогулки, послѣ долгаго заключенія въ дому, встрѣтилъ ее словами:—„Ah! Madame quel beau jour pour moi: j'ai vu le soleil et vous" *).

Само собою разумѣется, что мои воспоминанія этого грознаго и славнаго двѣнадцатаго года дополнены многимъ разсказаннымъ мнѣ гораздо позднѣе, и что я видѣла и понимала только самую малую часть того, что тогда творилось и говорилось вокругъ меня; но я внимательно слушала, постигая, что рѣчь шла о какихъ-то диковенныхъ событіяхъ. Я старалась присутствовать, сколько могла, при разговорахъ большихъ, и мнѣ было очень досадно, что меня клали спать, когда отецъ и мать уходили къ графинѣ провести у ней остальной вечеръ. Имя

*) Ахъ, милостивая государыня! Какой прекрасный для меня день: я видѣлъ солнце и васъ.

Наполеона, которое я безпрестанно слышала, означало для меня человѣка, совершающаго дѣло въ высшей степени несправедливое, и я просила, чтобы меня пустили къ нему, въ твердомъ убѣжденіи, что сумѣла бы усовѣстить его и уговорить отправиться назадъ, во-свояси.

У графини Строгоновой собиралось обыкновенно много пріѣзжихъ изъ Москвы; всякій разсказывалъ, что узналъ новаго; толковали о полученныхъ извѣстіяхъ и о разныхъ слухахъ. Это общество было, разумѣется, составлено изъ людей comme il faut, и большею частью аристократовъ. Странное должно оно было производить впечатлѣніе, когда съ французскимъ своимъ образованіемъ, съ французскими пріемами, на французскомъ языкѣ бранило французовъ.

Всѣ эти жители Москвы уѣхали изъ нея, опасаясь неминуемаго безпорядка, но ничего другого не предвидѣли. Одинъ наивный нѣмецкій ученый разсказывалъ впослѣдствіи, что передъ отъѣздомъ онъ библіотеку свою тщательно уложилъ въ ящики и на каждомъ написалъ четкими буквами: „Эти книги принадлежатъ профессору Гофману", бывъ твердо увѣренъ, что, видя эту надпись, всякій, съ должнымъ уваженіемъ къ наукѣ, оставитъ ихъ въ цѣлости.— Осторожныя барыни, заперевъ накрѣпко свой московскій домъ и взявъ съ собою ключи, были совер-

шенно спокойны на счетъ своего тамъ оставленнаго имущества. Одинъ господинъ принялъ ту же мѣру для сохраненія прекрасныхъ оранжерей въ своей подмосковной: онъ заперъ ихъ собственноручно и ключи увезъ съ собою. Вѣсть о пожарѣ Москвы грянула, какъ громовой ударъ. Хорошо было Пушкину, лѣтъ двѣнадцать позднѣе, воскликнуть съ энтузіазмомъ поэта: „Пылай, великая Москва!“ но когда она пылала, то, сколько я знаю, общее чувство было вовсе не восторженное. Всѣми овладѣло какое-то странное изумленіе. Все, что сбывалось, носило характеръ неправдободной сказки; дѣйствительный міръ становился фантастическимъ, границы возможности исчезали.

Отъ одного стараго очевидца тогдашнихъ происшествій я, будучи уже замужемъ, слышала разсказъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ эпизода, который совершился на Тверской площади, нѣсколько часовъ до вступленія французовъ въ Драгомиловскую заставу. Этотъ фактъ, можетъ быть, не всѣмъ извѣстный, былъ мнѣ разсказанъ слѣдующимъ образомъ.

Когда народъ московскій, успокоенный прокламаціями графа Ростопчина, которыя постоянно твердили о безсиліи и скоромъ уничтоженіи арміи Наполеона, вдругъ узналъ, что эта армія стоитъ на Поклонной Горѣ, готовая вступить безпрепятственно въ Москву, вопль отчаянія пронесся по городу. Оз-

лобленная чернь бросилась къ генералъ-губернаторскому дому, крича, что ее обманули, что Москву предаютъ непріятелю. Толпа возрастала, разъярялась все болѣе и стала звать къ отвѣту генералъ-губернатора. Поднялся громкій крикъ;—„Пусть выйдетъ къ намъ! Не то доберемся до него!“ Въ этомъ затруднительномъ положеніи графъ Ростопчинъ не потерялъ присутствія духа. Приказавъ скорѣе заложить дрожки, онъ вышелъ къ народу, который встрѣтилъ его сердитыми восклицаніями: „Намъ солгали! Говорили, бояться нечего, французы разбиты; а французы вступаютъ въ Москву!“—„Да, вступаютъ, отвѣчалъ громкимъ голосомъ графъ, вступаютъ, потому что между нами есть измѣнники!“—„Гдѣ они? Кто измѣнникъ!“ закричала неистовая толпа.—„Вотъ измѣнникъ!“ сказалъ графъ, указывая на стоящаго вблизи молодого Верещагина.—Этотъ послѣдній, пораженный безсовѣстнымъ обвиненіемъ, поблѣднѣлъ и проговорилъ: „Грѣхъ вамъ, ваше сіятельство!“—Въ ту же минуту вся чернь, въ остервененіи, кинулась на него, и, между тѣмъ, какъ она терзала и убивала несчастнаго, графъ Ростопчинъ вошелъ опять въ домъ, изъ котораго поспѣшно выбрался на задній дворъ, сѣлъ на готовыя дрожки и переулками выѣхалъ изъ Москвы.—Говорятъ, что въ отдаленныхъ губерніяхъ умы были гораздо меньше взволнованы, и что образъ жизни тамошняго общества ни

въ чемъ не перемѣнился во время этой войны. Въ Ярославлѣ нельзя было не тревожиться тѣмъ, что совершалось въ Москвѣ. Извѣстія приходили неточныя, измѣняющіяся ежедневно, противорѣчащія одни другимъ. Чтобъ не лишиться бодрости при этомъ томительномъ невѣдѣніи, надо было имѣть много силы духа, и, какъ всегда бываетъ въ подобномъ случаѣ, она нашлась почти у всѣхъ: почти всѣ оказались гораздо мужественнѣе и лучше, чѣмъ сами полагали себя. Тѣ, которые впадали въ уныніе и горевали о потерѣ имущества, были рѣдкими исключеніями. Всякій личный интересъ дѣлался второстепеннымъ и мелкимъ въ это время. Я помню, какъ отцу моему иные знакомые приносили вѣсть, что московскій домъ его уцѣлѣлъ, какъ другіе говорили противное (что потомъ оказалось правдою) и какъ спокойно онъ слушалъ и то и это увѣдомленіе. Онъ уже зналъ, что его Смоленское имѣніе было раззорено вполнѣ, и для существованія съ семействомъ у него оставалось тогда всего на все сто рублей. Но пришлось вынести еще другое.

Отецъ мой въ молодости былъ студентомъ медицинскаго факультета въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ получилъ, окончивъ курсъ, докторскій дипломъ съ правомъ врачевать своихъ ближнихъ, но никогда этого не дѣлалъ, не желая, какъ онъ говорилъ, быть виновнымъ въ смерти человѣка. Но когда, въ двѣнад-

цатомъ году, въ ярославскихъ лазаретахъ стала свирѣпствовать повальная горячка, и не было врачей, онъ предложилъ услуги свои, какъ медикъ. Сходивъ раза два въ госпиталь, онъ самъ заболѣлъ этой бѣдственной заразой. Тогда мать моя, прекращая сообщенie со всѣми жильцами дома, какъ и со всѣми знакомыми и помѣстивъ меня съ сестрой и горничной въ одну изъ двухъ комнатъ нашихъ, заперлась въ другую съ больнымъ мужемъ и осталась въ ней безвыходно въ теченiи шести недѣль, не отходя ни днемъ, ни ночью отъ постели, на которой онъ боролся со смертiю. Войти къ нему никто изъ постороннихъ не рисковалъ, кромѣ одного съ нимъ знакомаго стараго аптекаря: ему больной, въ минуты, когда чувствовалъ себя въ памяти, заказывалъ лекарства, которыя полагалъ нужными для себя, спрашивая при томъ каждый разъ: „Не въ бреду ли я говорю?— Что онъ выздоровѣлъ и что мать моя не заболѣла въ свою очередь, всѣ потомъ называли чудомъ.

Понятно, что это происшествiе, и все, что касалось его, врѣзалось мнѣ въ память, и потому что я отчасти разумѣла, въ какой опасности находился отецъ, и также потому, что во время его болѣзни я съ сестрой вела жизнь вовсе непривычную. Всѣ знакомые родителей моихъ оказывали имъ столько дружескаго участiя, сколько можно было оказать, не подвергая

себя заразѣ. О насъ, дѣтяхъ, всѣ заботились, приходили за нами поперемѣнно, и мы проводили цѣлые дни то въ томъ семействѣ, то въ другомъ. Одна графиня Строгонова не пускала насъ къ себѣ, боясь эпидеміи также черезмѣрно, какъ боялась всего, что могло болѣе или менѣе быть опаснымъ или вреднымъ для нея, всего даже, что могло хотя маломальски нарушить комфортъ ея жизни. Избѣгать всякой непріятной мысли и всякаго тревожнаго чувства казалось ей также естественно, какъ питаться и дышать. Во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, мнѣніяхъ и словахъ проявлялся этотъ наивный эгоизмъ. Когда ее увѣдомили, что умеръ молодой графъ Строгоновъ, единственный сынъ ея сына, восклицаніе ея было характерическое: „Ah, le pauvre enfant! Comme je suis contente de ne pas l'avoir connu!“ *)

Къ немногимъ живымъ моимъ ярославскимъ воспоминаніямъ принадлежитъ ежедневное появленіе у насъ семейства, которое всегда и вездѣ показывалось вмѣстѣ. Глава его, monsieur Le Texier, французъ, во время революціи переселившійся изъ Франціи въ Англію, изъ Англіи въ Германію и оттуда, наконецъ, какъ-то попавшій въ Россію, былъ одаренъ свойствомъ противоположнымъ застѣнчивости и способностью пе-

*) „Ахъ, бѣдное дитя! Какъ я довольна, что его не знала“.

решагнуть черезъ то, что остановило бы другого. Въ его разговорѣ игралъ важную роль monseigneur le margrave d'Anspach, о которомъ онъ никогда не упоминалъ безъ дополнительной фразы: „à la maison duquel j'ai eu l'honneur d'appartenir“ *). Время, когда онъ исполнялъ какую-то должность у этого маркграфа, онъ, очевидно, почиталъ самой блестящей эпохой своей жизни. Жена его, англичанка, преимущественно гордилась тѣмъ, что дочь ея была крестницей Нельсона. Эта дочь, надѣленная такимъ правомъ на знаменитость, ставила себѣ въ обязанность отличаться самой изящной граціозностью и, стараясь исполнять эту задачу, удивляла меня все снова своими ужимками и неестественнымъ голосомъ, которымъ она говорила. Она также была для меня достопримѣчательна тѣмъ, что носила постоянно, съ утра до ночи, маленькую пастушью шляпку, на которую я всегда глядѣла съ любопытствомъ, желая узнать, какимъ образомъ она была придѣлана къ головѣ. Каждый вечеръ, когда мы садились за чайный столъ, коверъ, который у двери замѣнялъ портьеру, приподнимался, и съ веселымъ восклицаніемъ: „Nous voilà“ **) входилъ m-r Le Texier вслѣдъ за нимъ являлась жена, и вслѣдъ за ней крестница Нельсона въ своей шляпкѣ. Они поспѣшно усаживались и прини-

*) Къ дому котораго я имѣлъ честь принадлежать.

**) Вотъ мы!

мались пить чай. Потомъ происходило всегда одно и тоже. M-r Le Texier бралъ бѣлый хлѣбъ, оставшійся на столѣ и говорилъ, разсматривая его со всѣхъ сторонъ: „Quel bon pain! quel admirable pain! quel excellent pain! Ma foi, ce pain est si bon, que j'ai envie de le mettre dans ma poche!“ *) При послѣднемъ словѣ хлѣбъ погружался въ его карманъ. Эта манипуляція была всякій разъ сопровождаема веселымъ смѣхомъ жены его и дочери, какъ очень забавная шутка. Это семейство вовсе не находилось въ жалкой необходимости промышлять себѣ такимъ образомъ насущный хлѣбъ; но оно думало совершенно справедливо, что глупо платить деньги за вещь, когда есть средство пріобрѣсть ее даромъ.

Время шло; самая бѣдственная пора миновала; настали дни менѣе тягостные. Москва сдѣлалась пепелищемъ, но въ ней уже не было Наполеона. Дышалось легче; начинали полагать возможнымъ сокрушеніе этой силы, до тѣхъ поръ непреодолимой. Сообщали другъ другу вѣсти ободрительныя; съ каждымъ новымъ днемъ узнавали о новыхъ успѣхахъ. Мнѣ помнится, какъ прояснивалось болѣе и болѣе каждое лицо около меня, какъ разговоры станови-

*) Какой хорошій хлѣбъ! какой удивительный хлѣбъ! какой превосходный хлѣбъ! Ей, ей хлѣбъ этотъ такъ хорошъ, что мнѣ хочется положить его къ себѣ въ карманъ!

лись все живѣе.—Помнятся мнѣ также странные люди, ходящіе по улицамъ, жалкія ободранныя фигуры, о которыхъ мнѣ говорили, что это французскіе плѣнники. Одинъ изъ нихъ особенно поразилъ меня. Вся его одежда состояла изъ стараго одѣяла; онъ носилъ его необыкновеннымъ образомъ, прорѣзавъ въ серединѣ дыру, въ которую была просунута голова его.

Упоминая объ этихъ плѣнныхъ, передамъ кстати два факта, сообщенные мнѣ, гораздо позже. Ставлю ихъ рядомъ именно по совершенному ихъ контрасту. Одинъ старый мужикъ, разговорившись разъ со мной о двѣнадцатомъ годѣ, разсказалъ мнѣ, между прочимъ, и слѣдующее: „Вотъ, матушка, какъ наступилъ морозъ, и французамъ стало не въ моготу отъ холода и голода, всѣ они и разбрелись, какъ стадо кто туда, кто сюда, какъ попало. Куда удаль дѣвалась! Только бы уйти отъ нашихъ. Тащатся по дорогамъ, истощалые, а другіе почитай ужъ и ногъ не волочатъ. Вотъ, бывало и наткнемся мы, парни, на одного, возьмемъ и приведемъ въ деревню; такъ бабы-то его и купятъ у насъ за пятакъ: сами хотятъ убить. Ну бабье ли это дѣло?—Одна пырнетъ ножемъ, другая колотитъ кочергой, опять другая тычетъ веретеномъ; мучаютъ, мучаютъ, инда жалко станетъ глядя; подойдешь да хватишь его порядкомъ топоромъ по головѣ. А онѣ-то ну ругаться,

зачѣмъ молъ не далъ имъ самимъ убить до смерти".

Вслѣдъ за этимъ, по несчастью, достовѣрнымъ разсказомъ долженъ найти мѣсто другой, который также относится къ тогдашнимъ взятымъ въ плѣнъ непріятелямъ и также достовѣренъ. Онъ былъ сообщенъ очевидцами Т. Н. Грановскому и имъ переданъ мнѣ.

Въ Орелъ, гдѣ жило семейство Грановскаго, привезено было много плѣнныхъ французовъ, большею частью раненыхъ, и въ самомъ жалкомъ состояніи. Одна бѣдная орловская мѣщанка, повивальная бабка, увидя этихъ несчастныхъ, испросила позволеніе взять нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ въ домъ, и, выбравъ пять человѣкъ изъ тѣхъ, которые всего болѣе нуждались въ помощи, принялась ходить за ними и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ. Истративъ на нихъ все, что имѣла, до послѣдняго рубля, она, не рѣшаясь и тогда покинуть ихъ, стала обходить городъ нищею и полученными подаяніями продолжала содержать призрѣнныхъ ею бѣдняковъ. Когда же ихъ, съ другими плѣнниками, отправили дальше, эта простодушная женщина разбила всю посуду, изъ которой они у нея ѣли и пили, потому что этихъ людей, о которыхъ такъ заботилась и которымъ помогала съ такимъ самоотверженіемъ, она полагала погаными. Не знаю, можно ли найти примѣръ чувства болѣе истинно-христіанскаго?

Наконецъ, убѣжденіе, что опасность миновала, стало общимъ, и всѣ нашедшіе пріютъ въ Ярославлѣ стали говорить о возвращеніи въ Москву. Вездѣ слышался вопросъ: Когда вы ѣдете?—Мы также стали собираться въ обратный путь. Московскій нашъ домъ былъ истребленъ пожаромъ до тла; надо было пріискать какое-нибудь жилье,—дѣло въ то время довольно затруднительное. Забота отца моего на этотъ счетъ была прекращена предложеніемъ, сдѣланнымъ ему графиней Строгоновой помѣститься, на первый срокъ, во флигелѣ большого ея дома на Тверскомъ бульварѣ. Весною мы отправились изъ Ярославля. Эта возвратная поѣздка не оставила во мнѣ никакихъ воспоминаній, кромѣ одного, въѣзда нашего въ Москву. Я была менѣе поражена видомъ ея разрушенія, чѣмъ грустью, изображающейся на лицѣ отца и матери, пока мы ѣхали по улицамъ. Помню, какъ нянька, возлѣ которой я сидѣла въ каретѣ, испуганнымъ взоромъ глядѣла изъ оконъ на право и на лѣво, и при каждомъ обгорѣломъ домѣ, при каждомъ пепелищѣ и пустырѣ, крестилась и повторяла съ ужасомъ: Господи! Господи!

Въ новомъ нашемъ жилищѣ, Тверской бульваръ, лежащій передъ окнами занятыхъ нами комнатъ, сдѣлался для меня предметомъ самымъ интереснымъ и привлекательнымъ. Онъ каждый вечеръ былъ на-

полненъ гуляющими. Послѣ перенесеннаго народнаго бѣдствія, послѣ тяжкихъ заботъ и тревогъ, чувствовали потребность всякаго рода развлеченій. Сходились охотно; было о чемъ потолковать. Извѣстія о новыхъ успѣхахъ нашихъ войскъ одушевляли московское общество, и оно прохаживалось веселой толпой по Тверскому бульвару среди полуразрушенной столицы. Дамы рядились на перерывъ по тогдашней модѣ, которую мы позднѣе всѣ называли въ высшей степени уродливой. Между прочимъ, появились тогда и быстро размножились какія-то необыкновенныя дамскія шляпки, вѣроятно, гораздо менѣе нелѣпыя тѣхъ, которыя носятъ наши теперешнія щеголихи. Въ одинъ прекрасный вечеръ, извѣстный шутъ Иванъ Савельичъ явился въ такой шляпкѣ на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ ихъ было болѣе чѣмъ когда-либо, и важно прошелся по немъ нѣсколько разъ, кивая головой своимъ знакомымъ, то-есть всему тамъ собравшемуся обществу. На другой день ни на одной женской головѣ въ Москвѣ не видать было подобной шляпки, и онѣ исчезли навсегда.

Иванъ Савельичъ, этотъ послѣдній московскій шутъ, былъ вхожъ во всѣ аристократическіе дома. Онъ часто навѣщалъ графиню Строгонову, которую онъ называлъ Катькой, и она всегда принимала его какъ желаннаго гостя. Я не могла постиг-

нуть, почему съ нимъ обращались такъ ласково и находили такъ забавнымъ то, что онъ говорилъ. Мнѣ онъ казался несноснымъ, и я глядѣла на него съ непреодолимымъ отвращенiемъ, неясно и безотчетно понимая жалкое ремесло этихъ шутовъ, которыхъ деспотическiе вельможи прежнихъ временъ, въ надменномъ издѣванiи надъ идеею народныхъ правъ, дѣлали каррикатурой независимаго человѣка и забавлялись такой безнравственной пародiей равенства, имъ ненавистнаго.

Графиня Строгонова, возвратившись изъ Ярославля въ одно время съ нами, уѣхала на лѣто, по своему обыкновенiю, въ свое прекрасное Братцово, взявъ съ матери моей непремѣнное обѣщанiе провести тамъ у ней хоть нѣсколько недѣль. Звать мать мою значило звать и дѣтей ея, съ которыми она никогда не разставалась. Узнавъ объ этомъ приглашенiи, я ежедневно спрашивала, скоро ли мы поѣдемъ. Мое любопытство было сильно возбуждено: при мнѣ часто говорили о прелестяхъ Братцова; но въ чемъ именно состояли эти прелести, я не могла ясно вообразить. Не бывавъ еще никогда въ деревнѣ, я не имѣла понятiя о наслажденiяхъ загородной жизни и не была вполнѣ убѣждена, что мнѣ тамъ будетъ такъ весело, какъ увѣряли. Но когда я очутилась въ обширномъ паркѣ, окруженномъ рощами и полями, гдѣ можно было бѣгать по волѣ, какъ далеко

хотѣлось—мною овладѣлъ несказанный восторгъ, и съ этого дня сельская жизнь сдѣлалась предметомъ моей страстной любви. Я съ тѣхъ поръ не посѣщала Братцова и не сохранила ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, какъ былъ расположенъ пространный англійскій садъ вокругъ дома и чѣмъ онъ былъ такъ хорошъ; помню только упоительное чувство безграничнаго наслажденія, съ которымъ я въ немъ гуляла. Среди этого раздолья съ какимъ презрѣніемъ я думала о Тверскомъ бульварѣ! Графиня Строгонова не понимала возможности вести жизнь хоть отчасти уединенную. Насущный хлѣбъ былъ для нея не столько нуженъ, сколько насущное общество. Въ Братцовѣ всегда гостили нѣсколько ея знакомыхъ. Изъ тѣхъ, которые тамъ были въ одно время съ нами, помню одну старую княжну Хованскую, которую я называла la grosse princesse и находила вовсе непривлекательной. Пріѣзжали и многіе гости къ обѣду или на вечеръ. Съ особенной предупредительностью со стороны графини и съ особымъ почетомъ со стороны ея домашнихъ былъ всегда принятъ Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, важный видъ котораго меня поражалъ. Услыша, что онъ когда-то славился своей красотой, я получила очень дурное мнѣніе о вкусѣ людей того времени. Эта изсохшая фигура казалась мнѣ вовсе некрасивой.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Братцово, я была крайне изумлена тѣмъ, что произошло въ одну ночь. Меня съ матерью, возлѣ которой я спала, разбудилъ стукъ въ дверь. На вопросъ матери, кто стучится? послышался голосъ Александры Евграфовны, la demoiselle de compagnie графини: „Извините, что я васъ безпокою. Графиня проситъ васъ пожаловать къ ней какъ можно скорѣе!“—„Что же случилось?“ спросила испуганная мать моя.—„Начинается гроза; графиня очень опасается! Сдѣлайте милость, пожалуйте скорѣй!“—Мать моя, отправивъ Александру Евграфовну съ отвѣтомъ, что тотчасъ сойдетъ и не понимая, какимъ образомъ она могла быть для графини защитой отъ грозы, начала поспѣшно одѣваться. Maman, возьми меня съ собой! закричала я, соскочивъ съ постели. Мать согласилась. Это было обыкновенное послѣдствіе просьбъ моихъ. — Въ спальнѣ графини мы нашли всѣхъ дамъ, пребывающихъ тогда въ Братцовѣ. Въ канделябрахъ горѣли всѣ свѣчи, ставни оконъ были крѣпко затворены. Среди комнаты, обитой штофомъ, устланой шелковымъ ковромъ, стояла, на стеклянныхъ ножкахъ, кровать, тяжелая шелковая занавѣсь которой была продѣта у потолка въ толстое стеклянное кольцо. На этой, такимъ образомъ по возможности изолированной, кровати лежала графиня, на шелковомъ одѣялѣ, въ шелковомъ платьѣ, съ шелковой повяз-

кой на глазахъ, вскрикивала при каждомъ громовомъ ударѣ и въ промежуткахъ повторяла умоляющимъ голосомъ: „Говорите! говорите что вамъ угодно; только ради Бога говорите!“ Это была для меня сцена вовсе неожиданная и странная до невѣроятности. Пріученная отцомъ не бояться грозы и смотрѣть на нее, какъ на великолѣпное зрѣлище, я сидѣла возлѣ матери въ невыразимомъ удивленіи и въ самодовольномъ тайномъ сознаніи моей безбоязненности. Я глядѣла то на графиню, полубезумную отъ ужаса, то на окружающихъ ее. Княжна Хованская, прижавшись въ уголъ, была также въ незавидномъ состояніи духа. Ей тоже хотѣлось кричать при раскатахъ грома; но, изъ почтенія къ графинѣ, она позволяла себѣ только слабый визгъ. При каждой грозѣ вся эта исторія повторялась. Возможность какой-нибудь опасности ужасала графиню до степени неимовѣрной. Она сама называла себя величайшей трусихой въ мірѣ и казалась очень довольна этимъ превосходствомъ.

Возвратясь изъ Братцова, мы осенью переѣхали въ домъ, нанятый отцомъ моимъ. Мнѣ помнится, что я находила совершенно справедливымъ мнѣніе о непріятности частой перемѣны жительства. Мнѣ надо было уложить и потомъ снова привести въ порядокъ всю мою собственность, помѣщенную въ ящикѣ стола.

Эта зима совершенно изгладилась изъ памяти моей, за то во мнѣ осталось самое живое воспоминаніе слѣдующаго лѣта. Съ безграничной радостью я узнала, что проведу его не въ городѣ; что есть вблизи отъ Москвы Петровское-Разумовское, прекрасное мѣсто, гдѣ мы поселимся на лѣтнее время. И не даромъ я радовалась. Я не помню дней, болѣе исполненныхъ дѣтскимъ счастьемъ, какъ тѣ, которые въ Петровскомъ-Разумовскомъ прожила восьмилѣтнимъ ребенкомъ. Въ этомъ возрастѣ мы, можетъ быть, всего способнѣе наслаждаться жизнью; для насъ существуютъ уже не одни матеріальныя удобства: въ насъ пробудилась способность, которою въ мірѣ одаренъ лишь человѣкъ, понятіе прекраснаго. Мы уже любуемся великолѣпіемъ природы и ея чудесными видоизмѣненіями; мы постигаемъ ея поэзію, мы уже чувствуемъ себя существомъ разумнымъ, и между тѣмъ, живемъ еще вполнѣ въ настоящемъ и, сохраняемъ высшую благодать дѣтства, ясную его беззаботность.

Въ Петровскомъ я блаженствовала еще гораздо болѣе, чѣмъ въ Братцовѣ. Не было тутъ никакой графини, которую надлежало не безпокоить; не было салона, въ которомъ слѣдовало сидѣть смирно. Паркъ былъ еще обширнѣе и лучше Братцовскаго; я вступала въ него, какъ въ какое-то волшебное царство, шла съ восхищеніемъ по величавымъ аллеямъ вѣ-

ковыхъ липъ, гдѣ было такъ таинственно - темно, и не допускала возможности, чтобы въ мірѣ было счастье болѣе совершенное того, которое я вкушала.—Можетъ быть, я и не ошибалась.

Въ этомъ паркѣ были для меня и наслажденія другого рода. Нерѣдко показывался вдали и приближался быстрымъ шагомъ человѣкъ не высокаго роста, съ добродушнымъ смуглымъ лицомъ. Это былъ мой пріятель, главный садовникъ Рашъ. Его появленіе всегда радовало меня: я предвидѣла послѣдствія нашей встрѣчи. Увидя меня, онъ подходилъ, кивалъ мнѣ головой, опускалъ руку въ карманъ, вынималъ изъ него связку ключей и, позвенивая ими, направлялъ шаги свои, безъ другихъ объясненій, къ части парка мнѣ знакомой, куда я очень охотно слѣдовала за нимъ. Мы доходили до длинной шармильи, за которой находилась зеленая рѣшетка съ узкой дверью. Рашъ отпиралъ ее, впускалъ меня, и я стояла передъ безчисленными грядами клубники. Рашъ отыскивалъ тамъ какой-нибудь кузовъ и, давъ мнѣ его въ руки, удалялся со словами: „Черезъ полчаса я вернусь; чтобъ онъ тогда былъ полонъ“. Такимъ онъ всякій разъ находилъ его, возвратившись, и тогда говорилъ: „Ну, теперь несите его домой, опорожните и пришлите назадъ“. Я также и это всегда исполняла въ точности. Набирать клубнику было, разумѣется, гораздо веселѣе, чѣмъ потомъ ѣсть ее.

Въ слѣдующемъ году я опять была счастливой обитательницей Петровскаго; тамъ я нашла всѣ тѣ же причины блаженствовать въ полной мѣрѣ. Мой паркъ (онъ рѣшительно казался мнѣ моимъ) былъ едва ли не еще прекраснѣе, чѣмъ годъ тому назадъ; мой пріятель Рашъ былъ еще любезнѣе и внимательнѣе ко мнѣ и придумывалъ разныя чудеса, которыя внезапно совершались вокругъ меня. Я почти каждый день находила въ нашихъ комнатахъ то огромный букетъ, то корзину, наполненную отличными фруктами, очутившіеся тутъ на столѣ неизвѣстнымъ образомъ. Помню, какъ разъ я вскрикнула въ восторгѣ, входя утромъ въ садикъ принадлежащій къ нашей квартирѣ: онъ имѣлъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ наканунѣ вечеромъ, и былъ усаженъ прекрасными цвѣтами. Помню другое утро, въ которое я, просыпаясь, увидѣла около кровати моей высокіе розаны, наклоняющіе надо мной цвѣтущія вѣтки свои. Всѣ эти нежданныя радости казались мнѣ совершенно въ порядкѣ вещей. Почему же мнѣ было и не встрѣчать съ каждымъ новымъ днемъ какое-нибудь новое нечаянное счастье? Съ наступающей осенью прекратилось для меня надолго раздольное сельское житье. Потомъ мы, въ теченіи многихъ лѣтъ, не имѣли загороднаго жилища, и мнѣ только иногда случалось побывать въ деревнѣ на короткій срокъ.

Я возвратилась изъ Петровскаго, не зная, что покидала его навсегда. — Лѣтъ десять позднѣе я съ знакомыми поѣхала туда погулять. Петровскимъ, царскимъ подаркомъ графу Разумовскому, владѣлъ аптекарь Шульцъ. Паркъ уже былъ обезображенъ, аллеи уничтожены, столѣтнія липы истреблены. Въ дарственной записи, пожалованной графу, было сказано, что рубить деревья, украшающія дачу запрещается навсегда ея владѣльцамъ, и что Петровское можетъ перейти въ другія руки лишь съ этимъ непремѣннымъ условіемъ. Оно и не было нарушено; не срубили ни одного дерева въ помѣстьи: ихъ преспокойно пилили.

1816-тый годъ сдѣлался для насъ грустно-памятенъ: въ началѣ весны умерла сестра моя. Она была чрезвычайно красивое дитя; милое, кроткое ея лицо, вокругъ котораго вились бѣлокурые, чудесные кудри, поражало, во время нашихъ прогулокъ, всѣхъ проходящихъ, и многіе останавливались передъ ней, любуясь ею. До смерти ея я никогда не видала глубокой скорби; тутъ я познакомилась съ нею, глядя на отца и на мать. Ихъ горе я, разумѣется, постигнуть не могла; то, которое я чувствовала, было неупорное горе девятилѣтняго ребенка; но эту-то разницу между ихъ чувствомъ и моимъ я поняла и догадалась, что въ нихъ многое

было для меня недоступно. Эта мысль залегла мнѣ странно въ душу.

Продолжать жить въ домѣ, гдѣ умерла дочь, было тяжко для родителей. Они желали переѣхать на другую квартиру. Нашлась очень удобная, нечаянным образомъ. Отецъ мой оставался вѣренъ своему намѣренію не брать на совѣсть врачеванія больныхъ и никого не посѣщать въ качествѣ медика. Отъ этого правила онъ, однако, возвратясь въ Москву, нехотя согласился отступить, въ отношеніи къ одной старинной знакомкѣ, которая, имѣя почему-то высокое мнѣніе о его медицинскомъ знаніи, упросила его быть ея врачемъ. На его увѣреніе, что, при ея здоровьѣ, врачъ ей вовсе не нуженъ, она отвѣчала, что если и нѣтъ потребности лѣчиться, доктора имѣть надо же, и что она хочетъ отца моего, а не другого. Вслѣдствіе этого онъ принялъ на себя обязанность раза два въ недѣлю проводить у ней полчаса въ разговорѣ о погодѣ и о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ. О какомъ - нибудь врачеваніи и помину не было. На свое здоровье она никогда не жаловалась. Узнавъ, что отецъ мой хотѣлъ искать квартиру, она предложила ему верхній этажъ своего дома, говоря, что ей будетъ пріятно извлечь пользу изъ этого ненужнаго ей этажа, и притомъ быть такъ вблизи отъ своего доктора. Про-

тивъ предложеннаго жилья возразить было нечего, и вскорѣ мы въ него переселились.

Мой умъ былъ тогда уже болѣе способенъ сохранять впечатлѣнія, имъ получаемыя. Мнѣ помнится ясно все окружающее меня въ то время: большой этотъ домъ, два параллельные сада передъ нимъ, раздѣленные дорогой, которая вела къ подъѣзду; за домомъ огромный дворъ. Видъ его, въ морозную ночь, когда онъ, при лунномъ сіяніи, лежалъ свѣтлый и пустой, былъ для меня неизъяснимо - привлекателенъ. Я по цѣлымъ часамъ глядѣла на него изъ окна залы, и когда меня спрашивали, на что я гляжу, отвѣчала: „Такъ, ни на что!" Да что же тамъ и было?

„Бѣлая равнина,
Полная луна!"

Болѣе и яснѣе всего помнится мнѣ хозяйка дома, Наталья Андреевна Карпова.

Она, также какъ графиня Строгонова, была женщина 18-го столѣтія; но графиня походила болѣе на версальскую графиню двора Маріи Антуанеты, нежели на русскую; Наталья Андреевна, напротивъ, не выѣхавшая ни разу изъ Россіи, осталась вполнѣ и безъ всякой примѣси заграничнаго элемента русскою барынею прошлаго вѣка. Видную, рослую эту фигуру я и теперь могла бы нарисовать. Она всегда

была одѣта въ шелковое платье каштановаго цвѣта и старинчаго покроя; на голову надѣвала разныя мудреныя куафюры екатерининскихъ временъ; румянилась, какъ въ царствованіе великой императрицы было принято румяниться, накладывая румяны на щеки яркими, неестественными пятнами, и прилѣпляла одну мушку вблизи лѣваго глаза, не рѣшаясь покинуть вполнѣ прежнее украшеніе своего лица. Въ домѣ своемъ она имѣла все, что слѣдовало и что, по ея мнѣнію, имѣть въ домѣ было необходимо: свою церковь, своихъ пѣвчихъ, своихъ швей, своего портного, своего башмачника, своего обойщика, своего столяра. Все прочее домашнее устройство было также какъ слѣдовало. Челядь безчисленная, толпа горничныхъ подъ начальствомъ барской барыни, особая комната для болонокъ и для приставленныхъ къ нимъ дѣвушекъ; у каждой двери господскихъ покоевъ огромный малый.

Понятія Натальи Андреевны были большей частью для меня совершенно новы. Встать съ креселъ и сдѣлать нѣсколько шаговъ для того, чтобы взять потребную ей вещь, она почитала дѣйствіемъ неприличнымъ и обращалась къ малому у дверей съ приказаніями, какъ то, которое разъ было отдано при мнѣ: „Человѣкъ! скажи рябой Аннѣ, чтобы она прислала русую Анну подать мнѣ вѣеръ". Вѣеръ лежалъ на столѣ въ той же комнатѣ.—Не знаю,

старалась ли она когда-нибудь объяснить себѣ, какимъ образомъ можно существовать, не имѣя, по крайней мѣрѣ, полдюжины слугъ. Я слышала, какъ, разговаривая съ матерью моей о двѣнадцатомъ годѣ, она ей свою тогдашнюю напасть разсказала слѣдующими словами: „Вообразите, что со мной было! Я наскоро уѣхала изъ Москвы въ свое помѣстье и принуждена была тамъ остаться, а въ домѣ не было у меня людей, кромѣ тѣхъ, которыхъ я привезла съ собой: два человѣка и три горничныя. Представьте себѣ мое положеніе!“

Меня Наталья Андреевна очень полюбила и почти каждый день посылала за мной. Она мало выѣзжала и мало имѣла знакомыхъ, а родни никого, кромѣ одного племянника, который жилъ въ Петербургѣ и навѣщалъ ее изрѣдка. Я для нея была развлеченіемъ. Дѣти легко мирятся со всѣмъ что для нихъ непривычно и ничему долго не удивляются; я вскорѣ, своей ребяческой логикой, заключила, что у Натальи Андреевны должно быть такъ, а у насъ должно быть иначе. Но все-таки тѣмъ, что мнѣ у нея случалось видѣть и слышать, я нерѣдко смущалась. Такъ я однажды была свидѣтельницей одного intermezzo въ гостиной Натальи Андреевны.

Слуга, подавая чай, стоялъ передъ ней съ подносомъ въ рукахъ. Наливая сливки въ чашку, она обратилась къ нему съ вопросомъ: „Скажи пожа-

луйста, зачѣмъ ты такъ трясешь подносомъ?“.—Фиделька больно ноги кусаетъ, ваше превосходительство.—„Великая бѣда, мой милый, что Фиделька тебѣ ноги кусаетъ! Должно ли изъ этого трясти подносомъ, когда ты подаешь мнѣ чай?“ Это было сказано такъ простодушно, что я отъ удивленія осталась недвижна, смотря на Наталью Андреевну.

При всемъ томъ она была женщина добрая. Можно ли было ставить ей въ вину, что она родилась и осталась въ средѣ, въ которую не проникли иныя понятія? Кто изъ гражданъ древняго Рима упрекалъ жену, сестру или дочь свою, когда она, наряжаясь, втыкала булавки въ грудь своей невольницы?

Мы прожили нѣсколько лѣтъ въ домѣ Натальи Андреевны. При каждомъ возвращеніи весны, я вспоминала о наслажденіяхъ бывалой сельской жизни моей. Небольшое зеленое пространство двухъ садовъ передъ домомъ было жалкой замѣной луговъ и парка незабвеннаго для меня Петровскаго. Иногда, въ теченіи лѣта, намъ случалось побывать, на короткое время, у знакомыхъ въ деревнѣ, что, разумѣется, для меня всегда было радостное событіе. Тамъ я между прочимъ увидѣла образчикъ быта вовсе другого, чѣмъ барскій бытъ Натальи Андреевны, но быта также для меня новаго. Случайно съ нами познакомился богатый купецъ Чериковъ и, вслѣдствіе настоятельной просьбы его, мать моя со мною про-

вела нѣсколько дней у него въ гостяхъ, въ прекрасной недавно купленной имъ подмосковной. Тутъ я была свидѣтельницей существованія чисто-матеріальнаго и убѣдилась, что человѣческій желудокъ дѣйствительно можетъ пріобрѣсть способность принимать пищу почти безпрерывно. Единственная забота въ этомъ домѣ состояла въ томъ, чтобы поддерживать такое усовершенствованіе желудка, и эта забота была постоянная. Утромъ, въ восемь часовъ, подавали чай и кофей, съ калачами, сайками, витушками и разнымъ другимъ печеніемъ. Истребленіемъ всего этого припаса семейство занималось болѣе часа, выпивая чашку за чашкой, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Въ десять часовъ подавалась, подъ названіемъ перваго завтрака, простокваша въ сопровожденіи пирожковъ; въ двѣнадцать часовъ подавался второй, серьезный завтракъ, изъ котораго можно было составить два сытные обѣда; онъ длился около часа; за нимъ слѣдовалъ чай, въ своемъ качествѣ напитка, споспѣшествующаго пищеваренію. Въ третьемъ часу подавалась закуска; въ три часа начинался и продолжался до половины пятаго торжественный обрядъ обѣда, за которымъ слѣдовали, разумѣется, опять кофей и чай. Тотчасъ потомъ (времени оставалось уже немного, терять его нельзя было) столъ въ гостиной былъ уставленъ фруктами и разными наливками. Въ восьмомъ часу подавался чай,

вечерній, чай an sich, und für sich, съ изобиліемъ печенія, какъ утромъ; вслѣдъ за нимъ ставили на столъ всевозможныя варенья, для пріятнаго препровожденія времени до ужина, за который садились въ десять часовъ.

Но при всѣхъ этихъ мѣрахъ, взятыхъ противъ праздности, все-таки оставались, въ теченіе дня, часа два-три незанятыхъ; ихъ употребляли на то, чтобы пройтись по обширному саду, преимущественно направляя шаги въ ту сторону, гдѣ было отведено мѣсто для ягодъ и овощей. Тутъ члены семейства лакомились мимоходомъ малиной и крыжовникомъ, или взятымъ съ парника огурцомъ. Отецъ-Чериковъ предпочиталъ подкрѣпляться инымъ во время прогулки: онъ обходилъ садъ въ сопровожденіи мальчика лѣтъ тринадцати, идущаго за нимъ вслѣдъ съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ, рядомъ съ рюмкой, стоялъ большой графинъ мадеры. Послѣ пятиминутнаго гулянья старый купецъ останавливался, мальчикъ подходилъ съ подносомъ, старикъ наливалъ себѣ рюмку мадеры, выпивалъ и шелъ дальше. Каждыя пять минутъ это повторялось. По истеченіи часа, прогулка была кончена, и графинъ былъ пустъ.

Погостивъ тамъ недѣлю, я возвратилась домой, не зная, можно ли было назвать этихъ людей счастливыми? Что по своему мнѣнію они вполнѣ блаженствовали, въ томъ не было никакого сомнѣнія.

Оставаясь единственнымъ ребенкомъ въ отцовскомъ домѣ, я привыкла къ этому одиночеству. Домашняя жизнь наша была тиха и однообразна. Годы отрочества проходили для меня безъ слѣдовъ. Не было ничего особенно мнѣ пріятнаго и радостнаго, не было также ничего и особенно докучнаго; развѣ иные уроки, которые брать я была принуждена и по возможности старалась избѣгать. Къ числу не добровольныхъ моихъ занятій принадлежало содѣйствіе, которое отецъ мой, страстный астрономъ, требовалъ отъ меня, когда онъ вечеромъ садился за свой телескопъ. При наблюденіяхъ, въ то время его занимающихъ, было нужно употребленіе хронометра. Это дѣло поручалось мнѣ; велѣно было глядѣть на него неотступно до знака, даннаго отцомъ словами: Разъ!—два!—три! и при послѣднемъ словѣ замѣтить секунду на циферблатѣ. Я принималась за должность, слѣдя пристальнымъ взоромъ за секундовой стрѣлкой; но условнаго сигнала приходилось иногда ждать долго; пора была поздняя, взоръ становился неясенъ, вѣки опускались. Мнѣ, какъ издали, слышались произнесенныя съ разстановкой слова: Разъ!—два! и послѣ короткаго молчанія восклицаніе: „три!“, при которомъ я вздрагивала. „Сколько секундъ?“ спрашивалъ отецъ, оборачиваясь. Я въ просонкахъ терла глаза. Отецъ вскакивалъ въ досадѣ со стула и я убѣгала, не дожидаясь его упрековъ.

Проживъ такъ почти четыре года жильцомъ старой знакомки своей, отецъ мой, который до тѣхъ поръ говорилъ смѣясь, что онъ согласился быть врачемъ одной больной только потому, что она совершенно здорова, сталъ нѣсколько сомнѣваться въ здоровьи Натальи Андреевны и болѣе за ней примѣчать, часто повторяя при мнѣ: „Не понимаю что съ ней! Организмъ чѣмъ-то разстроенъ, пульсъ ускоренъ и неправиленъ, выраженіе лица измѣнилось, а между тѣмъ, она ни на что не жалуется, и нѣтъ признаковъ какой бы то ни было болѣзни.“ Черезъ нѣкоторое время онъ рѣшился сказать Натальѣ Андреевнѣ о своемъ желаніи посовѣтоваться съ другимъ медикомъ на счетъ ея здоровья. Она отвѣчала, что объ этомъ и слышать не хочетъ, что гдѣ нѣтъ болѣзни, не о чемъ и совѣтоваться. „Мнѣ, батюшка, шестьдесятъ пять лѣтъ, вотъ и все; а отъ этого меня никто не вылечитъ.“ Другого не было отвѣта на всѣ просьбы и увѣщанія. Мѣсяца три позднѣе она слегла, также упорно отказываясь отъ всякаго врачеванія и утверждая, что вовсе не больна. Въ одно утро съ ней сдѣлался обморокъ, и тутъ только суетившіяся вокругъ нея горничныя увидѣли, что лѣвая грудь ея была совершенно истреблена страшнымъ ракомъ. Съ этимъ извѣстіемъ вбѣжали къ отцу моему; онъ поспѣшно сошелъ къ больной, а возвратился къ намъ въ изумленіи, убѣдившись въ томъ, чему вѣрить не

хотѣлъ. Оно было дѣйствительно такъ. Эта избалованная барыня, которой малѣйшее неудобство было въ тягость, вынесла, въ продолженіи годовъ, терзающую боль, не позволяя себѣ ни единаго вопля. Эта женщина, которая сама не брала вѣера со стола, которая ни за что бы не дотронулась до паука, мыла украдкой, запершись въ своей спальнѣ, перевязки, покрытыя отвратительными слѣдами ея раны и съумѣла утаить отъ всѣхъ своихъ горничныхъ эту смертельную язву. Видаясь ежедневно съ медикомъ, въ искусство котораго вѣрила вполнѣ, она имѣла силу духа не измѣнить себѣ ни разу, не просить помощи и облегченія боли, убивающей ее! И все это изъ стыдливости, для того, чтобы не подвергнуться необходимости обнажить грудь свою передъ врачемъ,— грудь шестидесятилѣтней старухи! Можно это назвать безуміемъ, но нельзя не признать героизма своего рода въ женщинѣ, которая, ожидая неминуемую близкую и мучительную смерть, до самаго конца не позволяетъ себѣ малѣйшаго несоблюденія приличій, самаго незначительнаго отступленія отъ привычнаго порядка, ни разу не забываетъ украсить свою одежду надлежащей лентой, нарумянить щеки и прилѣпить на лицо мушку.

О медицинской помощи тутъ нечего было и думать. Черезъ нѣсколько дней Наталья Андреевна умерла. Подробности ея смерти скрыли отъ меня съ

очевиднымъ стараніемъ. Послѣднія ея страданія были, вѣроятно, ужасны.

Петербургскій ея племянникъ продалъ доставшійся ему въ наслѣдство домъ, и весной мы выѣхали изъ него. Мнѣ помнится, какъ, въ теченіи послѣднихъ недѣль, нами тамъ проведенныхъ, я была смущена, видя, что все устройство, ни въ чемъ не измѣненное покойницей въ продолженіи болѣе полувѣка, было наслѣдникомъ вдругъ поставлено вверхъ дномъ; и я замѣчала съ великимъ удивленіемъ, что, кромѣ меня, никто этому не удивлялся.

Съ началомъ лѣта начался для меня новый бытъ: я вдругъ очутилась въ другой средѣ и въ сношеніяхъ съ другими лицами. Старый князь П. П. Одоевскій, съ которымъ отецъ мой былъ знакомъ съ молодости своей, настоялъ на томъ, чтобы мы заняли, на лѣтнее время, флигель его такъ называемаго загороднаго дома, близъ Прѣсненскихъ прудовъ. Это была, съ давнихъ поръ, его привычная villegiatura.

Князь П. П. Одоевскій, тогда уже восьмидесятилѣтній, былъ типъ самыхъ любезныхъ вельможъ прежнихъ временъ, тѣхъ людей, которые ставили себѣ въ обязанность до совершенства доведенное savoir vivre. Въ князѣ оно было основано не на однихъ изученныхъ условныхъ формахъ: чувствовалось, что у него эти формы были выраженіемъ сердечнаго доброжелательства ко всѣмъ и каждому.

Есть натуры, которыя безсознательно отталкиваютъ и тогда, когда онѣ этого вовсе не имѣютъ въ виду: всѣ ихъ пріемы и поступки отзываются чѣмъ-то оскорбляющимъ, ихъ вѣжливость непріятна, какъ сахаръ, въ который попалъ песокъ. Есть другія особы (ихъ очень немного), которыя каждому, съ кѣмъ находятся въ общественныхъ сношеніяхъ, внушаютъ постоянно какую-то душевную признательность, не имѣющую никакой опредѣленной причины. Князь П. П. Одоевскій былъ изъ небольшаго числа этихъ послѣднихъ людей.

Я съ нимъ тотчасъ же ужилась какъ нельзя лучше. Видѣть вокругъ себя дѣтей и разцвѣтающую молодежь осталось для него потребностью до самаго конца жизни. У него въ дому были, подъ надзоромъ пожилой дамы, всегда двѣ-три воспитанницы, бѣдныя сироты, которыхъ онъ обезпечивалъ, образовывалъ и выдавалъ за мужъ. На ихъ мѣсто поступали немедленно другія.

Такимъ образомъ я тутъ нашла сверстницъ и, разумѣется, подружилась съ ними какъ нельзя больше и видалась ежедневно. Одна изъ нихъ мнѣ особенно памятна; ее я и предпочитала другимъ. Это было милое, кроткое существо, неспособное къ борьбѣ съ судьбою, исполненное тихой, преждевременной грусти. Она понимала, что, при всемъ ей оказанномъ покровительствѣ и благодѣтельномъ попеченіи о ней, она

сирота, была лишена счастья, которымъ надѣленъ, въ отцовскомъ дому бѣднѣйшій ребенокъ. Она иногда говорила мнѣ о томъ, какъ тяжко ей слышать, что вскорѣ надо будетъ ее *пристроить*; какъ страшно для нея это выраженіе.—Разставшись съ ней, я не узнала, какъ ее пристроили и что съ ней потомъ было.

Она двумя годами была старше меня. Съ нею я вела тихія бесѣды, съ другими рѣзвилась взапуски. Князь безпрестанно придумывалъ разныя удовольствія для насъ, дѣвочекъ, устраивалъ намъ забавы, былъ тѣмъ довольнѣе, чѣмъ больше мы шумѣли и, опираясь на своего камердинера, приходилъ къ намъ и спрашивалъ: весело ли намъ?

Я не встрѣчала аристократа болѣе симпатическаго. Онъ былъ grand seigneur въ лучшемъ значеніи этого слова. Какъ онъ всегда и во всякомъ случаѣ оказывался такимъ, мнѣ домашніе его часто разсказывали. Помѣщаю здѣсь одинъ анекдотъ.

Многочисленное общество было въ одинъ вечеръ созвано у князя на балъ. Праздникъ шелъ своимъ порядкомъ и былъ очень оживленъ. Когда наступило время ужина, князь повелъ своихъ гостей въ столовую, выражая имъ свое сожалѣніе, что принужденъ усадить ихъ довольно тѣсно потому, что большая зала, гдѣ столъ былъ накрытъ, случайно загорѣлась, часа два тому назадъ, и что отъ нея остались одни голыя стѣны. Тутъ только гости узнали, что

они беззаботно танцовали и забавлялись въ дому, въ которомъ, въ немногихъ шагахъ отъ нихъ, распространялся пожаръ.

Я князя знала уже нѣсколько недѣль, когда мнѣ разсказали о горестныхъ испытаніяхъ, постигнувшихъ его. Лишившись и жены и всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ одной дочери, которую выдалъ за мужъ за графа Кенсона́, французскаго эмигранта, князь, наконецъ, пережилъ и ее, и двухъ ея младенцевъ, и остался безсемейнымъ вполнѣ.

Это сдѣланное мнѣ сообщеніе изумило меня и сбило съ толку. Этотъ человѣкъ, узнавшій столько горя, потерявшій до послѣдняго всѣхъ, кого любилъ, уже-ли былъ онъ тотъ самый спокойный старикъ, который разговаривалъ такъ непринужденно и шутилъ со мной, который обращалъ вниманіе на удобство и комфортъ жизни? Оно такъ и осталось тогда для меня загадкой неразрѣшимой. Я, четырнадцатилѣтняя, не могла имѣть понятія о власти времени и о невѣроятной способности человѣка ужиться съ участью своей, какая бы она ни была.

Впрочемъ, этой дочери, смерть которой была послѣднимъ и самымъ жестокимъ ударомъ для него, князь поставилъ небывалый и несокрушимый памятникъ: похоронивъ ее въ одномъ изъ своихъ помѣстій, онъ освободилъ въ немъ все крѣпостное народона-

селеніе, тысячу душъ, отдавъ имъ въ собственность вотчину.

Быть ежедневно въ хорошемъ обществѣ и проводить время въ разныхъ увеселеніяхъ нравилось мнѣ чрезвычайно. Меня избавляли отъ уроковъ и предписанныхъ занятій. Отецъ и мать давали мнѣ наслаждаться вполнѣ новымъ для меня образомъ жизни и чудесной погодой, почти постоянной въ продолженіи всего этого лѣта, перваго, съ давнихъ поръ, мною безъ сожалѣнія проведеннаго не въ деревнѣ. Хотя и тогда,

„Въ тѣ дни, какъ Прѣсненское поле
Еще заборъ не ограждалъ",

оно было совсѣмъ не то, что сельскія поля, но я не желала лучшаго мѣстопребыванія. Прогулокъ въ рощахъ и лугахъ, вольной воли деревенской тутъ не было; но за то было такъ много другого, хорошаго, еще небывалаго, столько же въ мірѣ внѣшнемъ, сколько и во внутреннемъ мірѣ. Я стояла на межѣ, отдѣляющей отрочество отъ юности; потребность нравственнаго движенія брала верхъ надъ потребностью движенія физическаго; въ умѣ, еще полномъ ребяческихъ затѣй, просыпался молодой энтузіазмъ,— и въ ту же самую пору являлся случай предаваться ему въ полной мѣрѣ. Пронеслась вѣсть о возстаніи Греціи. Народъ, о которомъ почти не было и помину,

народъ, давнымъ давно порабощенный, безмолвствующій подъ гнетомъ чужой, грубой власти, сокрушалъ вѣковое ярмо, ополчался противъ насилія и начиналъ съ нимъ борьбу на жизнь и смерть. Извѣстно, какое одушевительное дѣйствіе это событіе имѣло во всѣхъ краяхъ Европы. Теперешніе старики, принадлежащіе къ тогдашнему молодому поколѣнію Россіи, помнятъ проявившееся и у насъ восторженное сочувствіе къ подвигамъ новыхъ греческихъ героевъ, восхищеніе, съ которымъ твердили имена: Ипсиланти, Боцарисъ, Канарисъ, упованіе на успѣхъ ихъ усилій.

Странно подумать, что такъ искренно радуясь прекращенію неволи грековъ, наши помѣщики не находили ничего предосудительнаго въ неволѣ русскихъ мужиковъ и дворовыхъ людей своихъ, подчиненныхъ ихъ барскимъ причудамъ и выходкамъ, часто совершенно турецкимъ. Помнится мнѣ, что въ самое время возбужденныхъ благородныхъ идей и симпатій, говорили при мнѣ, очень просто и хладнокровно, о томъ, какъ одинъ мнѣ знакомый господинъ, сенаторъ М-й, имѣлъ случай угодить графу Аракчееву, посѣтившему тогда Москву. Графъ, въ продолженіи обѣда, даннаго ему сенаторомъ, замѣтилъ у него соловья, пѣніе котораго было превосходно. На другой день сенаторъ приказалъ одному изъ слугъ своихъ взять клѣтку съ птицей, обратившей на себя вниманіе знатнаго посѣтителя, и отпра-

виться съ ней къ графу въ Петербургъ, пѣшкомъ, потому что такъ было лучше для соловья и дешевле для сенатора, Слуга, прошедши туда и назадъ 1400 верстъ, въ пору слякоти, по дорогѣ самой скверной (тогда еще не было и шоссе) вернулся съ докладомъ, что соловья донесъ благополучно и что графъ приказалъ очень благодарить сенатора за подарокъ.

Такого рода факты, теперь уже у насъ, слава Богу, невозможные, были тогда непоразительны. Употребленіе, болѣе или менѣе грѣшное, власти неограниченной помѣщика встрѣчалось вездѣ и было немимуемое и естественное послѣдствіе этой власти. Люди, нравственно образованные, признавали крѣпостное состояніе зломъ, но уживались съ этимъ зломъ и пользовались имъ безсознательно.— Одинъ французскій писатель говоритъ, что случается слышать „des mots qui hurlent d'effroi de se trouver ensemble" *). У насъ приходилось всѣмъ слышать и произносить такія слова. Пріятельницы одной дамы разсказывали съ сожалѣніемъ о ней, что при незначительныхъ ея доходахъ для нея чрезвычайно затруднительна необходимость возить дочерей въ свѣтъ и что недавно она, для того, чтобы явиться съ ними въ новыхъ платьяхъ на большомъ балѣ, принуждена была про-

*) Слова, которыя отзываются ужасомъ, потому что стоятъ рядомъ.

дать горничную, очень ловкую и отличнаго поведенія. Тотъ же самый князь Одоевскій, памятный мнѣ какъ человѣкъ въ высшей степени добродушный и благородный, сказалъ разъ отцу моему, что часъ тому назадъ онъ своему зятю, графу Кенсона́, продалъ пятьсотъ душъ, по копѣйкѣ за душу. Онъ улыбался, говоря объ этой шуткѣ. Душа, проданная за копѣйку, это вовсе не казалось ему чѣмъ-то возмутительнымъ. И вѣдь принятое выраженіе было точное: продавались въ самомъ дѣлѣ души, продавалось право доводить ихъ до отчаянія. Тяжка мысль, что въ Россіи есть еще много людей, сожалѣющихъ о томъ, что они теперь не могутъ уже быть душепродавцами.

Прежде чѣмъ было назначено, кончилось веселое житье мое на дачѣ князя. Вслѣдъ за отличнымъ лѣтомъ настала вдругъ осень необыкновенно суровая. Прѣсненское поле стало болѣе и болѣе принимать видъ вовсе непривлекательный. Мы переѣхали на городскую квартиру, нанятую заранѣе, и князь возвратился въ свой московскій зимній домъ. Тамъ онъ продолжалъ вести тотъ же образъ жизни, окружать себя дѣтьми и давать имъ праздники, не смотря на то, что послѣднія силы его замѣтно ослабѣвали. Къ исходу зимы онъ умеръ, кроткій и спокойный духомъ, какъ жилъ.

Мысль моя останавливается на воспоминаніи недолгаго моего сближенія съ нимъ. Можетъ быть, не

даромъ, въ первые дни моей юности, я встрѣтила его, доживающаго мирно и безропотно вѣкъ полный горестныхъ потерь и обманутыхъ надеждъ; можетъ быть, молодому, непокорному уму было не напрасно дано это наставленіе, не вполнѣ понятое имъ тогда.

II.

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ ИВАНОВѢ.

Я давно не заглядывала въ газеты и журналы, и часто чувствую потребность пожить, какъ за заколдованною чертой, не вѣдая ни о чемъ, что дѣлается на свѣтѣ. Мало на немъ дѣлается хорошаго. Беретъ неодолимая охота выбросить изъ ума все, что въ немъ возится такъ утомительно, угомонить тревожныя думы. Душевный сонъ также ненуженъ на время, какъ и тѣлесный.

Такою дремотой я забылась въ русской деревнѣ, удобнѣйшемъ мѣстѣ для подобнаго сна; проводила дни, ихъ не считая, помня сквозь отдыхъ, что надо будетъ очнуться, встать, и дѣйствовать опять, трудиться и заботиться, но тѣмъ болѣе и полнѣе предаваясь пока этому кратковременному отдыху. Ему пришелъ конецъ, и только что я, не безъ усилія, вернулась въ міръ дѣйствительный, какъ случайно дошла до меня поражающая вѣсть, которая теперь уже не новость. Въ письмѣ ко мнѣ изъ Петербурга прочла я строку: „живописецъ Ивановъ умеръ здѣсь

отъ холеры". Какъ отозвались объ этомъ несчастіи періодическіе листы, и были ли особенныя статьи по случаю этой нежданной смерти, не знаю; но если и были, сказать еще нѣсколько словъ о погибшемъ не мѣшаетъ. Не мѣшаетъ, особенно въ наши времена, оказать почесть мертвому художнику и поклониться его праху. И если это запоздалый поклонъ, тѣмъ лучше. Онъ напомнитъ о томъ, кого, можетъ, успѣли уже почти забыть. Въ нашъ вѣкъ скоро забываютъ и мертвыхъ, и живыхъ.

Посѣщая въ прошломъ году Швейцарію, я пріѣхала въ Интерлакенъ, и тамъ нашла Иванова. Мы не знали другъ друга, познакомились на улицѣ, встрѣтясь случайно, но скоро сдѣлались старыми знакомыми. Я не видала человѣка, исполненнаго болѣе глубокой и непоколебимой любви къ искусству, совершеннѣе преданнаго своей идеѣ. Эта всесильная страсть была стыдлива, какъ всякое истинное чувство; онъ скрывалъ ее и берегъ про себя, но за то какъ весело было видѣть его удовольствіе, когда онъ могъ говорить языкомъ своего генія. Ежедневно приходилъ онъ ко мнѣ, и мы долго, по вечерамъ, сидѣли вдвоемъ, передавая другъ другу свои мнѣнія, споря или соглашаясь, увлекаясь разговоромъ объ искусствѣ и его представителяхъ, о понятіи изящнаго, о возможности новаго стиля живописи, и забывали взглянуть на Юнгфрау, блестѣвшую передъ нами въ лучахъ заката.

Я съ чувствомъ благоговѣнія слушала его, когда онъ мнѣ высказывалъ свои намѣренія и предпріятія. Этотъ человѣкъ, давно отрекшійся, ради своего призванія, отъ всего, что люди ищутъ въ жизни, этотъ человѣкъ больной, изнуренный работой, посвятивъ двадцать лѣтъ совершенію одной картины, говорилъ: „Я еще ничего не сдѣлалъ; теперь надо начать, надо собраться силами, надо учиться, достать книги, добиться свѣдѣній, надо готовиться нѣсколько лѣтъ къ великому труду; надо пріобрѣсть средства къ исполненію его."

Задуманный имъ трудъ былъ неслыханный; мысль Иванова была изобразить въ ряду картинъ всю жизнь Христа. Это, можетъ быть, выше силъ человѣческихъ, но великъ и замыселъ подобнаго творенія, необыкновененъ духъ, который идетъ на такое дѣло.

Ивановъ повѣрилъ мнѣ свое намѣреніе, какъ тайну, и я обѣщала ее хранить,—теперь уже не нужно! Онъ боялся быть осмѣяннымъ, и не даромъ боялся. Все смѣшно, что неумѣстно и некстати, а онъ былъ человѣкъ не нашего умнаго вѣка, онъ былъ запоздалый современникъ людей, которыхъ уже нѣтъ давнымъ давно, вдохновенный труженикъ прежнихъ столѣтій, братъ тѣхъ наивныхъ поборниковъ, исчезнувшихъ съ земли съ временемъ простодушныхъ убѣжденій. Когда средневѣковый селянинъ бралъ посохъ и отправлялся въ дорогу, куда глаза глядятъ,

отвѣчая встрѣчнымъ, на вопросъ, куда онъ идетъ: „иду освободить Іерусалимъ!“ тогда на него глядѣли съ уваженіемъ. Теперь его бы посадили въ желтый домъ.

Такъ шелъ восторженный художникъ въ своей метѣ, еще не зная дороги, не находя помощи. Его не останавливали затрудненія, не пугали безчисленныя препятствія. И шелъ онъ не съ смѣлою довѣрчивостію молодости, не съ свѣжими силами. Онъ успѣлъ измучаться въ безпрестанной стычкѣ съ мертвящими заботами жизни, вынесть много оскорбленій, накопить въ душѣ много горестей. Онъ не обольщался надеждами; дни надеждъ для него давно прошли; онъ уже извѣдалъ всю тягость своего пути, зналъ, что его встрѣтитъ униженіе и вражда, зналъ, что люди хороши и благородны на словахъ, только для того, чтобъ имѣть возможность быть тѣмъ хуже на дѣлѣ, зналъ, что долженъ будетъ бороться неотступно, и боролся до конца, стоялъ до смерти! Какія мысли тѣснились въ его умѣ, въ предсмертный часъ? съ какимъ чувствомъ подумалъ онъ о своемъ двадцатилѣтнемъ трудѣ, о своихъ даромъ истраченныхъ силахъ? Не вспомнилъ ли онъ, умирая, о другой такой же злобной шуткѣ судьбы? Не виднѣлся ли ему бѣдный пѣвецъ Іерусалима, обращающій, съ высоты Святого Онуфрія, свой послѣдній взглядъ на Римъ, которому некогда было о немъ заботиться? И улыбнулся ли онъ при мысли о надгробномъ вѣнкѣ?..

Будетъ ли ему хоть эта награда? Сдѣлаютъ ли его соотечественники то, что еще сдѣлать могутъ, не его ради, уже поздно, но ради себя? Забывъ живого, помянутъ ли они отжившаго?

Я знаю, что, читая эти строки, вырвавшіяся у меня изъ души, многіе упрекнутъ меня въ пристрастіи. Я принимаю этотъ упрекъ. Горе тому, кто всегда и во всемъ можетъ быть безпристрастенъ!

Я не видала картины Иванова; знаю ее только по наслышкѣ, и по прекрасной статьѣ о ней г. Ковалевскаго. Два года тому назадъ, когда я была въ Римѣ, Ивановъ еще жилъ затворникомъ въ своей мастерской, не пуская туда никого. О его произведеніи слышала я потомъ много разныхъ толковъ и мнѣній, но если въ картинѣ и есть недостатки, ужели теперь будетъ ихъ отыскивать холодный взглядъ критика? Ужели теперь достанетъ у кого духа стараться найти ошибки въ добросовѣстномъ дѣлѣ, и ихъ громко провозглашать, умалчивая о его великихъ достоинствахъ? Ужели въ груди зрителя хоть теперь какое-то скорбное человѣческое чувство не воспротивится наклонности къ этому дикому наслажденію хулы? Ужели не смолкнутъ невольно осужденія у гроба художника?

Но если и нѣтъ, вещь не новая. Такова судьба всѣхъ этихъ мучениковъ мысли. Имъ нѣтъ пощады! Пусть они работаютъ безъ отдыха, пусть прокладываютъ дорогу тѣмъ, которые въ нихъ бросаютъ

камнями, пусть совершаютъ свой подвигъ кровью жилъ своихъ, мозгомъ костей своихъ, пусть терпятъ нищету и бѣдствіе, клеветы, поруганіе, предательство и, что невыносимѣе, общее равнодушіе, и если они отъ всего этого умрутъ, что же? Vile damnum.

Да, пусть они все это терпятъ! ихъ скорби и боли будутъ не напрасны; и не одинъ изъ нихъ, погибая безпомощно въ какой-нибудь глуши, или, горестнѣй, въ какомъ нибудь городѣ, одинокій, среци возни людской, не одинъ изъ нихъ, умирая покинутый и сирый, не умретъ безъ великой и прекрасной пользы. Нѣтъ въ цѣломъ мірѣ Божьемъ ничего выше сопротивленія духа всякому житейскому бѣдствію и горю; нѣтъ ничего величественнѣе человѣка, который вступаетъ въ бой съ грознымъ ангеломъ страданія, и все снова, низвергнутый безсмертнымъ своимъ противникомъ, все снова встаетъ и продолжаетъ убійственную борьбу. И въ томъ залогъ нашего небеснаго назначенія, что это зрѣлище насъ не подавляетъ, а возвышаетъ, что смерть мученика сотворяетъ другихъ мучениковъ, и что мы, смотря на этихъ духовныхъ Лаокооновъ, истерзанныхъ, но все напрягающихъ послѣднія силы, чувствуемъ не жалость, а какую то необъятную, священную радость.

Москва, іюль, 1858 года.

III.

ПИСЬМО К. ПАВЛОВОЙ КЪ А. ИВАНОВУ.

Сентября 25-го, 1857 г.

Я все это время была такъ занята, почтеннѣйшій Александръ Андреевичъ, что не успѣла писать къ вамъ. Надѣюсь, что это письмо застанетъ васъ еще въ Парижѣ, и, можетъ быть, получивъ его, вы рѣшитесь съѣздить въ Веймаръ и, слѣдовательно, пробыть нѣсколько дней въ Дрезденѣ. Головы апостоловъ, рисованныя Леонардо да Винчи, точно находятся въ герцогскомъ дворцѣ въ Веймарѣ; я ихъ видѣла и думаю, что для такого художника, какъ вы, стоитъ пріѣхать издали, чтобы посмотрѣть на нихъ. Но не на нихъ только вы посмотрите; въ томъ же Веймарскомъ дворцѣ находится много безцѣнныхъ рисунковъ, нарисованныхъ рукою Рафаэля, Микель Анжело, Джуліо Романо и другихъ славнѣйшихъ мастеровъ, такія прелести, что глаза разбѣгаются. Всѣ эти дивные рисунки висятъ, въ простыхъ дубовыхъ рамкахъ, въ небольшой комнатѣ, изъ ко-

торой я съ трудомъ рѣшилась выйти. Если только есть возможность, то поѣзжайте туда.

Другихъ для васъ интересныхъ извѣстій я вамъ сообщить не могу. Докторъ, о которомъ мы съ вами говорили, кажется, вовсе не собирается ѣхать въ Италію. Мнѣ никто не могъ сказать, думаетъ ли онъ или нѣтъ объ этомъ путешествіи. И такъ все остается въ неизвѣстности. Что касается до меня, я поселилась на зиму въ Дрезденѣ. Хожу почти каждое утро въ картинную галлерею, а вечеромъ въ театръ. На дняхъ примусь за переводъ статьи о вашей картинѣ. Если вы увидите Ковалевскаго, поблагодарите его отъ моего имени за то, что онъ мнѣ прислалъ эту статью въ русскомъ оригиналѣ.

Будьте здоровы и напишите мнѣ хоть нѣсколько словъ о себѣ. Не забывайте, что мой адресъ: m-me Caroline de Pavloff. Hôtel de Pologne. Dresde.

Жму вашу руку съ надеждой на свиданіе.

Каролина Павлова.

IV.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ „СОВРЕМЕННИКА“.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Обращаясь къ вамъ письменно, я должна прежде всего упомянуть о моей недавней встрѣчѣ съ вами, упомянуть, во-первыхъ, потому, что она, возобновивъ наше знакомство, доставила мнѣ неожиданное удовольствіе, во-вторыхъ потому, что она была виновницей этого письма, которое, безъ нея, по всей вѣроятности, присоединилось бы къ числу моихъ неисполненныхъ мгновенныхъ намѣреній, о чемъ, конечно, не слѣдовало бы никому чрезмѣрно жалѣть, а мнѣ менѣе всѣхъ. Но теперь рѣчь не о томъ; во всякомъ случаѣ, вызвавъ и вытребовавъ эти мои смиренныя странницы, вы по справедливости должны взять на себя часть отвѣтственности за нихъ. Начать надо мнѣ извиненіемъ: вашъ отзывъ о „Разговорахъ въ Кремлѣ“, въ сентябрьской книжкѣ „Современника“, я прочла болѣе двухъ недѣль послѣ ея появленія, и то случайно. Рѣшившись выступить на скользкое литературное поприще, я въ то же время

рѣшилась не читать ничего, что скажется обо мнѣ въ журналахъ, потому что изо всей исторіи словесности видѣла, что журнальныя критики и совѣты не усовершенствовали ни одного писателя, а испортили многихъ; ослабить и уничтожить талантъ, даже самый истинный, легко могутъ люди, но даетъ его единый Богъ. Мнѣ, признаюсь, всѣ эти разборы, рецензіи и отзывы всегда казались похожими на тѣ голоса, которые, въ арабской сказкѣ, преслѣдуютъ идущаго на заколдованную гору добыть волшебную птицу, и мѣшаютъ ему достигнуть своей цѣли; и я помнила, что птицу добыла только Паризада, потому что заткнула уши хлопчатой бумагой. Уши заткнуть можно, но трудно заткнуть глаза: увидѣвъ, въ злополучную минуту, нечаянно на одной страницѣ развернутаго „Современника" мое имя, я не отошла прочь, какъ слѣдовало сдѣлать: эти несчастныя семь буквъ обратили въ ничто мои благоразумныя намѣренія; женская слабость взяла свое... Я прочла вашу рецензію до послѣдней строчки; и тутъ на меня нашла внезапная прихоть, смѣлая охота обороняться. Сама не понимаю, откуда взялась она у меня: изъ этого вышло то, что мнѣ, поставившей себѣ за правило не читать никакого разбора моихъ немногочисленныхъ произведеній, не вѣдать ни про какія журнальныя мнѣнія, пришлось, по сцѣпленію обстоятельствъ, не только прочитать всю вашу статью, но даже увы! и

возражать на нее. Вотъ до чего доводитъ самое легкое отступленіе отъ прямаго пути. Думала ли я, что моя минутная слабость будетъ имѣть такія жалкія для меня послѣдствія!

Позвольте же, если уже такъ, возразить, со скромностью, приличной женщинѣ, на вашу, хотя краснорѣчивую, но, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ точную критику. Вы начинаете не замѣчаніемъ, что задача „Разговоръ въ Кремлѣ“ слишкомъ громадна, а рамка, слишкомъ тѣсна, что на 20 страницахъ разсказана вся исторія Россіи, Франціи и Англіи. Это было бы въ самомъ дѣлѣ нѣсколько смѣшно и очень нелѣпо; но такъ ли оно? Не похожъ ли мой „Разговоръ“ на дѣйствительные разговоры наши съ иностранцами, не слыхали-ль мы всѣ отъ нихъ тѣхъ упрековъ, какіе дѣлаетъ русскому мой французъ? Когда мы въ преніи упоминаемъ о блистательныхъ моментахъ народа, преподаемъ ли мы его бытописаніе, исполняемъ ли мы должность профессора исторіи? И если-бъ вы, Иванъ Ивановичъ, съ полнымъ правомъ, сказали мнѣ: что вы дѣлали, Каролина Карловна, когда я ѣздилъ въ Парижъ? Что вы дѣлали, когда я принялся за „Современникъ“? Что вы дѣлали, когда я писалъ блистательныя критики и разборы, когда я мѣрилъ талантъ каждаго автора, когда я по своему произволу уничтожалъ поэтовъ? Я бы могла только сознаться въ основательности

вашихъ упрековъ и преклониться передъ вашей дѣятельностью; но не могла бы похвастаться тѣмъ, что вы мнѣ сообщили всю свою интересную біографію.

Вы рѣшаете, что рамка слишкомъ тѣсна; новый Прокустъ, вы находите, что бѣдное мое произведеніе не довольно длинно, и хотите вытянуть его. Странное дѣло, что намъ всегда приходится страдать не за пороки наши, а за наши добродѣтели; вы дѣлаете мнѣ упрекъ въ томъ, что, можетъ быть, только и есть похвальнаго въ моихъ стихахъ; вы обвиняете меня въ скромности, вы осуждаете мое стараніе щадить ближняго моего, вы называете недостаткомъ то глубокое чувство справедливости, которое заставляетъ меня, зная за собой несчастную, непреодолимую страсть, дѣлать ее, по крайней мѣрѣ, какъ можно сноснѣе для другихъ, и не позволять себѣ ни единаго лишняго стиха. Я бы сжала свой „Разговоръ“ еще больше, если-бъ могла. Иные смотрятъ на стихъ, какъ на широкій, покойный халатъ, въ которомъ всякая тема можетъ нѣжиться и развалиться по волѣ; я стихъ всегда считала красивымъ поясомъ, стягивающимъ мысль и придающимъ стройность; мнѣ всегда казалось, что лучше сжать на 20 страницахъ то, что можно бы развить на 200, нежели наполнить 200 страницъ тѣмъ, что могло быть сказано на одной. Если я, по вашему мнѣнію, то, что ска-

зала, сказала не ясно, вину должно приписать не недостатку страницъ, а недостатку таланта; но не считая себя великимъ поэтомъ, я все-таки, признаюсь вамъ откровенно въ простотѣ своей, полагала, что „Разговоръ въ Кремлѣ“ не тарабарская грамота, и что все, о чемъ идетъ въ немъ рѣчь, можно понять и безъ приложенныхъ къ нему примѣчаній, которыя, позвольте сказать, ничего не излагаютъ, а содержатъ только нѣсколько чиселъ и намековъ, и которыхъ вы, впрочемъ, не одобряете. Но разсудите, что не допуская ихъ, вы мнѣ задаете слишкомъ трудную задачу. Писатель, какъ бы скроменъ ни былъ, все таки мечтаетъ, что его произведеніе пойдетъ по рукамъ; такихъ же людей, какъ вы, всесторонне образованныхъ, очень не много, а для прочихъ слѣдовало, по вашему мнѣнію, въ стихахъ ловко намекнуть о томъ, что имя Сервантеса было Сааведра, и что онъ, подъ этимъ названіемъ прославленъ въ испанскихъ романцерахъ, что гробъ Рафаэля былъ выставленъ подъ его картиной Преображенія, въ Страстную Пятницу 1538 года, и о кой-какихъ другихъ подробностяхъ, тому подобныхъ, на что у меня рѣшительно не хватило бы таланта.

Но дѣло въ примѣчаніяхъ, какія-бъ они ни были, они ни въ чемъ не измѣняютъ стихотворенія, о которомъ идетъ рѣчь. Продолжая свой строгій судъ, вы говорите, что оно написано громкими стихами,

но стихами, въ которыхъ есть великій недостатокъ— богатство и новость риѳмъ. Раздѣляя совершенно ваше мнѣніе въ томъ, что никакая риѳма не увеличиваетъ поэтическаго достоинства стихотворенія, я не могу убѣдиться, что не натянутыя, богатыя и новыя риѳмы портятъ его. Но у всякаго свой вкусъ; вы, риѳму уподобляя вину, находите, что чѣмъ она старѣе, тѣмъ лучше; тутъ ничего нѣтъ непозволительнаго. Въ оправданіе этого воззрѣнія, вы прибавляете фразу, которая иного могла бы озадачить; на меня же она произвела самое пріятное впечатлѣніе. Я всегда радуюсь, когда вижу, что люди въ зрѣлыхъ лѣтахъ сохраняютъ признаки молодости, ея восторженныя пристрастія и живыя увлеченія; да иной бы васъ тутъ не понялъ; но я васъ поняла, я съ веселіемъ узнала эту молодую способность увлеченія въ вашемъ вопросѣ: найдемъ ли мы что-нибудь подобное у Пушкина? Человѣкъ недоброжелательный могъ бы сказать, что вы, стало быть, не читали всѣхъ стиховъ Пушкина, я же говорю, что вы въ пылу вашей ненависти къ новымъ риѳмамъ, въ разгарѣ вашихъ доказательствъ ихъ негодности, забыли нѣкоторые довольно извѣстные стихи Пушкина. Но вы, успокоясь, вскорѣ сами ихъ припомните, и я только позволю себѣ вамъ замѣтить на ухо, что мы найдемъ у Пушкина нѣчто подобное, что приложеніе вашей теоріи лишило бы васъ, напримѣръ,

одной изъ лучшихъ страницъ нашего великаго поэта, начало Галуба:

Не для бесѣдъ и ликованій.
. . . .
Стоятъ предъ саклею печальной...
. . . .
—Гдѣ былъ ты, сынъ?....
—„Я слушалъ Терекъ“.

Есть у Пушкина еще и въ другихъ стихотвореніяхъ подобныя, вамъ ненавистныя риѳмы:

„Подъ нимъ, (какъ начинаетъ капать
Весенній дождь на злакъ полей).
Пастухъ, плетя свой пестрый лапоть,
Поетъ про волжскихъ рыбарей“.

или опять:

„И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага“.

—Отъ Рущука до старой Смирны
Отъ Трапезунда до Тульчи,
Скликая псовъ на праздникъ жирный,
Толпой ходили палачи:
Треща въ объятіяхъ пожаровъ,
Валились домы янычаровъ“.

Вообразите себѣ на минуту, что вы вовсе не знаете русской литературы (можно вообразить себѣ вещь самую неправдоподобную); вообразите себѣ, что вы, съ вашимъ взглядомъ на риѳму и поэзію, пріѣхали изъ Китая, прежде его теперяшняго переворота, который, вѣроятно, измѣнитъ въ немъ многое и введетъ въ него, пожалуй, и употребленіе новыхъ риѳмъ; вообразите, что вамъ, пекинскому журналисту, я читаю эти мною приведенные стихи. Вы тотчасъ же, вздохнувъ о жалкомъ состояніи нашей словесности, схватили бы перо и написали превосходную критику, въ которой бы мастерски отщелкали автора за его превратныя понятія о поэзіи и непремѣнно сказали бы:

„Потѣхи, адехи, Галуба, Татартуба, волы, муллы, скалъ, Дарьялъ, берегъ, Терекъ, капать, лапоть, влага, Аю-дага, Смирны, жирный, Тульчи, палачи, пожаровъ, янычаровъ—риѳмы все богатыя и рѣдкія, новыя, какъ ихъ называютъ; но не слишкомъ ли много придаетъ имъ значенія авторъ, не слишкомъ ли много въ жертву имъ приносятъ? Такъ ли поступали великіе мастера поэзіи?“

Прошу васъ убѣдительно не заключать изъ вышесказаннаго, что я сравниваю себя съ Пушкинымъ; но, при всемъ сознаніи его величія, нельзя и не сознаться, что труднѣе было, говоря о гнѣвѣ султана, наткнуться на Тульчи, чѣмъ на Стратфортъ, говоря

о Шекспирѣ, и что нелегко избѣгнуть румба, упоминая о Колумбѣ; въ созвучіи этихъ двухъ словъ виновато Провидѣніе, и не могла же я представить Колумба, въ эту роковую минуту, зѣвающаго по верхамъ.

Та же бѣда случилась со мной относительно Шекспира; фактъ былъ неумолимъ; Шекспиръ былъ сынъ перчаточника и жилъ въ Стратфордѣ; вслѣдствіе этого, простое выраженіе моей мысли, безъ поэтическихъ образовъ, выходило въ прозѣ такъ: „Можете сказать вы гордо, что спроситъ путникъ не одинъ дорогу на улицѣ Стратфорда, гдѣ жилъ перчаточника сынъ“. Произнося эти слова, я, признаюсь, сама немного испугалась новости риѳмы, нежданно тутъ явившейся; и долго старалась ее миновать, но никакъ не могла сладить съ этимъ бѣдственнымъ Стратфордомъ; какъ ни упирайся, лѣзетъ онъ себѣ въ конецъ стиха; я вычеркивала, ломала голову, а все-таки выходило: что спроситъ путникъ не одинъ дорогу къ улицѣ Стратфорда. Теперь, послѣ вашей критики, я нашла исходъ, но поздно. Дѣйствительно, можно было сказать это иначе, можно было слѣдовать примѣру того честнаго нѣмца, который, желая проститься въ стихахъ съ русской красавицей, предпочелъ правильность риѳмѣ и написалъ:

Прощай, прощай въ послѣдній разъ
Всегда я буду помнить вамъ!!!

И я могла рѣшившись, ради простоты и естественности, сдѣлать въ первомъ стихѣ легкую натяжку и прибѣгнуть къ риѳмѣ не совсѣмъ богатой, но за то не новой, сказать такъ:

„Да, славныхъ мѣстъ у васъ есть много;
И спроситъ путникъ не одинъ
Стратфорда къ улицѣ дорогу,
Гдѣ жилъ перчаточника сынъ.“

Ящикъ просто раскрывался, надо было просто поставить стихъ и смыслъ вверхъ ногами, и тогда строфа дѣлалась совершенно естественной, я-бъ не заслужила вашего естественнаго упрека, и эту исправленную строфу можно было бы похвалить такъ, какъ одинъ господинъ, который въ женщинахъ опасался красоты столько же, сколько вы ее опасаетесь въ риѳмахъ, хвалилъ свою невѣсту: глупа, но дура.

Говорятъ, что главное содержаніе письма женщины заключается въ поскриптѣ: я доставляю вамъ новое доказательство истины этого изрѣченія, я только въ концѣ письма своего рѣшаюсь высказать вамъ, что у меня болѣе всего лежитъ на сердцѣ, то, что въ вашей критикѣ задѣло меня за живое. Я не отреклась отъ своего пола и не побѣдила его слабостей; что ни говори, женщина-поэтъ всегда остается болѣе женщиной, чѣмъ поэтомъ, и самолюбіе авторское

въ ней слабѣе самолюбія женскаго; скажите ей, что вы оставили безъ вниманія ея стихи, ей будетъ досадно; но скажите, что она сама не произвела на васъ никакого впечатлѣнія, не оставила въ васъ никакого воспоминанія, ей будетъ несравненно досаднѣе. Поймите же, каково мнѣ было, когда я прочла стихи, приведенные вами въ подтвержденіе вашей теоріи риѳмы. Это былъ двойной ударъ. Я могла, собравшись съ духомъ, снести ваше осужденіе моей поэзіи; но не могла безъ боли испытать ваше вниманіе къ мой личности. Мнѣ пришлось понять горькую истину и убѣдиться, что изъ вашей памяти совершенно изгладился день, о которомъ я сохранила столь пріятныя и живыя воспоминанія, прекрасный іюльскій день, который вы провели у меня на дачѣ въ окрестностяхъ Москвы. Я принуждена, увы! вамъ напомнитъ, какъ мы съ вами ходили по липовой аллеѣ, восхищаясь природой, говоря о поэзіи, и какъ я вамъ тогда прочла эти же стихи, мною въ шутку написанные, и какъ вы были въ восторгѣ отъ этой пародіи и выпросили ее у меня. И все это позабывъ, вы теперь на меня же обращаете собственное мое оружіе, вамъ мною данное!

Ученый Джонсонъ высказывалъ разъ въ обществѣ свое мнѣніе насчетъ чего-то.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ одинъ изъ

присутствующихъ: — что вы недавно утверждали противное и говорили вотъ что...

— Милостивый государь,—прервалъ его Джонсонъ;—знайте, что невѣжливѣе всего душить человѣка его собственными словами.

А вы, Иванъ Ивановичъ, душите меня еще немилосерднѣе—моими собственными стихами.

Перелистывая это письмо, замѣчаю, что я на этотъ разъ вовсе не сказала того, что имѣла сказать, и на свой отвѣтъ употребила гораздо болѣе бумаги, чернилъ и словъ, чѣмъ хотѣла; такое мнѣ несвойственное излишество могу я только приписать безсознательному желанію угодить вамъ хоть въ одномъ отношеніи, и меня пугаетъ открытіе этой новой слабости, которой я въ себѣ не подозрѣвала. Кто знаетъ, до чего она могла бы довести меня? До какой прозы и до какихъ стиховъ? Яснѣе прежняго вижу надобность держаться своихъ правилъ, оставаться на благородномъ разстояніи отъ всѣхъ журнальныхъ толковъ, и первое это мое прегрѣшеніе сдѣлать послѣднимъ. Позвольте же мнѣ теперь, съ вами прощаясь, эти въ полушутку написанныя страницы заключить нѣсколькими серьезными словами.

Я никогда не желала и не старалась сдѣлаться авторомъ; эту потребность, которая во мнѣ существуетъ, къ счастію или несчастію, это такъ называемое призваніе, я обуздываю, сколько могу; пишу

немного и написанное оставляю большей частью не напечатаннымъ; о томъ же, что предаю печати, не забочусь болѣе. Прочитавъ случайно, какъ я вамъ сказала, вашу рецензію на „Разговоръ въ Кремлѣ“, я въ первый разъ почувствовала охоту возразить на журнальную критику; отчасти это было вслѣдствіе минутнаго расположенія пошутить, позволительнымъ образомъ, надъ тѣмъ маленькимъ промахомъ, который вамъ случилось дать, приводя мнѣ въ примѣръ мои собственные стихи; но отчасти была тутъ и другая, болѣе серьезная причина, въ которой я готова сознаться, позволяя вамъ находить ее смѣшной; я къ „Разговору въ Кремлѣ“ имѣю пристрастіе — заслуженное, или нѣтъ его литературнымъ достоинствомъ, все равно. Я его люблю, потому что коснулась въ немъ предмета, священнаго для меня, и написала его во время, памятное вамъ всѣмъ.

Прошедшею весною, когда мы ожидали событій неслыханныхъ, бомбардированій Кронштадта и войны около Петербурга, отчаяннаго натиска и вдохновеннаго отпора, когда вся родина откликнулась, когда всякій дѣлалъ, что могъ, давалъ, что имѣлъ, дала и я свой стихъ, —все, что имѣла. Эти строфы, писанныя въ послѣднихъ недѣляхъ великаго поста, создавались почти сами собой: увѣряю васъ, что я не придумывала новыхъ риѳмъ и не искала эффектовъ. Съ русскимъ чувствомъ писала я въ полуиностран-

номъ городѣ это стихотвореніе. Окончила я его въ Страстную Субботу, въ тотъ самый часъ, когда на другомъ концѣ русской земли одинъ молодой человѣкъ стоялъ среди огня и дыма, отражая двумя пушками соединенныя батареи французовъ и англичанъ, и смѣю сказать, что въ немъ и во мнѣ было тогда одно чувство, одинъ порывъ:

„Да возвеличится Россія,
И гибнутъ наши имена!“

Высказавъ вамъ это такъ простодушно, прибавляю, что желаю вамъ, Иванъ Ивановичъ, всевозможной извѣстности и самыхъ удачныхъ критическихъ статей, хотя бы на мой счетъ.

Каролина Павлова.

Октября 12, 1854 г.

ЗА ЧАЙНЫМЪ СТОЛОМЪ.

—Die Gräfin spricht wehmütig:
„Die Lieb' ist eine Passion!"—
Und präsentiret gütig
Die Tasse dem Herren Baron.

Heine.

ЗА ЧАЙНЫМЪ СТОЛОМЪ.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы не было ни одного конченнаго разсказа: конецъ-то все и портитъ. Если вы, повѣствователь, сумѣли представить мнѣ живыхъ людей, и заставили меня брать въ нихъ участіе, зачѣмъ же вы хотите непремѣнно какъ-нибудь сдѣлать, чтобы они перестали васъ интересовать? Что за охота не оставлять мнѣ ничего, о чемъ я могъ бы помечтать? Повѣсть конченная, вѣдь это садъ, обведенный каменной стѣной, которая не даетъ глядѣть въ даль.

(Разсужденіе сумасшедшаго.)

Разговоръ сдѣлался споромъ. Буланинъ, въ пылу двадцати-лѣтнихъ убѣжденій, въ жару пренія, забывъ нѣсколько законы большого свѣта, возвысилъ голосъ. Графиня взглянула на него и улыбнулась.

— Нѣтъ!—продолжалъ онъ, отряхивая съ лица длинные волосы:—я не признаю этой необходимости. Я не могу находить приличнымъ общественное положеніе женщинъ. Глядя на это, у меня сжимается сердце.

— Хотите ли чаю?—спросила его хозяйка дома.

— Пожалуйте. Да, это варварство! Я не вижу нравственной причины, почему женщина должна слѣпо повиноваться, сносить обиды отъ мужа, самую тяжелую зависимость? Почему между ними нѣтъ никакого равенства?

Графиня взглянула опять на него, но не улыбнулась.

— Этому въ самомъ дѣлѣ трудно было бы найти логическое основаніе,—сказала она вполголоса.

— Vae victis!—говорилъ сидѣвшій возлѣ нея мужчина лѣтъ сорока.

— Что это значитъ?—спросила другая его сосѣдка, милая брюнетка въ розовомъ платьѣ:—я очень рада доказать вамъ, что не понимаю латинскаго языка.

— Это значитъ очень многое,—отвѣчалъ онъ,—это значитъ, между прочимъ, что если Францiя объявила войну Китаю, никто изъ насъ не удивился бы, узнавъ, что французы разбили войска какого-нибудь Ля.

— Tant de choses en deux mots,—сказала смѣясь розовая дама:—c'est une belle langue que la langue turque!

— По-французски все это можно тоже выразить однимъ словомъ,—прибавилъ онъ:—Parceque.

— Не думаете ли вы,—спросила его тихо изъ-за серебрянаго самовара хозяйка дома,—что если-бы китайцы получили другое воспитанiе, они сдѣлались бы иными?

— Я думаю,—отвѣчалъ онъ,—что имъ было бы больше чѣмъ трудно сдѣлаться французами. Да и къ чему ихъ передѣлывать? Я былъ въ Китаѣ и увѣряю васъ, что китайцы очень милы, а особенно китаянки, съ ихъ широкими личиками, вздернутыми глазами, ребяческими забавами. Все это имѣетъ свою прелесть.

Она бросила на него быстрый взглядъ и закусила губки.

— Помилуйте, Алексѣй Петровичъ,—возразилъ Буланинъ, услышавшій нѣсколько словъ этого отвѣта,—какъ можно не признавать вліянія образованности? Вы, стало быть, образованіе ставите ни во что? Вы говорите, что нельзя человѣка облагородить, пріучить его къ серьезному взгляду на жизнь, исправить его недостатки.

— Я говорю только,—прервалъ спокойно Алексѣй Петровичъ,—что изъ женской природы нельзя сдѣлать мужской.

— А я такъ думаю,—продолжалъ Буланинъ съ увлеченіемъ,—что всѣ недостатки женщинъ зависятъ отъ ихъ воспитанія, что онѣ, при другихъ условіяхъ, были бы, вѣроятно, гораздо совершеннѣе мужчинъ; но въ нихъ развиваютъ только самыя дѣтскія наклонности, и потомъ съ вѣжливымъ презрѣніемъ называютъ ихъ дѣтьми.

— Это вѣдь отчасти правда,—замѣтила графиня’

обращаясь къ Алексѣю Петровичу:--признайтесь, что воспитаніе женщинъ нелѣпо въ высшей степени, оно даже болѣе чѣмъ нелѣпо, оно все какъ будто нарочно идетъ наперекоръ здравому смыслу. Можно бы полагать, что почти каждая женщина воспитана своимъ злѣйшимъ врагомъ, такъ странно о ней заботятся. Она не можетъ пріобрѣсти богатства, какъ мужчина, и почти лишена закономъ наслѣдства отцовскаго; вслѣдствіе этого ей внушаютъ потребность роскоши и привычку считать богатство необходимымъ условіемъ существованія. Она не можетъ предложить мужчинѣ своей руки; соображаясь съ этимъ, ее съ дѣтства пугаютъ незамужествомъ, какъ постыдною бѣдой, дѣлаютъ ее неспособною къ самостоятельности и учатъ смотрѣть на нее, какъ на неприличіе. Легкомысленный выборъ можетъ сдѣлать ее несчастною на всю жизнь, надо же пріучать къ легкомысленности и капризамъ. Одного минутнаго увлеченія довольно, чтобы погубить ее невозвратно; зная это, развиваютъ въ ней кокетство и наклонность играть опасностью, удаляютъ все, что могло бы дать ей серьезное направленіе. Скажите сами, не такъ ли?

— Вы очень краснорѣчивы,—отвѣчалъ съ улыбкой Алексѣй Петровичъ,—и ваша выходка совершенно справедлива; но позвольте вамъ замѣтить, что вы ею только защищаете мое мнѣніе, на счетъ милой

слабости женской натуры; вы сами подтверждаете, что вашему полу невозможно устоять противъ какого бы то ни было вліянія. Вы говорите о воспитаніи женщинъ; но развѣ общее воспитаніе мужчинъ не въ тысячу разъ хуже женскаго? Меньше ли у насъ вредныхъ вліяній? И не гораздо ли больше опасныхъ испытаній и возможностей погубить себя?

— И вы остаетесь непоколебимы?—прервала графиня иронически:—это было бы довольно смѣлое утвержденіе.

— И великая ложь,—прибавилъ онъ.

— Такъ въ чемъ же состоитъ нравственная сила мужчинъ и ихъ преимущество?

— Вы сами отвѣчаете на этотъ вопросъ, графиня, когда ищете общества и даже дружбы мужчины, про котораго знаете, что ему случалось бывать съ пріятелями на попойкѣ. Женщину, про которую вамъ бы это сказали, вы бы не приняли въ свой домъ.

— Вы изъ этого заключаете?

— Это заключаете и вы: что женщина не мужчина; что ему труднѣе погибнуть, чѣмъ ей; что не только его физическая, но и нравственная его натура попрочнѣе женской.

— По крайней мѣрѣ,—раздался опять голосъ Буланина,—мы должны признать преимущество женщинъ въ томъ, что составляетъ лучшее качество человѣка, въ чувствѣ. Женщину всегда тронетъ благо-

родный поступокъ; на честную откровенность, на довѣріе—сердце ея всегда откликнется.

— Здѣсь столько дамъ, что я не смѣю возражать,— произнесъ Алексѣй Петровичъ.

— Какъ? вы и это оспариваете?—воскликнулъ Буланинъ.

— Боже сохрани!—отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ:— я также говорю, что женщину можно тронуть великодушіемъ и откровенностію, съ умѣніемъ и не всегда.

— Всегда! всегда!—повторилъ тотъ.

Скептикъ смолчалъ.

— Докажите противное,—продолжалъ Буланинъ,— докажите фактомъ.

— Ихъ очень много.

— Сообщите намъ хоть одинъ.

— Прекрасно,—обратилась графиня къ своему сосѣду,—вы довели себя до разсказа; это будетъ ваше наказаніе. Извольте начинать; разскажите, какъ требуетъ monsieur Буланинъ, въ защиту вашей ереси убѣдительный фактъ.

— И не выдуманный,—прибавила хозяйка дома.

— Я могу разсказать самый правдивый, если вамъ угодно его слышать,—сказалъ Алексѣй Петровичъ,— фактъ, подробности котораго я узналъ самымъ достовѣрнымъ образомъ.

— Превосходно! мы слушаемъ.

— Вы мнѣ позволяете не называть настоящихъ именъ,—продолжалъ Алексѣй Петровичъ.

— Позволяемъ,—отвѣчала хозяйка дома,—но вы ихъ, можетъ быть, намъ потомъ скажете на ухо.

Алексѣй Петровичъ улыбнулся и началъ:

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, если кому-нибудь, изъ пріѣхавшихъ недавно въ Москву, случалось въ обществѣ, по поводу имени, часто имъ слышаннаго, спросить: что такое Хозревскій? то слѣдовалъ непремѣнно изъ двухъ отвѣтовъ одинъ, смотря по тому, обращался ли этотъ вопросъ къ сосѣду или сосѣдкѣ. Сосѣдъ произносилъ обыкновенно безцеремонное изреченіе: Набитый дуракъ! Сосѣдка отвѣчала: C'est un excellent garçon.

Въ одномъ изъ московскихъ салоновъ, гдѣ въ пріемный день собралось довольно гостей, эти два различныя мнѣнія были разъ высказаны, въ двухъ противоположныхъ углахъ, слѣдующимъ образомъ: одному мужчинѣ, лѣтъ тридцати пяти, человѣку значительной наружности, съ смуглымъ, выразительнымъ лицомъ, говорилъ стоявшій близъ него чопорный москвичъ: „Хозревскій, ce n'est rien du tout. Имънія нѣтъ, родства порядочного также нѣтъ, не хорошъ собой, и глупъ, какъ колода. А, между тѣмъ, вездѣ имѣетъ входъ и, Богъ вѣсть почему, женщинамъ нравится“. Одной граціозной княгинѣ, молодой вдовѣ, пріѣхавшей на зиму въ Москву, изъ своего тамбовскаго помѣстья, говорила въ то же время уже пожилая, но еще очень привлекательная ея кузина:

„Хозревскій, ma chère amie, прекрасный человѣкъ, и повѣрь мнѣ, вовсе не такъ глупъ, какъ тебѣ скажутъ; на него напрасно нападаютъ. Онъ не блистателенъ въ салонѣ, не фатъ, c'est un homme sans prétentions, но у него есть много рѣдкихъ качествъ, онъ гораздо болѣе застѣнчивъ, чѣмъ простъ; et puis il a une si haute opinion des femmes! Я тебѣ его нынче представлю; онъ непремѣнно будетъ, только не суди по первому впечатлѣнію; надо съ нимъ познакомиться короче, чтобы его оцѣнить".

Во время этого разговора вошелъ въ салонъ новый гость, молодой человѣкъ, котораго замѣтить не было ровно никакой причины. „Вотъ онъ", сказала кузина прекрасной вдовы. „Вотъ онъ", сказалъ чопорный москвичъ своему собесѣднику; „видите, какая фигура; кажется, незавидная. А посмотрите какъ его примутъ дамы." Они выдвинулись изъ своего угла, и смуглый мужчина остановился напротивъ креселъ, въ которыхъ сидѣла княгиня. Если ея чудныя черныя брови въ эту минуту слегка дрогнули, то никакъ нельзя было приписать его появленію это едва замѣтное движеніе. Ея кузина отвѣчала, между тѣмъ, на почтительный поклонъ приблизившагося Хозревскаго: „Здравствуйте, Трофимъ Лукичъ! Очень рада васъ видѣть, какъ и всегда. Я васъ нынче заставлю меня поблагодарить, представлю васъ моей двоюродной сестрѣ, о которой я вамъ такъ много гово-

рила. Ma chère Aline, Трофимъ Лукичъ Хозревскій. Сдѣлай, пожалуйста, чтобы онъ тебя не слишкомъ боялся.“

— Suis-je si formidable?—спросила смѣясь княгиня.

— Иногда,—отвѣчала кузина Настасья Павловна,—если тебѣ придетъ охота тѣшиться надъ кѣмъ-нибудь, ты бываешь безчеловѣчна.

— Прекрасная рекомендація—прервала княгиня,—и лучшій способъ ободрять робкихъ людей. Не правда ли, monsieur Хозревскій?

— Это меня не пугаетъ, княгиня,—отвѣчалъ Хозревскій тихимъ голосомъ:—я не думаю, что буду вашей жертвой.

— Что вамъ даетъ эту увѣренность?—спросила прелестная вдова, останавливая на немъ свои опасные глаза.

— Точное понятіе о самомъ себѣ,—отвѣчалъ Хозревскій.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Разумѣется, княгиня. Лежачаго не бьютъ.

— Сядьте,—сказала она, указывая ему на близкій стулъ,—и вообразите себѣ, что мы уже давно знакомы; это лучшее средство, чтобы отстранить несносную церемонность первой встрѣчи и сдѣлать разговоръ непринужденнымъ. Хозревскій помѣстился на указанный ему стулъ, но съ такимъ скромнымъ видомъ, что, сидя казался гораздо почтительнѣе къ княгинѣ нежели тѣ, которые передъ ней стояли.

— Вы постоянный житель Москвы?—спросила она.

— Съ тѣхъ поръ, какъ воротился изъ чужихъ краевъ.

— Вы долго тамъ пробыли?

— Три года.

— Гдѣ болѣе?

— Всего дольше въ Парижѣ и въ Италіи.

— Италія лучше всего, не правда ли?

— Италія такая же земля, какъ и другія.

— Въ нѣкоторомъ отношеніи, конечно,—сказала она улыбаясь:—однако это земля всего изящнаго, земля художествъ.

— Я не художникъ, и не умѣю цѣнить искусство,— отвѣчалъ Хозревскій смиренно.

— Можно не умѣть его цѣнить, но нельзя не чувствовать его вліянія,—продолжала княгиня.

— Вы были въ Ватиканѣ?

— Цѣлое утро.

— И неужели вы изъ него не вынесли никакого впечатлѣнія? Этому быть нельзя. Я видѣла многихъ посѣтителей Ватикана, но не видала никого, кто бы вышелъ оттуда хладнокровно; всѣ, хоть безсознательно, признавали силу генія, всѣ чувствовали хоть то странное утомленіе, которое есть также доказательство власти изящнаго надъ нами; мы не въ состояніи долго смотрѣть на прекрасное, оно насъ подавляетъ своимъ величіемъ; душа устаетъ.

— У меня устали ноги,—сказалъ Хозревскій. Княгиня разсмѣялась.

— Вы этою откровенностію погубите себя невозвратно во мнѣніи Алины,—замѣтила Настасья Павловна:—она вся предана искусству и сама отличный живописецъ.

— Я бы восхищался картинами княгини,—произнесъ скромно Хозревскій,—только потому, что ихъ написала она.

— А не потому, что онѣ хороши?—спросила иронически Алина.

— Осмѣлюсь замѣтить,—возразилъ застѣнчиво Хозревскій,—что хорошихъ картинъ много.

— А такихъ женщинъ, какъ Алина, немного,—прибавила Настасья Павловна,—не правда ли, вотъ ваша мысль?

— Я не смѣлъ бы такъ опредѣленно выразить ее,—отвѣчалъ Трофимъ Лукичъ.

— А почему же вы знаете, много ли такихъ, какъ я, или нѣтъ? И чѣмъ же я вамъ, въ теченіи этихъ пяти минутъ доказала мое преимущество надъ другими?—подхватила княгиня съ легкой насмѣшкой.

Хозревскій поднялъ на нее глаза, и опустилъ ихъ опять.

— Княгиня,—отвѣчалъ онъ,—вы меня хотите заставить сказать еще какую-нибудь нелѣпость; я знаю, что я глупъ; впрочемъ, что мнѣ этого стыдиться?

болѣе или менѣе, все равно: вѣдь передъ вами всѣ глупы, прибавилъ онъ, вставая со стула, чтобъ уступить его приближавшейся дамѣ.

— A revoir,—сказала ему княгиня,—je suis toujours chez moi dans l'avant soirée. Я буду васъ ожидать, а вы слишкомъ вѣжливы, чтобы заставить меня ждать васъ напрасно, n'est ce pas?

Хозревскій молча поклонился и отошелъ.

Княгиня вооружилась своимъ лорнетомъ, и стала пристально осматривать салонъ, такъ пристально, что оно могло казаться не совсѣмъ естественно.

— Вы меня извините, если я воспользуюсь нежданнымъ случаемъ, который насъ здѣсь сближаетъ?—послышался вопросъ.

Княгиня взглянула: на мѣстѣ только что удалившейся Настасьи Павловны сидѣлъ тотъ смуглый мужчина, который былъ свидѣтелемъ ея разговора съ Хозревскимъ.

—C'est vous monsieur Wismer!—сказала она;—я васъ давеча не узнала.

— Я бы не удивился, если-бъ вы меня и вовсе не узнали, княгиня,—отвѣчалъ Висмеръ;—это было бы очень натурально. Но слыша, съ какимъ одушевленіемъ вы сейчасъ говорили объ Италіи, я смѣлъ надѣяться, что въ вашей памяти сохранились даже самыя маловажныя обстоятельства вашего пребыванія въ Римѣ.

Все это было сказано чрезвычайно вѣжливо; одной княгинѣ слышалась тутъ какая-то особая интонація. Она слегка улыбнулась недружелюбно.

— Вы, вѣроятно, не знаете,—молвила она,—что я одарена самою завидною и рѣдкою способностію: я помню только то̀, что мнѣ было пріятно.

— Въ такомъ случаѣ, княгиня, я для васъ человѣкъ совершенно чужой, и позволю себѣ вамъ представиться: Юрій Висмеръ. Я сейчасъ видѣлъ, какъ любезно и снисходительно вы умѣете вступать въ новое знакомство, и это меня ободряетъ.

— Но, чтобы знакомиться, нужно непремѣнно одно условіе.

— Позвольте узнать, какое?

— Обоюдное желаніе сблизиться, а я не имѣю никакой основательной причины предполагать его между нами.

— Что касается меня, княгиня, то съ моей стороны это желаніе очень живо. Вы меня не знаете; я человѣкъ эксцентрическій, люблю все, что необыкновенно, что выдается изъ общаго порядка вещей.

— Прекрасно; но если вы не находите внѣ порядка вещей мое равнодушіе къ людямъ эксцентрическимъ, то я должна васъ предупредить, что во мнѣ нѣтъ ничего, что могло бы васъ интересовать.

— Вамъ о себѣ судить нельзя, княгиня, вашему геніальному уму кажется совершенно просто и легко

то, что другихъ приводитъ въ изумленіе; вы не понимаете, что они и мыслить не смѣютъ о томъ, что вы совершаете шутя.

Отвѣты слѣдовали быстро другъ за другомъ, какъ удары двухъ противниковъ. Гдѣ присутствующіе замѣчали только шутливую и ловкую салонную стычку, происходилъ безпощадный поединокъ.

Но княгиня начала отступать.

— Ваше мнѣніе очень лестно, но вы понимаете, что я не могу раздѣлять его,—сказала она.

— Эта скромность только новое доказательство что я не ошибаюсь насчетъ вашихъ необыкновенныхъ дарованій,—продолжалъ неумолимо Висмеръ;— вы, какъ всѣ великіе художники, недовольны собой, понимая, что вы въ силахъ сдѣлать еще несравненно болѣе, чѣмъ сдѣлали.

Дуэль продолжалась; Висмеръ бралъ верхъ.

— Вы, кажется, имѣете притязаніе отгадывать всѣ помыслы и чувства тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаетесь?

И княгиня, прибѣгая къ послѣднимъ средствамъ, подняла глаза на противника, сопровождая свой отвѣтъ взглядомъ, который служилъ неожиданнымъ комментаріемъ рѣзкой рѣчи.

Но противникъ не уважилъ его.

— Провидѣніе одарило каждую тварь какимъ-нибудь способомъ защищаться,—отвѣчалъ онъ смѣясь:— почему же вы хотите, чтобы я одинъ былъ совер-

шенно безоруженъ? Эта способность отгадывать тайныя побужденія и умыслы людей, съ которыми я имѣю дѣло, моя единственная оборона.

— Но гдѣ нѣтъ опасности?

— Гмъ!—сказалъ Висмеръ.

— Однако,—продолжала она, полушутливымъ тономъ,—вы должны въ каждомъ человѣкѣ, кромѣ папы, если вы католикъ, допускать возможность ошибиться.

— Непремѣнно.

— Et vous n'êtes pas le pape.

И она сдѣлала стройною рукой легкое, граціозное, чуть ли не привѣтливое движеніе; ея бѣлая перчатка могла, въ эту минуту напомнить о флагѣ, который выкидываетъ осажденная крѣпость, желающая вступить въ переговоры.

— Княгиня,—сказалъ Висмеръ съ серьозной иронiей,—позвольте мнѣ васъ поздравить съ вашими успѣхами въ военномъ искусствѣ; я вижу, что вы упражнялись, хотя и прежде были превосходны; но и я старый воинъ. Я знаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, всѣ средства позволительны, чтобы уничтожить непріятеля, даже тѣ, которыя вы употребляете теперь. Извините меня, если я вамъ не поддамся.

Амазонка выпрямилась подъ ударомъ.

— Monsieur Висмеръ,—проговорила она,—вы,—кажется, могли бы меня, гораздо больше кстати, поздравить съ другимъ, а именно съ вѣрностію моего инстин-

кта, который оцѣнилъ ваши способности и заранѣе предчувствовалъ, до какого развитія онѣ должны были дойти; вы вполнѣ оправдали мои ожиданія и усовершенствовались даже сверхъ чаянія моего. Я вижу, что женщинѣ съ вами имѣть дѣло нельзя; не знаю, въ правѣ ли вы этимъ гордиться?

Она встала.

— Княгиня,—сказалъ Висмеръ, также вставая и понижая голосъ,—я постигаю всю необъятность моей вины; я знаю, что я вамъ нанесъ то единственное оскорбленіе, которому великодушіе дамъ извиненія не находитъ. Я знаю, что женщина можетъ простить того, кто ее рѣжетъ, даже того, кто ей измѣняетъ, но никогда того, кто ее отгадываетъ вполнѣ. Я не имѣю права на ваше милосердіе, и долженъ безропотно нести вашъ гнѣвъ.

Ихъ взоры встрѣтились; въ теченіи минуты произошла между ними борьба, послѣдняя жестокая схватка.

— Bonsoir, monsieur Wismer,—сказала княгиня развязно, съ тѣмъ стоицизмомъ, до котораго дойти способна только свѣтская женщина.—Sans rancune, прибавила она, протягивая ему руку.

Пальцы Висмера коснулись холодной лайки ея перчатки, и на губахъ его мелькнула, противорѣча дружелюбному движенію, двусмысленная улыбка.

— Кто это съ вами тамъ говорилъ? Вѣрно ино-

странецъ?—спросила нарядная старуха подошедшую къ ней княгиню Алину.

— Нѣтъ, русскій, отвѣчала—княгиня,—живописецъ Висмеръ. Я познакомилась съ нимъ въ Римѣ. Человѣкъ съ талантомъ.

— А!--сказала старая дама, которая съ тѣмъ же глубокимъ душевнымъ спокойствіемъ снесла бы и сообщеніе, что онъ безъ таланта.

Въ слѣдующее утро Настасья Павловна, выходя изъ одного моднаго магазина Кузнецкаго моста, встрѣтилась съ Хозревскимъ.

-- Откуда вы, Трофимъ Лукичъ?

— Отъ нашей прекрасной кузины,—отвѣчалъ онъ съ самымъ почтительнымъ поклономъ.

— Не правда ли, милая женщина?

— Очень. Вѣдь женщина должна быть мила; это ея принадлежность.

-- Есть женщины, которыя особенно милы, и болѣе другихъ,—молвила Настасья Павловна.

— Да, и которыя сами этого не знаютъ,—сказалъ онъ какъ замѣчаніе новое.

— Однако, берегитесь,—прибавила она смѣясь,—не влюбитесь pour tout de bon въ Алину. Вы въ опасности.

— Что вамъ до меня и до того въ опасности ли я?—отвѣчалъ онъ:—кого это интересуетъ?

— До свиданія!—сказала она съ благосклонною улыбкой, и, сѣвъ въ свою карету, кивнула ему головой.

Нѣсколько дней позднѣе, сидѣло вокругъ княгини Алины, въ ея кабинетѣ, небольшое мужское общество, только что накормленное ею отличнымъ обѣдомъ. Прислуга разносила кофе. Разговоръ шелъ живо, и княгинѣ почти не нужно было поддерживать его. Всѣ присутствующіе были люди, знающіе условія общежитія. Даромъ нигдѣ не обѣдаютъ; въ княжескомъ домѣ такъ же платятъ за обѣдъ, какъ въ гостиницѣ, платой болѣе затрудняющей, остроумною по силѣ бесѣдой, анекдотами и bons mots.

Княгиня была въ этотъ день еще болѣе привлекательна, чѣмъ обыкновенно. Она не даромъ любила принимать въ своемъ кабинетѣ; онъ ей былъ такъ къ лицу, и она была къ лицу ему. Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о кабинетѣ княгини; сколько въ немъ высказалось вкуса и умѣнья; все изящное въ немъ казалось такъ неизысканно, не продумано, такъ просто все богатое, такъ невольно всякое доказательство художественнаго дарованія и рѣдкихъ для женщины свѣдѣній. Ничто не бросалось въ глаза изъ того, что̀ должно было непремѣнно быть замѣчено.

Тутъ было, въ этотъ день, общество, какому слѣдовало тутъ быть, гости à deux fins, аристократы, корчащіе изъ себя артистовъ, и артисты, корчащіе изъ себя аристократовъ. Тутъ былъ, Богъ вѣсть почему, и Хозревскій. Разсуждали и спорили о вся-

кой всячинѣ; наконецъ, рѣчь зашла о приключеніи, которымъ занималась Москва, о свадьбѣ, вдругъ неизвѣстно почему разстроившейся. Кто-то замѣтилъ:

— А говорятъ, что они другъ друга любятъ.

— То-есть будто любятъ,—сказала княгиня.

— Какъ будто?—спросили два-три человѣка въ одинъ голосъ.

— Знаете ли вы, — отвѣчала она, — какъ дѣти играютъ въ покупку и продажу, выдавая другъ другу камушки, которые они условились называть деньгами? Такъ и мы, за неимѣніемъ любви, замѣняемъ ее условными словами и знаками. Только мы иногда бываемъ глупѣе дѣтей и больше ихъ увлекаемся и вѣримъ въ цѣнность нашихъ камушковъ; а потомъ, опомнившись, стыдимся. Такую условную любовь я вездѣ видѣла, истинной любви никогда не видала, да кажется, и никто не видалъ. Какъ вы думаете, monsieur Хозревскій?

— Не знаю, княгиня, — былъ отвѣтъ, — только мнѣ кажется, что коли есть имя, то должно быть и то, что названо этимъ именемъ.

— Напротивъ,—подхватила она живо,—гдѣ названіе, тамъ-то часто и нѣтъ самой вещи и наоборотъ.

— Не понимаю этого—сказалъ Хозревскій,—и думаю, что трудно это доказать.

— Вовсе не трудно,—продолжала княгиня;—замѣтьте, что у народа не бываетъ названія для того, что

составляетъ его общую, коренную черту. На англійскомъ языкѣ нѣтъ слова скука. Миссъ Эджвортъ должна была назвать свою повѣсть французскимъ словомъ Ennui. А французы, въ свою очередь, не имѣютъ слова: односторонность. Весь народъ до того естественно односторонен, что онъ этого вовсе не замѣчаетъ, и не думаетъ обозначать словомъ.

Сидѣвшій возлѣ княгини вельможа сталъ апплодировать концами пальцевъ, и одинъ молодой человѣкъ сказалъ:

— Еще одно доказательство справедливости вашего мнѣнія, княгиня: на русскомъ языкѣ нѣтъ слова граціозность, преимущество русской женщины.

— Но зато,—отвѣчала она,—нѣмцы имѣютъ для граціозности два названія.

Гости засмѣялись.

— Куда вы?—сказала княгиня важному барину, вставшему съ креселъ возлѣ нея.

— Меня ждутъ въ клубѣ. Bon soir, chère princesse.

И другіе гости взяли шляпы.

— Вы всѣ нынче къ Ельскимъ?—спросила хозяйка дома.

— Непремѣнно.—И вы тоже, княгиня?

— Нѣтъ.

— Гдѣ же вы будете?

— Здѣсь въ этой комнатѣ. Мнѣ лѣнь ѣхать.

— Что вы это! вамъ грѣшно не показывать себя. Тамъ съѣдется тьма народа.

— Raison de plus,--отвѣчала она. — Желаю вамъ много удовольствія.

Они отправились. Хозревскій, готовый слѣдовать за другими, поклонился княгинѣ.

— И вы на вечеръ Ельскихъ, monsieur Хозревскій?

— Если бы не было смѣшно мнѣ признаться въ какомъ-нибудь сходствѣ съ вами, княгиня, я бы вамъ сказалъ, что и мнѣ не хочется туда.

— Такъ останьтесь еще; поболтаемъ.

Онъ повиновался. Черезъ полтора часа, когда княгиня позвонила и велѣла подать чай, Хозревскій еще сидѣлъ съ ней вдвоемъ въ прекрасномъ кабинетѣ.

Если вы меня теперь спросите, чѣмъ Трофимъ Лукичъ Хозревскій могъ понравиться княгинѣ Алинѣ, то мнѣ придется выговорить истину, которую дамы желаютъ скрыть, не понимаю почему, тѣмъ болѣе, что она едва ли кому неизвѣстна. Прося прощенія у присутствующаго прекраснаго пола и отсутствующаго, я долженъ сказать, что никто меньше женщинъ не склоненъ къ равенству, и ничто дамамъ такъ не надоѣдаетъ, какъ моральное равновѣсіе съ нами. Всякая женщина признается самой себѣ, что сближаясь съ мужчиной, она хочетъ видѣть его или гораздо выше ея, или гораздо ниже, что ей истинно непріятно встрѣтить или человѣка, которому она удивляется, или человѣка, который удивляется ей.

Этимъ послѣднимъ удовольствіемъ княгиня вполнѣ насладилась въ вышеупомянутый вечеръ, оставшись съ глазу на глазъ съ Хозревскимъ. Такого наивнаго изумленія и благоговѣнія она еще не встрѣчала. И притомъ, послѣ всѣхъ самолюбивыхъ усилій и неугомонной замысловатости ея гостей, успокоительно-отрадно было отсутствіе всякихъ притязаній со стороны этого собесѣдника! Разговоръ (который состоялъ почти только изъ монолога) шелъ какъ по маслу. Княгиня передъ скромнымъ слушателемъ пощеголяла талантами, ученостью, философическимъ взглядомъ, глубокомысліемъ, убѣжденіями, чувствомъ, силой духа,—всѣмъ разнообразіемъ своего запаса. Она ошеломила бѣдняка, закидала его своимъ умственнымъ избыткомъ, ослѣпила своимъ блескомъ, подавила своимъ огромнымъ преимуществомъ. Она говорила отлично, а онъ слушалъ съ такою безусловною вѣрой, какъ язычникъ внималъ изреченіямъ Пиѳіи, или, лучше, какъ ребенокъ слушаетъ сказку. Выходя на улицу изъ дома княгини, Трофимъ Лукичъ улыбался самодовольно.

Съ этого дня Хозревскій имѣлъ право бывать у княгини; и онъ такъ скромно пользовался этимъ правомъ, что къ нему часто являлся слуга со словами: „княгиня приказала васъ просить зайти нынче утромъ“; или: „княгиня приказала вамъ доложить, что будетъ нынче вечеромъ дома, и желаетъ васъ ви-

дѣть". Въ этомъ случаѣ Хозревскій, являвшійся на приглашеніе, заставалъ, обыкновенно, княгиню одну и они опять бесѣдовали вмѣстѣ, такъ же какъ въ тотъ первый разъ. Онъ все такъ же сидѣлъ передъ ней, какъ школьникъ передъ учителемъ, слушая такъ непрекословно, какъ будто бы принималъ прекрасную вдову за того стараго гувернера, который повторялъ воспитаннику: „Молчи, когда со мной говоришь!" Геніальность княгини передъ умственными способностями наивнаго молодого человѣка находилась въ пріятномъ положеніи красавицы передъ зеркаломъ; княгиня видѣла въ немъ только свое собственное отраженіе. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Въ свѣтѣ говорили, что княгиня Алина хандритъ. Ее точно встрѣчали рѣже на послѣднихъ балахъ и раутахъ. Докторъ княгини говорилъ, что у ней разстроены нервы. Горничныя ея говорили въ дѣвичьей, что княгинѣ съ нѣкоторыхъ поръ никакъ не угодишь. Такъ какъ это обыкновенный признакъ разстроенныхъ нервовъ, то, вѣроятно, докторъ былъ правъ. Сама княгиня говорила, что ей Москва ужасно надоѣла, и вся Москва находила, что это очень понятно. И все тянулось тѣмъ же порядкомъ, все продолжали продолжаться, холодъ и метелица на дворѣ, обѣды и рауты, и толки и сплетни въ домахъ.

Но всему въ мірѣ есть конецъ, даже московской зимѣ. Недѣли двѣ успѣли измѣнить видъ неба и земли.

Вдругъ, какъ почти всегда у насъ бываетъ, пропалъ мокрый снѣгъ у насъ на улицахъ, пропали сѣрыя тучи въ воздухѣ, и въ Бѣлокаменной очутилась весна, импровизація нашей сѣверной природы.

Съ этимъ общимъ видоизмѣненіемъ совершилась перемѣна и въ препровожденіи времени московскаго общества; началась стародавняя церемонія первыхъ теплыхъ дней, гулянье на Тверскомъ бульварѣ.

Въ одно прекрасное утро, бульваръ пестрѣлъ цвѣтными нарядами лучшей половины человѣчества и темными облаченіями худшей, и къ длинной аллеѣ подъѣзжали еще безпрестанно экипажи, съ грузомъ барынь и барышень. Чудесная пара вороныхъ лошадей примчала туда и коляску княгини Алины. Пять-шесть молодыхъ людей, стоявшіе кучкой вблизи, поспѣшили поклониться, когда прошла мимо ихъ обсерваціоннаго корпуса сіятельная вдова, сопровождаемая Настасьей Павловной. Ей меньше другихъ можно было пройти, не привлекая взоровъ и не возбуждая толковъ этой чопорной молодежи.

— Какъ она умѣетъ одѣваться!

— Чего она не умѣетъ.

— Держу пари, что все вздоръ.

— Что?

— Что она обращаетъ вниманіе на этого дурака Хозревскаго.

— Можетъ быть, вздоръ, а, можетъ быть, и не вздоръ.

— Помилуй! что въ немъ?

— То-то и есть, что ничего нѣтъ.

— Не причина нравиться.

— Напротивъ, очень хорошая причина; Хозревскій— кусокъ чернаго хлѣба, послѣ всѣхъ пряностей и конфектъ, которыми ее закормили.

— Нелѣпыя московскія выдумки.

— Висмеръ! Висмеръ! подойдите сюда; здѣсь идетъ интересный для васъ споръ.

— О чемъ?—спросилъ подозванный Висмеръ.

— Мы говоримъ о вашемъ соперникѣ.

— О какомъ соперникѣ.

— О Хозревскомъ.

— Въ чемъ же я имѣю честь быть соперникомъ этого господина?

— Не притворяйтесь; кто же не знаетъ, что вы поклонникъ княгини Алины?

— Кто же не поклонникъ ея?

— Говорятъ, что она вамъ предпочитаетъ Хозревскаго.

— Я самъ это говорю.

— А между тѣмъ, ухаживаете за ней всѣми силами; вездѣ ее отыскиваете; вчера въ концертѣ вы не отходили отъ нея, и теперь пришли сюда навѣрное для нея.

— Можетъ статься. Княгиня здѣсь?

— Вотъ она остановилась возлѣ Ельскихъ. Розовый зонтикъ.

— Такъ въ качествѣ ея поклонника иду ей поклониться.

— Вы по уши влюблены въ нее, Висмеръ.

Висмеръ улыбнулся и пошелъ туда, гдѣ мелькалъ розовый зонтикъ надъ бѣлой шляпкой и свѣтло-сѣрымъ платьемъ княгини.

Обсерваціонный корпусъ сталъ также подвигаться впередъ среди пестрой толпы. Ему навстрѣчу скоро явилось снова, приближаясь съ противоположнаго конца бульвара, это гордое платье, съ серебристымъ отливомъ, блеснула между другими шляпками эта лучшая шляпка, бѣлый chef d'œuvre Парижа, осѣянная нѣжнымъ зонтикомъ. Рядомъ выдавалось смуглое лицо Висмера. Онъ, наклоняясь къ изящной княгинѣ, говорилъ весело,—она отвѣчала смѣясь, и между тѣмъ, играла нетерпѣливо лорнетомъ, и съ помощью его оглядывалась во всѣ стороны, словно чего-то отыскивая или ожидая чего-то, можетъ быть, избавленія.

На одной изъ многочисленныхъ скамеекъ расположенныхъ зеленымъ рядомъ для удобства публики, сидѣлъ Хозревскій возлѣ старичка, котораго всякій, даже въ первый разъ встрѣтившій его тутъ, долженъ былъ непремѣнно причислить къ московской знати, видя, какъ онъ опирался на трость, уставлен-

ную между ногъ его, какъ кивалъ головой знакомымъ, какъ поправлялъ свои золотые очки, какъ, говоря, шевелилъ спесивыми губами. При первомъ появленіи княгини, Трофимъ Лукичъ поспѣшно всталъ съ мѣста и пропустилъ ее съ поклономъ, исполненнымъ безграничнаго почтенія. Теперь обѣ кузины, съ упорнымъ спутникомъ своимъ опять показались вблизи этихъ скамеекъ, занятыхъ зрителями. Висмеръ все еще разговаривалъ съ княгиней; ея взгляды все также сверкали безпокойно, и вдругъ наткнулись на Хозревскаго, скромно подходившаго. Не онъ могъ помочь ей, если она въ самомъ дѣлѣ нуждалась въ помощи; если она въ эту минуту искала человѣка, и умѣющаго догадаться, и способнаго выручить ее, ей некстати представился невинный Трофимъ Лукичъ. Она продолжала глядѣть кругомъ, между тѣмъ, какъ онъ произнесъ привычнымъ смиреннымъ тономъ:

— Извините, monsieur Висмеръ, я долженъ вамъ сказать, что я сдѣлалъ глупость въ отношеніи къ вамъ.

Висмеръ взглянулъ на него съ невольною улыбкой.

— Какъ это?

— Извините мой вопросъ,—продолжалъ Хозревскій;—не говорили ли вы вчера вечеромъ, что желаете видѣть картину Дюрера, которую привезъ изъ-за границы графъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Нѣтъ, не говорилъ.

— Стало быть, я дѣйствительно сдѣлалъ глупость и прошу васъ простить меня. Я былъ увѣренъ, что вы высказали это желаніе, и теперь сообщилъ его здѣсь графу. Онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что будетъ чрезвычайно радъ узнать ваше мнѣніе, точно ли это оригиналъ; и такъ какъ графъ нынче же отправляется въ свое орловское имѣніе, то онъ очень проситъ васъ сейчасъ же съѣздить съ нимъ посмотрѣть на картину. Графъ увѣренъ, что вы согласитесь доставить ему и себѣ это удовольствіе.

Висмеръ подошелъ къ скамейкѣ, откуда обращалось къ нему привѣтливое лицо старика-вельможи и этотъ, вставъ, взялъ его подъ руку.

Прекрасные глаза княгини Алины вперились въ Хозревскаго съ такимъ страннымъ выраженіемъ, какъ будто бы онъ, своею рѣчью къ Висмеру, заткнулъ за поясъ всѣхъ величайшихъ ораторовъ міра; и она улыбалась такъ умильно, что Настасьѣ Павловнѣ могло прійдти въ голову Богъ знаетъ что.

Трофимъ Лукичъ, не замѣтивъ, вѣроятно, изумленнаго взгляда княгини, и не полагая себя виновникомъ ея милой улыбки, прошелся еще разъ по бульвару съ плѣнительными кузинами и посадилъ ихъ потомъ въ коляску, причемъ княгиня невольно пожала ему руку.

Онъ пошелъ домой въ глубокой задумчивости. Не

искалъ ли онъ причины этого нежданнаго рукопожатія?

На дворѣ весело лилъ весенній, свѣтлый, проливной дождикъ, внезапный и непродолжительный, какъ женскій капризъ. Близь отворенной балконной двери кабинета сидѣла княгиня опять съ глазу на глазъ съ Хозревскимъ, что случалось уже почти каждый день. Она серьезно взялась за трудъ развить и перевоспитать его.

Быть орудіемъ просвѣщенія составляло для нея занятіе новое, и уже поэтому забавное; да она и видѣла успѣхъ своихъ стараній: Трофимъ Лукичъ въ самомъ дѣлѣ становился смѣтливѣе; воспитаніе шло ему въ прокъ. Мало-по-малу педагогическія упражненія княгини сдѣлались для нея необходимы, какъ ея пахитосъ. Если вялый голландецъ могъ наполнить всю свою жизнь заботой о тюльпанѣ, не удивительно, что впечатлительная княгиня болѣе и болѣе предавалась заботѣ о Хозревскомъ. Иной психологъ могъ бы, пожалуй, полагать ее на прямой дорогѣ къ непредвидѣнному ею результату. Свойственно человѣку нѣкоторое нѣжное расположеніе къ своему собственному произведенію: до какого развитія можетъ дойти такая естественная привязанность, тому служитъ примѣромъ Пигмаліонъ, этотъ типъ авторовъ. Дамы же, существа преимущественно чувствительныя, еще болѣе одарены способностью

сильно интересоваться тѣмъ, надъ чѣмъ онѣ трудятся, и опытъ заставляетъ насъ вѣрить, что ни одна изъ нихъ не занималась безнаказанно похвальнымъ трудомъ усовершенствовать ближняго. Есть своего рода опасность въ исполненіи добродѣтелей, и не даромъ понятливые французы говорятъ, что „адъ вымощенъ хорошими намѣреніями". Существовала ли хотя малѣйшая опасность въ этомъ случаѣ, для княгини Алины? Этотъ вопросъ ей, кажется, и въ голову не приходилъ. Была ли тутъ опасность для Хозревскаго? Этого второго вопроса она себѣ, вѣроятно, также не задавала, по другой причинѣ, потому что онъ въ ея умѣ былъ уже apriori рѣшенъ утвердительно. Что просвѣщеніе Хозревскаго не могло быть имъ пріобрѣтено даромъ, это было въ порядкѣ вещей и необходимо, по мнѣнію княгини; и она по нѣкоторымъ признакамъ, могла убѣждаться, что не ошиблась въ своемъ предположеніи. При всемъ томъ, было бы трудно сказать, чѣмъ дальнѣйшія бесѣды ея съ Хозревскимъ разнились отъ самой первой; но въ такихъ случаяхъ особенно ясно именно то, чего опредѣлить нельзя. Оно становилось яснѣе съ каждымъ днемъ, не только для опытной княгини, но и для случайнаго свидѣтеля этихъ засѣданій. Когда прекрасная воспитательница говорила, краснорѣчиво какъ всегда, глаза воспитанника были внимательнѣе его ушей, и

онъ порой такъ прилежно слѣдилъ взоромъ за ея рѣчью, что плохо ее слышалъ, и отвѣчалъ вовсе невпопадъ. Княгиня снисходительно прощала ему эти ошибочные отвѣты и не обижалась его разсѣянностью.

Разсѣянность была въ самомъ дѣлѣ извинительна, во время преподаванія княгини; было на что заглядѣться Трофиму Лукичу. Теперь она опять сидѣла такъ граціозно, среди своей прекрасной обстановки. Возлѣ нея благоухала груда разноцвѣтныхъ гіацинтовъ; нѣсколько экзотическихъ растеній склоняли надъ ея головой широкія листья; покоясь въ маленькомъ диванѣ, она играла китайскимъ вѣеромъ. Она разсуждала о странныхъ событіяхъ вѣка Людовика XIV, и говорила о страшной маркизѣ де Бренвиллье. Она разсказывала всю исторію этого чудовищнаго феномена; безчисленныя злодѣянія, совершенныя маркизой посредствомъ тонкаго яда, которымъ снабжалъ ее любовникъ ея, развратный Сентъ-Круа; умерщвленіе отца ея, братьевъ и сестры съ цѣлью получить наслѣдство; развитіе въ этой женщинѣ ужасной страсти къ убійству, такъ что она стала отравлять людей безъ всякой причины; смерть злодѣя де-Сентъ-Круа и казнь маркизы, и какъ вдругъ послѣ казни, опять, непонятнымъ образомъ, таинственныя отравленія возобновились во всѣхъ слояхъ общества пуще прежняго, до того, что отецъ боялся

сына, братъ брата; какъ, наконецъ, отыскалась старуха, которая продавала тотъ же ядъ, и какъ у ней былъ найденъ реестръ, наполненный знатными именами особъ, прибѣгнувшихъ къ ея ужасному искусству. Княгиня разсказывала мастерски; она развивала эту пугающую мысль о способности человѣка звѣрски освирѣпѣть въ средѣ образованности, чувствовать возрастающую склонность къ злодѣйству и совершать его съ наслажденіемъ. Хозревскій сидѣлъ передъ ней, исполненный глубочайшаго вниманія; онъ смотрѣлъ, какъ кружевная косынка, накинутая на черные волосы его учительницы, обозначала дивный овалъ ея лица, какъ мило иногда сдвигались тонкія брови, какъ хороша была рука, отдыхавшая на темномъ бархатѣ подушки.

— И что всего болѣе поражаетъ въ исторіи этихъ гнусныхъ убійствъ,—продолжала княгиня,—это воззрѣніе на нихъ тогдашняго общества. Дать этому яду названіе порошка наслѣдства, poudre de succession, это, по-моему, отвратительнѣйшее проявленіе народнаго духа; точно также для меня ужаснѣй всѣхъ лютыхъ дѣлъ, совершенныхъ въ теченіе первой французской революціи, тогдашняя мода являться въ обществѣ съ окровавленнымъ пальцемъ и учрежденіе баловъ des victêmes. Устроить праздники женамъ, дѣтямъ, братьямъ и сестрамъ казненныхъ, это такая черта, что въ сравненіи съ

ней каннибалы могутъ хвалиться своею нравственностію, не правда ли?

Княгиня взглянула вопросительно на неподвижнаго Хозревскаго, ожидая его мнѣнія. Оно послѣдовало не тотчасъ. Онъ размышлялъ.

— Я думаю,—сказалъ онъ, наконецъ,—что мнѣ надо рѣже здѣсь бывать.

И онъ взялъ шляпу и ушелъ, забывъ поклониться. Княгиня не обидѣлась и этою неловкостью.

Въ тотъ же вечеръ поздно, или точнѣе сказать, на другой день рано, то-есть въ третьемъ часу утра, швейцаръ княгини Алины, услыша въ просонкахъ громкій, вдругъ прервавшійся у подъѣзда стукъ кареты, вскочилъ со стула, на которомъ дремалъ, и кинулся отворять дверь. Мимо мелькнула княгиня, сбросила на полъ бурнусъ, котораго подхватить не успѣлъ входившій за нею лакей, и вбѣжала на чугунную лѣстницу. Вверху въ передней другой слуга, также протирая глаза, вскочилъ при появленіи барыни и, полусонный, едва понялъ ея приказанія: „Огня въ кабинетъ!“ Горничная Марѳа Терентьевна, пробужденная тою же шумно подъѣхавшею каретой, поспѣшила въ спальню княгини, чтобы раздѣть ее; но спѣшить Марѳѣ Терентьевнѣ было не нужно; княгиня не вошла въ свою спальню. Это показалось такъ странно ревностной служанкѣ, что она сочла умѣстнымъ нѣсколько разъ подкрасться къ двери

кабинета и посмотрѣть, чѣмъ была занята ея госпожа: княгиня въ своемъ воздушномъ вечернемъ нарядѣ, ходила быстро по комнатѣ взадъ и впередъ, съ нахмуреннымъ лицомъ. Наконецъ, она схватила свѣчку, подошла къ письменному столу взяла перо, принялась писать, и нѣсколько минутъ позже чуть не наткнулась на Мароу Терентьевну, потому что вдругъ встала, прошла въ смежную спальню и бросила на туалетный столъ записку, сказавъ отрывисто: „Отослать утромъ рано къ Юрію Петровичу Висмеру; узнать, гдѣ живетъ. У Ельскихъ знаютъ. Раздѣвайте меня“.

Въ этотъ разъ, больше чѣмъ когда-нибудь, Мароа Терентьевна, исполняя должность свою, подверглась непріятнымъ для нея доказательствамъ, что у княгини были разстроены нервы.

Весеннее солнце словно знало, что готовилась интересная сцена въ изящномъ кабинетѣ, такъ оно силилось заглянуть туда сквозь опущенныя розовыя занавѣски. Княгиня сидѣла одна, на своемъ привычномъ мѣстѣ, у малахитоваго столика.

— Юрій Петровичъ Висмеръ,—доложилъ слуга, приподнимая портьерку.

— Просить,—сказала княгиня, и повернулась лицомъ къ входившему.

Онъ вошелъ медленно, поклонился чинно. Княгиня сдѣлала движеніе рукой, въ родѣ привѣтствія, ука-

зывая ему кресло, напротивъ ея chaise longue. Онъ сѣлъ молча.

— Я была принуждена просить васъ ко мнѣ,—заговорила она:—вы получили мою записку?

Отвѣтомъ было наклоненіе головы.

— Monsieur Висмеръ (развязная свѣтская женщина была въ нѣкоторомъ затрудненіи, какъ приступить къ исполненію уже заготовленной программы этого разговора), monsieur Висмеръ, я васъ хотѣла спросить, долго ли вы намѣрены меня преслѣдовать?

— Чѣмъ?—произнесъ онъ.

— Когда я спрашиваю прямо, слѣдуетъ, кажется, отвѣчать также прямо. Умные люди между собой не прикидываются; мы такимъ образомъ не можемъ говорить другъ съ другомъ.

— Другъ съ другомъ!—повторилъ Висмеръ съ странною улыбкой.

— Пожалуй, хоть врагъ съ врагомъ, если вы хотите,—сказала она, смотря ему въ глаза:—но, коли такъ, будьте мнѣ, по крайней мѣрѣ, врагомъ благороднымъ.

— То-есть?

— Вы очень хорошо меня понимаете. Я не могу сдѣлать шага, не встрѣчая васъ; я вездѣ должна обороняться отъ васъ, сносить вашъ неотступный взглядъ, ваше неприличное вмѣшательство въ мой разговоръ съ другими, косвенныя обиды. Развѣ это

достойно благороднаго человѣка? Развѣ это дѣлается въ хорошемъ обществѣ?

— Вы правы, княгиня,—отвѣчалъ Висмеръ своимъ пріятнымъ голосомъ,—въ хорошемъ обществѣ дѣлается совсѣмъ не то; наглая ложь, лицемѣріе и двуязычіе, безсовѣстная игра всѣми чувствами, гнусное предательство, хладнокровное преступленіе, вотъ что дѣлается въ хорошемъ обществѣ; не правда ли?

— Оставимъ байронизмъ и напыщенность; я терпѣть не могу патетическихъ фразъ; будемте говорить и дѣйствовать просто. Я васъ спрашиваю: чего вы добиваетесь? чего вы отъ меня хотите?

— Ничего, княгиня, кромѣ того, чего уже достигаю.

— Monsieur Висмеръ!

Она сдержала сердитое слово, которое у нея рвалось изъ души; послѣдовало минутное молчаніе.

— Вы меня ненавидите.

И какимъ мастерскимъ тономъ было это сказано, съ какимъ умѣніемъ и какъ граціозно она откинулась и улеглась въ своихъ креслахъ, такъ что вся ея фигура словно договаривала: возможно ли меня ненавидѣть?

Висмеръ окинулъ эту дивную фигуру взоромъ, какимъ смотрѣлъ на свои модели.

— Какъ человѣкъ ошибается!— сказалъ онъ потомъ.

— Я полагалъ, что вы меня позвали къ себѣ, княгиня, чтобы поблагодарить.

Она такъ мало этого ожидала, что сдѣлала невольное движеніе, что съ ней случалось чрезвычайно рѣдко.

— Васъ поблагодарить?..

— Я воображалъ, что вы оцѣните всю мою вѣжливость къ вамъ.

Собесѣдница его вспыхнула и опять чуть-чуть не дала воли тому, что въ ней кипѣло.

— Продолжайте,—сказала она горько:—зачѣмъ мужчинѣ не обижать женщины, всякимъ образомъ, насмѣшкой и грубостію, особенно, когда онъ знаетъ, что можетъ это сдѣлать совершенно безнаказанно? Продолжайте, мнѣ любопытно видѣть, до чего вы дойдете. Пользуйтесь случаемъ.

Висмеръ всталъ, прошелся быстро по комнатѣ и опять подошелъ къ княгинѣ и сѣлъ; ироническая улыбка исчезла съ его лица, онъ нагнулся немного впередъ, встрѣчая ея взглядъ взглядомъ жесткимъ, и заговорилъ другимъ, холоднымъ, рѣзкимъ голосомъ:—угодно вамъ свести счетъ со мной? Извольте. Когда, четыре года тому назадъ, блистательная княгиня стала играть бѣднымъ художникомъ, когда она, отъ нечего дѣлать, стала дѣлать надъ нимъ свои опыты, причина была простая: ее забавляло такое препровожденіе времени. Въ ту пору, въ Римѣ

было скучно; людей, какихъ она желала видѣть, подъ рукой было мало; она живо взялась за случайно найденное развлеченіе, и предалась пріятному упражненію доводить человѣка разъ десять въ теченіе дня отъ восторга до отчаянія, разочаровывать его и очаровывать снова; все это очень понятно, не правда ли? Она этого дѣла мастерица, и имъ охотно занималась, да оно и весело. Разъ онъ къ ней пришелъ, блѣдный и растерянный, съ письмомъ въ рукѣ. Мать его умирала въ Россіи и звала сына. Княгиня увидѣла въ этомъ обстоятельствѣ возможность сдѣлать себѣ потѣху еще забавнѣе и приступить къ новымъ опытамъ. Нельзя было бросить игру, когда она становилась интереснѣе. Можетъ быть, знатная дама и не такъ бы дорожила забавой, если бы не получила извѣстія о смерти родственника; надо было недѣли три не выѣзжать въ свѣтъ и не давать вечеровъ. Тутъ она находила способъ провести безъ скуки дни невольнаго уединенія. Она дала себѣ слово не пустить сына къ умирающей матери,—и сдержала это слово.

Висмеръ перевелъ духъ, онъ говорилъ съ страннымъ спокойствіемъ, и, казалось, говоря, становился все хладнокровнѣе.

— Она сдержала это слово, а онъ былъ не дурной сынъ; но она была великая искусница, и приложила стараніе. Въ ней были развиты аристокра-

тическія наклонности: чѣмъ труднѣе задача, тѣмъ лучше. Задача была не легка; день за днемъ надо было напрягать все свое умѣніе, выигрывать часъ за часомъ, увлекать, обманывать, морочить, сводить съ ума. Но ее это тѣшило. Она устроила сцены, разные эффекты; она не поскупилась на святыя слова. Въ одинъ вечеръ, возвратясь отъ нея домой, сынъ нашелъ на столѣ телеграфическое извѣстіе о смерти матери. На другой день княгинѣ было трудно съ нимъ сладить; но она таки поставила на своемъ. Обошлось не безъ сильныхъ средствъ; она плакала (это она дѣлала превосходно), она передъ нимъ упала на колѣни и поставила на своемъ. Позвольте, я не досказалъ. Въ это время пріѣхалъ въ Римъ другъ этого человѣка, которымъ она такъ мило играла, его единственный другъ. Пріѣхалъ онъ въ пору, игра начинала надоѣдать княгинѣ; кстати представилась новая комбинація, довольно занимательная. Очень понятно, что она не упустила и этого случая. Да и какъ требовать отъ кого-нибудь, чтобъ онъ не употреблялъ своего таланта? Вы видите, что я ни мало не осуждаю ея, а напротивъ, нахожу поступки ея очень естественными. Какъ я сказалъ, въ ней были развиты аристократическіе инстинкты, ей нравилась драматическая мысль сдѣлать соперниками и врагами двухъ задушевныхъ друзей, и она такъ мастерски все повела, что они, черезъ нѣ-

сколько недѣль, стояли одинъ противъ другого съ пистолетомъ въ рукѣ, цѣля другъ другу въ грудь. Княгиня могла гордиться своимъ успѣхомъ. Когда они стали сходиться страшно близко, тогда тотъ, который въ угоду княгинѣ покинулъ свою умирающую мать, это былъ тотъ, который вызвалъ друга на дуэль,—тотъ выстрѣлилъ въ него.

Висмеръ опять замолчалъ на минуту, и опять продолжалъ говорить, не возвышая и не понижая голоса. Холодная интонація его словъ придавала имъ особенный эффектъ.

— Выстрѣлъ былъ удаченъ, другъ упалъ. Тутъ оказалась маленькая оплошность княгини; она не поняла, какъ дѣйствуетъ на человѣка, пролившаго кровь друга, видъ этой крови. Убійца бросился къ упавшему, и этотъ крѣпко обнялъ его и прижалъ къ раненой груди. Богъ помиловалъ преступника, другъ его не умеръ, и когда онъ былъ вылѣченъ и спасенъ, тогда былъ спасенъ и тотъ, который чуть не убилъ его. Отъ его выстрѣла разсѣялось колдовство; какъ отъ грянувшаго голоса Божьяго, нечистая сила исчезла. Онъ уѣхалъ съ своимъ другомъ. Теперь позвольте мнѣ кончить. Этотъ человѣкъ и эта княгиня встрѣчаются опять. Ему досталась случайно вещица, непріятная для нея бездѣлица-письмецо ея руки; вовсе не такое, какое бы можно предполагать... княгиню нельзя винить въ неосто-

рожности, она ни въ какомъ случаѣ не была бы способна написать нѣсколько строкъ, которыя могли бы хоть мало-мальски повредить ея репутаціи. Письмо о которомъ я говорю, это автографъ очень невинный, четыре страницы злословія; княгиня въ этомъ письмѣ очень остро насмѣхается надъ старою теткой и разсказываетъ про нее вещи уморительныя. Насмѣшка язвительна, но тогда можно было надъ бѣдною теткою смѣяться совсѣмъ безнаказанно, и вѣдь княгиня, со всѣмъ своимъ умомъ, не могла предвидѣть, что эта дѣва—вѣдьма, какъ она названа въ письмѣ, очутится для нея значительнымъ лицомъ, что оба холостые брата старухи умрутъ отъ холеры, и что, вслѣдствіе этого, ей достанется все огромное имѣніе, которое по ея смерти, должно сдѣлаться наслѣдствомъ княгини. Разумѣется, что при этихъ нежданныхъ обстоятельствахъ то давнишнее письмо довольно опасно для автора его; можно даже поручиться, что оно, еслибы было передано тетушкѣ, лишило бы наслѣдства остроумную племянницу; но она не заслуживаетъ упрека, она не могла угадать будущее. Письмо находится въ рукахъ того человѣка, которымъ княгиня такъ забавлялась въ былое время; позвольте же и ему позабавиться хоть немножко въ свою очередь. Мы съ вами совсѣмъ оправдали препровожденіе времени аристократки, допустите и въ плебеѣ желаніе пріятнаго

развлеченія; знатная дама имѣла капризъ измучить бѣдняка, почему же и бѣдняку не имѣть каприза? Капризъ же его очень скроменъ, онъ только позволяетъ себѣ быть маленькимъ неудобствомъ для блистательной княгини, легкою непріятностью, чѣмъ-то вродѣ камешка въ ея башмачкѣ. Онъ довольствуется тѣмъ, что заставляетъ ее сносить его присутствіе, его взглядъ, его почтительный поклонъ. Ей было весело видѣть его мученіе, ему весело видѣть ея досаду. Все это совершенно натурально. Теперь осмѣлюсь спросить, что вамъ отъ меня угодно.

Княгиня выслушала все, не двинувшись; она осталась въ своей прекрасной позѣ, прислонившись къ спинкѣ своей chaise longue, сложа руки, которыя оставлялъ полуобнаженными отпадающій широкій кружевной рукавъ, и глядя Висмеру въ лицо. Можетъ быть, ея ножка судорожно сжималась въ ея бархатной туфлѣ; она была скрыта складками пеньюара.

— Вы не только хорошій живописецъ, но и замѣчательный повѣствователь,—сказала она сдержаннымъ голосомъ,—разсказъ вашъ очень эффектенъ и можетъ стать на ряду съ лучшими сочиненіями. Но я не полагаю, что вы хотѣли блеснуть передо мной талантомъ сочинителя; сколько я могу судить, вы были намѣрены разсказать мнѣ факты, и тогда мнѣ

позволено не допускать украшеній. И если мы теперь не шутимъ...

— Кажется нѣтъ,—промолвилъ Висмеръ...

— Если же,—продолжала она,—у насъ теперь съ вами идетъ расправа; если мы говоримъ не стѣсняясь никакими приличіями, то позвольте спросить васъ, кто поставилъ васъ судьей надъ чужою совѣстью? Кто вамъ далъ право рыться въ мысляхъ другого человѣка и толковать его поступки? Глядѣли вы этой женщинѣ въ душу? Она не пустила сына къ матери, въ этомъ ее можно обвинить. Почему она старалась удержать его, кто это можетъ знать, кромѣ ея самой? Вы можете сказать: вотъ что она сдѣлала, но какъ вы смѣете сказать про ея слезы: ложь. Она не рѣшилась отказаться отъ общества, отъ ежедневнаго свиданія съ человѣкомъ, котораго она считала другомъ. Назовите это пожалуй эгоизмомъ, она не будетъ спорить; упрекните ее въ легкомысленности, она приметъ этотъ упрекъ; а по какой справедливости должна она отвѣчать за чужія дѣла? Угодно успокаивать свою совѣсть такимъ образомъ, сваливая на другого свою вину.—Голосъ княгини измѣнился и становился неровнымъ; она сидѣла уже иначе въ своихъ креслахъ, не прислоняясь къ спинкѣ, руки ея опустились, глаза блестѣли.

— Держитесь ея поступка; она не требуетъ, чтобы вы искали извиненія ему; она сознается въ сво-

ихъ женскихъ слабостяхъ; можетъ быть, она ихъ искупаетъ. Видѣли ли вы ее послѣ этой дуэли? не способна ли она ..

Висмеръ всталъ, взялъ съ кушетки шитую подушку и положилъ ее къ ногамъ своей собесѣд· ницы.

— Замѣтьте, княгиня,—сказалъ онъ, выпрямившись опять,—я не остался такимъ неучемъ, какимъ былъ въ Римѣ; тогда я вамъ далъ упасть передо мной на колѣни, не положивъ вамъ подушки.

Она содрогнулась; осторожное, разсчетливое, хитрое существо исчезло; осталась жестоко обиженная женщина.

— Я не думала,-- вымолвила она дрожащими губами,—что вы сумѣете сдѣлать для меня мысль, что я нахожусь отчасти въ вашихъ рукахъ, мыслію пріятной. Я бы хотѣла, чтобы не только мое богатство, я бы хотѣла, чтобы и жизнь моя зависѣла отъ васъ, тогда я бы могла лучше выразить, какъ вы мнѣ отвратительны, мнѣ было бы пріятнѣе доказать вамъ, что это отвращеніе сильнѣе всѣхъ моихъ опасеній, и сказать вамъ въ лицо, что мужчина, который такъ обращается съ женщиной, достоинъ презрѣнія. Благодарю, что вы до того унизились въ моихъ глазахъ.

— Мнѣ жаль, княгиня,—отвѣчалъ Висмеръ,—что вы не выдержали своего характера, увлеклись гнѣ-

вомъ такъ не благоразумно. Согласитесь, что ваши слова преждевременны, и что вамъ еще не надо было позволять себѣ ихъ.

Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана и положилъ на столъ передъ княгиней тонкій исписанный листъ бумаги.

— Вотъ чего слѣдовало дождаться. Теперь вы можете, съ полною безопасностію, дать волю всей вашей ненависти ко мнѣ. Я буду слушать молча.

Прежде чѣмъ бумага лежала на столѣ, княгиня узнала почеркъ; ея голова невольно склонилась. Оба они молчали.

Висмеръ взялъ шляпу.

— Je vous salue, monsieur,—проговорила княгиня глухо.

Онъ, стоя передъ ней, поглядѣлъ сверху на аристократку, которая напрасно старалась найтись, и отвѣчалъ съ салоннымъ поклономъ.

— Nous sommes quitte, madame!

Разсказывая не свою выдумку, а истинное происшествіе, такъ, какъ я его узналъ, я, къ великому моему сожалѣнію, принужденъ обойтись безъ удобнаго всевѣдѣнія романистовъ. Я не могу, какъ дѣлаютъ они, читать сквозь плотскую оболочку въ душѣ дѣйствующихъ лицъ, глядѣть сквозь стѣны въ

ихъ запертые покои, и обнаружить то, чему нѣтъ свидѣтелей. Что думала, что дѣлала княгиня, одна въ своемъ кабинетѣ, послѣ того какъ вышелъ изъ него Висмеръ, этого я не знаю и не въ состояніи сказать вамъ. Знаю только, что когда, въ то же утро, явился къ ней Хозревскій, съ обѣщанною книгой, онъ засталъ ее ходящею быстро взадъ и впередъ по комнатѣ, и она, увидя его, подошла къ нему такъ живо, пожала ему руку такъ крѣпко, что онъ, поднявъ на нее глаза, не могъ удержаться отъ вопроса:

— Что съ вами княгиня?

— Ничего, у меня разстроены нервы. Сядьте,—и она бросилась въ свои кресла.

— Я принесъ,—началъ Трофимъ Лукичъ, кладя на столъ книгу.

— Merci,—прервала она.

Послѣдовало молчаніе.

— Книга, говорятъ, очень умная,—началъ Хозревскій;—я не читалъ ее.

— Богъ съ ней!—сказала княгиня отрывисто:—отъ ума прохода нѣтъ; умъ становится невыносимъ, умъ наше наказаніе!

— Вы бы не то говорили, княгиня,—позволилъ себѣ возразить скромный посѣтитель,—если-бъ чувствовали въ себѣ недостатокъ ума.

— Въ чемъ мнѣ поможетъ мой умъ?—отвѣчала

она рѣзкимъ тономъ:—зачѣмъ мнѣ дорожить имъ? Сколько бы у меня ни было ума, найду ли я въ немъ опору? Защититъ ли онъ меня отъ обиды? Какая мнѣ прибыль отъ него?

— Та, что всѣ вамъ удивляются, княгиня!

— И тѣмъ меньше меня уважаютъ.

— Какъ можно, княгиня?

— Развѣ вы не знаете, что прославлять умъ женщины, значить бранить ее? Развѣ они всѣ не увѣрены, что гдѣ умъ, тамъ нѣтъ сердца? Развѣ не рѣшено, что умная женщина это какое-то чудовище, которое ничего не чувствуетъ? спросите любого, каждый вамъ скажетъ это.

— Кто же смѣетъ имѣть о васъ невыгодное мнѣніе, княгиня?

— Въ самомъ дѣлѣ. Послушайте ихъ. Попробуйте высказать при всѣхъ, что я никогда не знала никакого сердечнаго движенія, никакого порыва, что я неспособна къ безкорыстному чувству, не понимаю возможности сдѣлать благородный поступокъ, что у меня всегда и во всемъ разсчетъ, что я созданіе безъ души и безъ совѣсти. Посмотрите, оспоритъ ли это кто-нибудь. Они всѣ въ лицо готовы сказать мнѣ это.

— Кто имъ запретитъ?

Опять наступило молчаніе. Княгиня терзала шелковыя кисти кордельерки, которая придерживала пеньюаръ ея вокругъ стройной таліи. Хозревскій смот-

рѣлъ на нее съ удивленіемъ. Она производила на него странное впечатлѣніе, впечатлѣніе новое; она въ эту минуту нравилась ему иначе чѣмъ обыкновенно, и чуть ли не больше, чѣмъ когда бы то ни было прежде. Въ ея лицѣ, въ ея движеніяхъ въ горькой интонаціи голоса было что-то увлекающее и непривычное, была естественность. Княгиня, можетъ быть, въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ помнила себя, не владѣла собой, не наблюдала за собой. И въ первый разъ она чувствовала себя безпомощною. Молодой человѣкъ—понималъ ли онъ свое увлеченіе, или нѣтъ—не сводилъ глазъ съ этой женщины, еще мало ему извѣстной, страдающей, слабой, нуждающейся въ покровительствѣ.

— Княгиня,—проговорилъ онъ, наконецъ,—вы разстроены, вамъ теперь все представляется въ мрачномъ видѣ. Вамъ нельзя жаловаться на судьбу; ваше положеніе завидно.

— Очень!—прервала она съ нервнымъ смѣхомъ.

— У васъ все, чего можно желать: красота, дарованія, всѣ преимущества, богатство, свобода.

— Да, полная свобода умирать со скуки и съ досады. Никому до этого дѣла нѣтъ.

— Всѣ ищутъ вашего знакомства, вашей дружбы.

— Да, всѣ, кто любитъ праздники и хорошіе обѣды.

— Вокругъ васъ собираются всѣ знаменитости, всѣ замѣчательные и талантливые люди, всѣ артисты; вамъ съ ними весело.

— Да, да! очень весело!—отвѣчала она съ раздраженіемъ, все меньше сдержаннымъ:—чрезвычайно весело!

Трофимъ Лукичъ замолчалъ, видя неудачу своихъ стараній успокоить сердитое сіятельство.

— И вы того мнѣнія,—сказала вдругъ княгиня, взглянувъ,—и вы тоже думаете, что во мнѣ нѣтъ никакого чувства, кромѣ самолюбія и эгоизма. Не правда ли?

— Вамъ ли заботиться о моемъ мнѣніи, княгиня?—молвилъ Хозревскій,—могу ли я быть судьей?

— Но вы это думаете; я и для васъ существо отвратительное,—продолжала она, глядя ему въ глаза, хотя читала въ нихъ явное противорѣчіе этому утвержденію.

— Княгиня, вы этого не можете говорить серьезно,—возразилъ Хозревскій,—вы знаете...

Она не дала ему докончить.

— Ахъ, Боже мой! да, я знаю; вы цѣните мои таланты, мою образованность, мои умственныя способности, все, что цѣнятъ во мнѣ другіе; но вы также смотрите на меня какъ на блистательное чудовище; вы также не признаете во мнѣ ни сердца, ни увлеченія, ничего, чѣмъ отличается женщина. Что же? Сознайтесь.

Хозревскій смолчалъ. Въ ея глазахъ сверкнули слезы.

— Не такъ ли? скажите, какъ честный человѣкъ.

— Княгиня—отвѣчалъ онъ,—вы мнѣ приказываете говорить по совѣсти; я не могу ослушаться. Мнѣ не должно думать о томъ, что вы прогнѣваетесь на меня, и каково мнѣ будетъ это сносить. Я не до того глупъ, чтобы заблуждаться на свой счетъ, я знаю, что сужденіе такого человѣка, какъ я, для васъ ничего значить не можетъ; я понимаю, что если вы теперь требуете, чтобы я вамъ сказалъ, по чести, мое мнѣніе о васъ, то это минутный капризъ; онъ мнѣ дорого обойдется, но я долженъ исполнить его. Княгиня! вы знаете, что я неловокъ и не умѣю выражаться какъ бы слѣдовало; я могу только прямо высказать вамъ правду, когда вы хотите ее. Признаюсь, я полагалъ, что общее мнѣніе о васъ справедливо.

— А! воскликнула княгиня.

— Вы мнѣ казались слишкомъ умны,—продолжалъ Хозревскій;—мнѣ казалось, что все другое въ васъ должно быть подавлено вашимъ непомѣрнымъ умомъ; что, наконецъ, вы не можете же имѣть всѣ достоинства, быть совершенствомъ; что нельзя требовать отъ васъ теплаго чувства, ждать женскаго слѣпого великодушія, что вы можете только поступать умно и разсудительно.

— Вы это думаете?—спросила княгиня, не спуская глазъ съ молодого человѣка.

— Я это думалъ.

— А теперь?

— А теперь думаю, что ошибался.

— Въ какомъ отношенiи?

— Княгиня, вѣдь вы понимаете; не заставляйте меня входить въ объясненiя, я не владѣю словомъ.

— Однако, вы можете мнѣ сказать, какъ вы теперь обо мнѣ думаете.

— Вамъ не интересно слышать, княгиня, а мнѣ говорить объ этомъ тяжело.

— Но если мнѣ хочется знать.

— Вы знаете

Княгиня задумалась.

— Итакъ,—сказала она послѣ короткаго молчанiя,—вы полагали, что я могу дѣйствовать только по разсчету и понимаю только свои выгоды?

— Княгиня... Конечно, я виноватъ; но при мнѣ это такъ часто говорили.

— Да, всѣ мои добрые друзья, мои поклонники; это ихъ отличное мнѣнiе обо мнѣ. И вамъ не нужно было другого доказательства?

— Извѣстно, что вы вышли замужъ не по любви, княгиня.

— А потому, что хотѣла имѣть титулъ,—отвѣчала она съ горькою улыбкой,—это они рѣшили; и также что я всѣмъ и всѣми играю, и что у меня всякое проявленiе души—ложь! И вслѣдствiе этого рѣшенiя

каждый въ правѣ меня оскорблять и ругаться надо мной.—Она опять замолчала и откинулась въ своихъ креслахъ. Несчастный Хозревскій не смѣлъ прервать это грозное молчаніе.

— Княгиня!—выговорилъ онъ, наконецъ.

Она не обратила вниманія.

— Княгиня!—повторилъ молодой человѣкъ, не осмѣливаясь глядѣть въ лицо раздраженной красавицѣ,— я погубилъ себя; я зналъ, что оно такъ будетъ; но вы хотѣли, я исполнилъ вашу волю; вы приказали мнѣ зарѣзаться, я это сдѣлалъ.

Княгиня остановила на немъ свой пронзительный взглядъ, молча, въ раздумьи, и вдругъ встала съ креселъ.

— Хорошо—шептала она,—я докажу; увидятъ, увидятъ, можетъ быть, не то, чего ждали, и тогда, можетъ быть... посмотримъ.

Трофимъ Лукичъ взялъ шляпу, не зная, что дѣлать.

— Княгиня!—и поднявъ на нее смиренные глаза, бѣднякъ прибавилъ:—вамъ нельзя меня простить; я это понимаю; я изгнанъ изъ вашего дома. Для меня все кончено.

— Хозревскій,—сказала она, протягивая ему руку,— приходите ко мнѣ нынче вечеромъ.

Подошедши вечеромъ къ дому княгини, Трофимъ Лукичъ остановился и повернулъ въ другую улицу. Надо было успокоить забившееся сердце. Онъ разъ

десять прошелъ по тротуару, съ конца до конца, въ такой странной задумчивости, что прохожіе смотрѣли ему вслѣдъ. Но на московскихъ улицахъ не много прохожихъ, и ему было не до нихъ. Эти слова княгини: „Хозревскій приходите ко мнѣ нынче вечеромъ!“ могли значить что-то неимовѣрное; они могли и ничего не значить, и, вѣроятно, ничего не значили. Бѣднякъ не даромъ обрѣтался въ лучшемъ обществѣ; онъ вытерпѣлъ много жестокихъ оскорбленій и пріобрѣлъ горькую опытность. Сначала, когда онъ сблизился съ очаровательною княгиней, онъ непремѣнно сказалъ себѣ, безъ всякой досады, какъ нѣчто совершенно простое и единственное, что онъ у нея могъ только быть соперникомъ ея попугая, которымъ она также же занималась въ праздное время, лаская его съ такою же невинною благосклонностью; что о Трофимѣ Лукичѣ Хозревскомъ княгиня Алина никогда не могла подумать хоть одну минуту такъ, какъ женщина думаетъ о мужчинѣ. Теперь, можетъ быть, онъ говорилъ себѣ то же, но уже съ горестнымъ уныніемъ. Съ той поры его перваго спокойнаго сознанія своего ничтожества въ глазахъ гордой красавицы, до теперешняго часа робкаго раздумья, сверкнула ли когда-нибудь передъ его умомъ какая-то ослѣпительная возможность? Снилось ли ему въ иную ночь про богатый домъ, гдѣ онъ хозяиномъ входилъ въ кабинетъ прек-

расной хозяйки, называя ее Алина? Шепталъ ли ему подъ часъ на ухо лукавый бѣсенокъ слова князя Талейрана: „Tout arrive?“ Узнать это было трудно.

Но легко было отгадать, что теперь Хозревскому слышался не дерзкій, мефистофельскій шопотъ какого-нибудь чертенка, а наивный говоръ молодого сердца, которое боялось толковать себѣ эту кровавую фразу: „Хозревскій, приходите ко мнѣ нынче вечеромъ“, и старалось крѣпиться, и не смѣло понять, что княгиня была въ томъ состояніи духа, въ которомъ свершаются женскіе изумительные поступки и сумасбродные подвиги.

Трофимъ Лукичъ вошелъ, сильно взволнованный, на лѣстницу княжескаго дома, и часа черезъ два сошелъ съ нея еще больше взволнованный, съ видомъ человѣка, съ которымъ случилось Богъ вѣсть что.

Случилось то, что княгиня ему сказала: „Хозревскій, вы меня любите, и не смѣете этого показать. Вы хорошій человѣкъ—я ваша“.

И по Тверскому бульвару, и въ салонахъ, и въ клубахъ пронесся слухъ, что княгиня Алина помолвлена съ Хозревскимъ. Московскій свѣтъ сильно занялся этою новостью, за неимѣніемъ другихъ. Толки были различны; радость, что нашлось о чемъ толковать, была единодушна.

— Алина прекрасно поступила,—отвѣчала Настасья Павловна старой дамѣ, встрѣтившей ее въ магазинѣ русскихъ издѣлій.—Она доказала, что умѣетъ цѣнить любовь достойнаго человѣка и глубокое чувство ставитъ выше всего. Я ее совершенно одобряю; это ея отвѣтъ на обвиненіе, что у ней нѣтъ сердца. Ея увлеченіе благородно, и она не будетъ раскаиваться. Хозревскій заслуживаетъ своего счастія.

Въ другой комнатѣ того же магазина, три барышни, покупая шерсть для вышиванія, шептались:

— Вы знаете, что она идетъ за него по приказанію тетки.

— Да, я слышала. Такъ это правда?

— Правда; старуха просто безъ ума отъ Хозревскаго, и объявила княгинѣ, что лишитъ ее наслѣдства, если она выберетъ себѣ другого мужа. Нечего было дѣлать. Она, говорятъ, очень похудѣла.

— Ну, признаюсь, нашла человѣка!—проговорилъ, наваливая на свою тарелку кровавый кусокъ ростбифа, молодой мужъ за обѣдомъ вдвоемъ съ женой.— Представь себѣ, она безъ памяти въ него влюблена и, говорятъ, сама предложила ему свою руку. Чудесный выборъ! Вотъ вамъ и геніальность женская!

— Она поступаетъ, какъ нельзя умнѣе,—отозвался въ клубѣ, за карточнымъ столомъ, богатый откупщикъ;—для нея тутъ двойная выгода; пріобрѣтеніе мужа дурака, который не будетъ мѣшать, и управи-

теля имѣнія, который не будетъ красть. Удивительно разсудительная женщина!

— Это настоящій романъ,—сообщила, разливая чай, дама среднихъ лѣтъ своимъ гостямъ;—говорятъ, что Хозревскій вошелъ къ ней въ кабинетъ съ заряженнымъ пистолетомъ, чтобы застрѣлиться на ея глазахъ, и это ей такъ понравилось, что она согласилась быть его женой.

— Не вѣрится,—сказалъ одинъ изъ присутствующихъ;—княгиню Алину такою пошлою шуткой не обманешь; быть не можетъ, чтобъ она такъ поддалась.

— Но послушайте,—отвѣчала хозяйка дома,—я не поручусь, что Хозревскій и въ самомъ дѣлѣ не застрѣлился бы.

— Пожалуй отъ него станется,—замѣтилъ другой гость;—у него на это глупости хватитъ.

— Не даромъ глупъ, вышелъ въ люди,—прибавилъ умный человѣкъ.

— Mon cher,—молвилъ спесивый щеголь, выходя съ товарищемъ на улицу изъ Троицкаго трактира и закуривая сигарку.

— C'est tout simplement une envie de se jeter par la fenêtre; maladie de femme.

Въ майскій теплый вечеръ Мароа Терентьевна въ уборной княгини наполняла сундуки и ящики чудесными нарядами. Княгиня хотѣла вѣнчаться въ своемъ

помѣстьѣ; отъѣздъ туда былъ назначенъ въ слѣдующій день. Марѳа Терентьевна, занимаясь нужными приготовленіями, была очень не въ духѣ; ея аристократическая душа въ холопскомъ тѣлѣ, осуждала болѣе, чѣмъ кто бы то ни былъ, mésalliance ея сіятельства, и высказывала свое неодобреніе ворчаніемъ вполголоса. Горько владѣла достопочтенною служительницею непоколебимая идея, что по милости этого неблагодарнаго княжескаго каприза, она сама попадаетъ изъ сапогъ въ лапти. Виновница ея роптанія сидѣла, между тѣмъ, въ кабинетѣ наединѣ съ Хозревскимъ. Трофимъ Лукичъ былъ задумчивъ и еще молчаливѣе, чѣмъ обыкновенно; вѣроятно, въ немъ, какъ во многихъ организаціяхъ, такъ проявлялось чувство счастія. Княгиня читала вслухъ; это она дѣлала почти въ каждомъ tête-à-tête съ женихомъ. Въ этотъ вечеръ она знакомила его съ повѣстью Жоржъ-Занда, Simon, которая кончается бракомъ тоже нѣсколько эксцентрическимъ. Она читала съ одушевленіемъ, любуясь, словно своимъ портретомъ, этою энергическою фигурой Фіаммы.

— Какой мастерской очеркъ женщины!—сказала прелестная невѣста, прерывая свое чтеніе:—и какое истинное понятіе о благородной, честной любви, объ уваженіи къ себѣ и другому! О чемъ вы думаете?—спросила она молчавшаго Хозревскаго.

— О многомъ, княгиня.

— Нельзя ли высказать хоть немногое изъ этого многаго?

— Я думаю о васъ, княгиня (она улыбнулась). Я думаю,—продолжалъ онъ,—о томъ, что вы, можетъ быть, гораздо лучше меня.

— Лицомъ?—спросила она смѣясь.

— Всѣмъ,—отвѣчалъ онъ серьезно.

— Если оно и такъ,—возразила она весело,—то съ этимъ несчастіемъ нечего дѣлать. Вы должны сносить его съ мужествомъ.

Онъ остановилъ свой взглядъ на ней; она была такъ мила въ эту минуту.

— Княгиня!—сказалъ онъ вдругъ съ рѣшительностью:—я хочу исполнить долгъ. Онъ смолкнулъ и опять заговорилъ:—Вы уже разъ потребовали отъ меня правды, и я увидѣлъ, что вы способны ее слышать. Теперь я не долженъ скрывать ее отъ васъ.

Княгиня взглянула въ лицо и положила книгу на столъ.

— Въ нашихъ отношеніяхъ другъ къ другу,—продолжалъ Хозревскій,—не позволительна никакая недобросовѣстность.

Снова послѣдовало мгновеніе молчанія.

— Я слушаю,—проговорила она.

Хозревскій глядѣлъ на нее страннымъ взоромъ.

— Вы сдѣлали то, чего отъ васъ не ожидали,—сказалъ онъ, и звукъ его голоса былъ непривычный—

вы выбрали меня, у кого нѣтъ ничего, чѣмъ отличаются въ свѣтѣ: ни богатства, ни аристократическаго происхожденія, ни вѣса въ обществѣ; вы доказали много безкорыстія. И это не все: вы поступили еще необыкновеннѣе, вы рѣшились быть женой человѣка, котораго всѣ называютъ глупымъ; вы должны быть убѣждены, что я совершенный простакъ. Вы ошибаетесь, княгиня, какъ ошибаются всѣ. Я захотѣлъ прослыть глупцомъ, я стараюсь поддерживать это мнѣніе о себѣ, и на это употребляю много ума.

Княгиня уставила въ него удивленные глаза, онъ продолжалъ:

— Выслушайте меня; я долженъ вамъ поговорить о вещахъ вамъ незнакомыхъ. Нужда для васъ слово, сопровождающее какую-то неясную, мимоходную мысль. Точнаго смысла этого слова вы понять не можете. Что̀ значитъ нужда, это знаютъ только тѣ, кого она давитъ всею своею тяжестію. Этихъ людей очень много. День за днемъ биться все сызнова изъ-за необходимаго и выбиваться изъ силъ, не находя нигдѣ помощи, положеніе пошлое; но такъ какъ оно, благодаря нашей образованности, считается постыднымъ, то о немъ по возможности умалчиваютъ, тѣмъ болѣе, что говорить ни къ чему не ведетъ, а слушать скучно. Что я съ дѣтства уже наломалъ себѣ голову, какимъ образомъ добывать на-

сущный хлѣбъ овдовѣвшей и разоренной матери моей, что я, съ этою неотступною мыслью, учился съ утра до вечера, просиживалъ ночи надъ книгами, работая съ желѣзною волей, что я, цѣной своего здоровья, пріобрѣлъ познанія, которыхъ употребить нигдѣ не нашелъ возможности, все это очень обыкновенно. Со мной было не то, что бываетъ съ сотнями тысячъ другихъ; все шло естественнымъ порядкомъ: одаренный умомъ и понятіемъ, развивъ свои способности, готовый трудиться до упаду, взяться за какую бы то ни было неблагодарную и тяжелую работу, я двадцатилѣтній стоялъ лицомъ къ лицу съ нищетой и не видѣлъ спасенія.

„Не знаю, какимъ образомъ объяснить вамъ, хоть нѣсколько, внутреннее состояніе человѣка, у котораго и днемъ и ночью, и наяву, и во снѣ, и при каждомъ дѣлѣ и при каждомъ отдыхѣ, каждую минуту гудитъ въ головѣ одинъ и тотъ же вопросъ: „Какъ быть? гдѣ взять?“

Вообразите себѣ, что въ день великолѣпнаго бала, давно ожиданнаго вами, вамъ говорятъ, что чудное платье, которое вы заказали, которое должно затмить наряды всѣхъ вашихъ соперницъ, не можетъ быть готово; вообразите, что у васъ не находится другого, въ какомъ вы бы могли поѣхать на этотъ балъ, и что ѣхать вы непремѣнно хотите, представьте себѣ, какъ вы бы спрашивали себя безпре-

станно все снова и снова: что дѣлать? Я надѣюсь, что съ вами никогда не случится такое несчастіе, но долженъ прибѣгнуть къ этому предположенію, какъ къ единственному способу сдѣлать мой разсказъ отчасти понятнымъ вамъ.

Въ губернскомъ городѣ, гдѣ я родился, и по всей вѣроятности долженъ бы былъ умереть, я ни имѣлъ никакихъ полезныхъ родственниковъ, которые мнѣ бы проложили дорогу, никакой опоры. Надо было найти ее, надо было искать протекціи,—я поминутно принужденъ употреблять загадочныя для васъ слова. Вы знаете только, какъ оказываютъ протекцію, какъ ищутъ ее, княгиня. Но какъ ждутъ въ переднихъ, какъ произносятъ, запинаясь, просьбу, какъ слушаютъ вездѣ тотъ же короткій отвѣтъ, что, къ сожалѣнію, нельзя ничего сдѣлать, какъ выходятъ изъ комнаты, принявъ съ поклономъ это сообщеніе, какъ проходятъ мимо грубыхъ лакеевъ, развалившихся на стульяхъ прихожей, какъ выносятъ ихъ наглыя улыбки, какъ идутъ назадъ въ свое бѣдное жилье, гдѣ ждетъ мать, которая все еще не отучилась надѣяться, это знаю я.

Тутъ я уже сталъ понимать въ чемъ дѣло, и что было моей главною бѣдой. Я былъ къ ней присужденъ отъ рожденія. Въ школѣ, мальчики, въ злобѣ своей, что я лучше учился ихъ, скаля зубы, называли меня умникомъ. Это было потомъ мое про·

звище и въ гимназіи; оно сдѣлалось всѣми употребляемою, ругательною кличкой. Я не могъ скрывать своего пренебреженія къ невѣжеству моихъ товарищей; мнѣ было весело, бѣднѣйшему изъ нихъ, быть первымъ въ каждомъ классѣ. И заставивъ ихъ такъ уступать мнѣ, день за днемъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, принудивъ, своимъ прилежаніемъ и поведеніемъ, учителей безпрестанно ставить имъ меня въ примѣръ и хвалить, доказавъ имъ мое умственное и нравственное преимущество надъ ними, я потомъ наивно шелъ просить ихъ отцовъ быть моими покровителями, замолвить за меня доброе слово, доставить мнѣ мѣсто.

Меня впервой вразумилъ старый стряпчій, холостякъ, къ которому я захаживалъ. Мой покойный отецъ, въ то время, когда еще имѣлъ хорошее состояніе, много помогалъ ему, и старикъ считалъ какъ бы своею обязанностію, встрѣтясь со мной, позвать меня иногда къ себѣ и напоить чашкой чаю.

— Эхъ, сударь,—сказалъ онъ мнѣ разъ, исполняя этотъ долгъ совѣсти (въ тотъ день я опять только что простился еще съ одной надеждой на помощь),—лучше бы ты не силился по пустому; прока не будетъ; тебѣ не повезетъ.

— Кажется, что такъ, Матвѣй Артемьевичъ,—молвилъ я грустно.

— Нельзя, голубчикъ мой,—продолжалъ онъ,—ты

не таковскій; ума больно много, да еще и щеголяешь имъ. Ума много, а толку мало. Пора бы тебѣ догадаться.

— О чемъ? спросилъ я.

— Изволишь знать сказку?—отвѣчалъ онъ:—два брата были умники, а третій братъ былъ дурачекъ.

— Знаю—сказалъ я горько,—повезло дураку. Когда я былъ ребенокъ, я сердился, слушая эту сказку, и не вѣрилъ; приходится вѣрить.

Старикъ взглянулъ на меня изъ-за самовара своими проницательными, хитрыми глазами.

— Да Иванушка-то былъ ли въ самомъ дѣлѣ дуракъ? не морочилъ ли онъ людей, себѣ на умѣ? не прикидывался ли глупымъ, не смекнулъ ли, что такъ-то оно вѣрнѣе? Сказка-то, сударь, не пустая; принялъ бы ты ее въ соображеніе, лучше бы дѣло было, не сидѣлъ бы ты на мели. У кого деньги, къ тому умъ и присталъ, а намъ, бѣднякамъ, онъ не къ лицу. Вотъ оно что.

Я надъ этими словами крѣпко задумался, продумалъ нѣсколько дней и дошелъ до самой несомнѣнной аксіомы, что человѣкъ, доказывая, что онъ умнѣе многихъ, доказываетъ, что многіе глупѣе его; я понялъ вещь тоже довольно простую,—что въ этихъ многихъ такое доказательство не способно возбуждать великой радости, и къ тому, кто его даетъ, особеннаго дружескаго влеченія. Открытіе слѣдовало

за открытіемъ; я сообразилъ, что если всякому очень непріятно стоять ниже другого, всякому, напротивъ, очень пріятно стоять выше, что нельзя безъ удовольствія сказать: онъ бѣдный, глупъ! что значитъ я уменъ. Я тутъ же догадался, что люди инстинктивно хорошо расположены и доброжелательны къ тѣмъ, кто имъ причиняетъ удовольствіе, и вслѣдствіе всего этого, повторилъ себѣ слова старика: „вотъ оно что“.

Но всѣ эти открытія и логическіе выводы ни къ чему не вели. Для меня все было кончено. Къ чему бы я ни прибѣгнулъ, на какое бы отнынѣ ни обрекъ себя безграничное смиреніе, какую бы ни наложилъ на себя эпитемію безусловной покорности, дѣла нельзя было поправить; мнѣніе обо мнѣ было составлено. Составленное мнѣніе въ маленькомъ городкѣ—нѣтъ ничего непоколебимѣе этого во всемъ міразданіи. Хозревскій былъ несносный, негодный, безпутный, злой и опасный человѣкъ; это было рѣшено, это было непреложно. Жалѣли о матери, которой Богъ, во гнѣвѣ, далъ сына.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего страннаго, ничего новаго. Это Горе отъ ума, нѣсколько варіированное. Главная варіація была неутѣшительна для меня. Какъ бы Чацкаго всѣ ни бранили, онъ будетъ сытъ; эта разница между имъ и мною казалась мнѣ довольно значительною; онъ идетъ прочь отъ нихъ, мнѣ уйти было некуда.

Такъ прошелъ годъ: короткое слово! Надо было найти возможность отстранить близкое бѣдствіе, надо было что-нибудь придумать: ничего не придумывалось. Когда я сидѣлъ, по ночамъ, въ темной каморкѣ, напрягая умъ въ напрасныхъ усиліяхъ, старая басня дѣлалась страшной правдой, я видѣлъ передъ собой живого Эдипова Сфинкса, онъ свирѣпо смотрѣлъ мнѣ въ лицо, говоря: „Разгадай загадку, или я растерзаю!“ Загадка была: какимъ вѣрнымъ способомъ неимущему доставлять себѣ пропитаніе!— загадка, надъ которою трудится даромъ все наше поколѣніе, и будутъ даромъ трудиться еще и будущія.

Въ одно утро Матвѣй Артемьевичъ пришелъ ко мнѣ съ предложеніемъ, не хочу ли я пріобрѣсть немного денегъ, исполнивъ порученіе нетрудное. Рѣчь шла о томъ, чтобъ я взялся отвести къ богатому помѣщику, въ недалекое его имѣніе, кипу бумагъ по судебному дѣлу, и, познакомивъ его съ ихъ содержаніемъ,—причемъ я долженъ былъ дать изустно нѣкоторыя дополнительныя объясненія, — возвратился бы съ его отвѣтомъ къ Матвѣю Артемьевичу. У старика въ ту пору не было подъ рукой никого способнаго на это, кромѣ меня. Услуга была обоюдная. Я съ радостью согласился и отправился въ тотъ же день.

Вамъ знакомо имя человѣка, къ которому я ѣхалъ;

это былъ графъ Никаноръ Глѣбовичъ Холковскій; вы, можетъ быть, встрѣчали его заграницей; вы знаете, что онъ былъ воспитанъ въ Парижѣ, провелъ тамъ всю свою молодость и женился на француженкѣ. Въ Россію онъ пріѣзжалъ только изрѣдка, по необходимости. Въ этотъ разъ онъ опять платилъ свой долгъ отечеству тѣмъ, что явился туда съ цѣлью собрать оброкъ съ трехъ тысячъ душъ, стараясь притомъ сократить, по возможности, свое пребываніе въ родной землѣ. Оставивъ жену въ Петербургѣ, онъ объѣзжалъ свои вотчины съ девятилѣтнимъ сыномъ, графомъ Холковскимъ, который не умѣлъ выговорить своего имени, добрымъ ребенкомъ, который глядѣлъ съ великимъ сожалѣніемъ на каждаго несчастнаго, лишеннаго права называться, какъ онъ, comte Kolkonsky.

Я пріѣхалъ поздно вечеромъ въ графское помѣстье, и на другое утро явился къ владѣльцу. Графъ Никаноръ Глѣбовичъ извѣстенъ своимъ отличнымъ тономъ и безукоризненными пріемами. Онъ обошелся со мной очень любезно и, просмотрѣвъ отчасти бумаги, мною привезенныя, попросилъ меня оставить ихъ у него и сдѣлать ему одолженіе, провести въ его домѣ два-три дня, чтобъ онъ успѣлъ познакомиться основательно съ этимъ дѣломъ и дать мнѣ отвѣтъ обдуманный. Потомъ онъ пригласилъ меня раздѣлить его завтракъ, и разговорился о раз-

ныхъ предметахъ. Я замѣтилъ въ немъ нѣкоторую страсть витійствовать и понялъ, что мнѣ не подобало прерывать тока его краснорѣчія. Онъ, очевидно, былъ очень доволенъ моей скромностью, спросилъ меня о моихъ занятіяхъ, проэкзаменовалъ слегка, и кончилъ разговоръ объявленіемъ, что все мое направленіе ему очень нравится, и что если-бъ онъ познакомился со мной нѣсколько дней тому назадъ, онъ меня попросилъ бы согласиться имѣть надзоръ надъ его сыномъ и ѣхать съ нимъ за границу, чего теперь онъ, къ сожалѣнію, мнѣ предложить не можетъ, потому что уже условился съ другимъ молодымъ человѣкомъ, котораго ожидаетъ изъ Москвы съ часу на часъ.

Вышедши изъ кабинета графа, я долго бродилъ по обширному парку, въ тяжеломъ раздуміи. Опять неудача, опять злая шутка судьбы! Могъ же я получить это порученіе и познакомиться съ графомъ недѣлю тому назадъ! И тогда спасеніе! возможность обезпечить мать, вести жизнь беззаботную, ѣхать за границу, видѣть Парижъ, Италію! И все это могло сдѣлаться такъ легко! и всему этому никогда не бывать, потому что я опоздалъ пятью-шестью днями! Я не могъ отдѣлаться отъ этой горькой мысли, она во мнѣ снова шевелилась при каждомъ шагѣ, при каждомъ взглядѣ: такой паркъ! такой домъ! весь этотъ комфортъ, житье со всѣми принадлежностями

богатства, все это, мнѣ теперь казалось, отнято у меня. Я всю ночь не могъ заснуть.

На другой день, за обѣдомъ, я увидѣлъ невиннаго виновника моего прискорбія, прибывшаго кандидата Московскаго университета, счастливца, который долженъ былъ путешествовать съ семействомъ графа. Мнѣ рѣдко случалось встрѣтить такую привлекательную наружность, такое умное и симпатическое лицо. Между имъ и графомъ завязался очень живой разговоръ, коснулись разныхъ ученыхъ вопросовъ. Кандидатъ говорилъ необыкновенно хорошо, возражалъ графу дѣльно и блистательно, доказывалъ справедливость своихъ мнѣній. Я былъ не въ расположеніи состязаться съ ними, я слушалъ молча. Мнѣ было стыдно, что я давалъ о себѣ такое невыгодное понятіе, я усиливался стряхнуть съ ума подавляющія думы, участвовать въ разговорѣ; но не могъ.

Вечеромъ, сидя съ нами на терассѣ, графъ опять старался доказать намъ, что не о немъ говорилъ Гамлетъ, когда увѣрялъ, что есть многое въ небѣ и на землѣ, о чемъ и понятія не имѣютъ философы. Имѣть точное понятіе обо всемъ въ мірѣ, это было конькомъ графа Никанора Глѣбовича. Отъ психологіи онъ удивительно легко перешелъ къ политикѣ, и отъ нея къ различію духа націи, и потомъ къ врожденной ненависти одного народа къ другому.

Говоря кстати о всеобщемъ враждебномъ чувствѣ французовъ къ англичанамъ, онъ указалъ, какъ на замѣчательное проявленіе этого чувства, на пѣсню: Malbrouk s'en va-t-en guerre. Это характеристическое произведеніе французской черни, продолжалъ онъ, въ которомъ такъ совершенно въ народномъ духѣ, осмѣянъ герцогъ Мальборо. И къ этому графъ прибавилъ нѣкоторыя разсужденія о глубокомъ смыслѣ и значеніи народныхъ пѣсенъ.

Когда онъ договорилъ, молодой москвичъ отвѣчалъ, что позволитъ себѣ только выразить, что пѣсня: Malbrouk s'en va-t-en guerre вовсе не французская, ничуть не ироническая, и что въ ней рѣчь совсѣмъ не о герцогѣ Мальборо, что это, какъ недавно было доказано, старинное испанское стихотвореніе, заимствованное отъ Мавровъ, пѣсня объ одномъ рыцарѣ, получившемъ народное прозвище: El Mambru, на старомъ французскомъ языкѣ Le Mambru, человѣкъ мощно сложенный, силачъ, слово, изъ котораго позже сдѣлано было: Malbrouk. Онъ упомянулъ о содержаніи забытаго конца этой пѣсни и о томъ, что испанка, кормилица Людовика XIV, ею баюкала его, и тѣмъ сдѣлала ее извѣстной во Франціи; и что только, вслѣдствіе постепенныхъ искаженій и французскаго невѣжества, наивную маврскую поэзію, съ ея грустнымъ напѣвомъ, приняли потомъ при дворѣ Маріи Антуанеты за парижскую сатиру, что, ко-

нечно, довольно значительная ошибка. Все это молодой человѣкъ объяснилъ превосходно, съ тактомъ и приличіемъ. Выслушавъ его, графъ проговорилъ небрежно: „c'est bien possible“, позвонилъ и спросилъ чаю, послѣ котораго мы разошлись.

Я до полуночи ходилъ по темной липовой аллеѣ, вдоль терассы. Въ послѣдній разъ я могъ наслаждаться этимъ прекраснымъ садомъ, вольно дышать чистымъ воздухомъ, завтра должно было ѣхать домой; тамъ ждалъ душный закоулокъ, ждала тѣсная комната и опять забота о кускѣ хлѣба, и все мое несносное житье-бытье. И въ добавокъ неотразимая мысль, что я прошелъ такъ близко мимо возможности избавиться отъ всего этого. Мнѣ становилось все грустнѣе на сердцѣ. Господи, везетъ же инымъ, и не однимъ дуракамъ; вотъ этому молодому человѣку везетъ; онъ не даромъ учился и работалъ; его трудъ не пропалъ; умъ ему пошелъ въ прокъ; онъ нашелъ людей, которые умѣютъ его цѣнить. И какимъ я возлѣ него показался глупцомъ, а тутъ-то и надо было не оплошать. Если-бъ я нѣсколько высказалъ свое знаніе, графъ меня, можетъ быть, рекомендовалъ бы своимъ знакомымъ; это былъ единственный случай дойти до чего-нибудь, и я его упустилъ,—и онъ не воротится! Тяжко было думать.

Въ слѣдующее утро я, наединѣ съ графомъ, окончательно переговорилъ о томъ, по поводу чего я

былъ посланъ къ нему. Когда все касательно этого дѣла было сказано и рѣшено, графъ обратился вдругъ ко мнѣ со словами: „Хотите ѣхать со мной? Я отказалъ молодому человѣку, съ которымъ мы вчера обѣдали. Терпѣть не могу этихъ господъ, которые все знаютъ лучше другихъ и хотятъ быть умнѣе всѣхъ. Люди съ такимъ превосходнымъ мнѣніемъ о себѣ невыносимы. Я замѣтилъ вашу скромность, вы вообще мнѣ чрезвычайно нравитесь. Я вамъ предлагаю жизнь беззаботную и тысячу рублей серебромъ ежегодно, больше чѣмъ я намѣренъ былъ назначить. Подумайте, и дайте мнѣ нынче отвѣтъ. Я вамъ буду очень благодаренъ, если вы согласитесь“. И съ этимъ онъ мнѣ пожалъ руку, и я вышелъ изъ кабинета, ошеломленный мыслію, что то, о чемъ я бредилъ, было вдругъ мнѣ доступно, по милости пѣсенки Malbrouk s'en va-t-en guerre.

Я шелъ не глядя куда, съ чувствомъ надобности уйти въ какую-нибудь даль, гдѣ бы не было никого; прошелъ черезъ весь паркъ, въ поле, въ рощу; тамъ, въ глуши, сѣлъ и опомнился, и сталъ все соображать.

Я понялъ, о чемъ шла рѣчь; понять было не трудно. Графъ, какъ многіе другіе графы и не графы, хотѣлъ при своемъ сынѣ имѣть человѣка безъ всякой даровитости, безъ характера и мнѣнія, безъ таланта и способностей. Графъ хотѣлъ быть и ум-

ственно графомъ; въ людяхъ, которыми окружался, онъ не могъ выносить никакого преимущества, онъ имѣлъ врожденное отвращенiе отъ чужого ума, какъ иные отъ кошекъ или пауковъ. Я понялъ, на что я обрекался, рѣшившись остаться съ нимъ. Условiе было: отказаться отъ человѣческаго права высказывать свои мысли; я долженъ былъ скрывать, какъ срамъ, все, что было лучшаго во мнѣ, все, чѣмъ я могъ гордиться; я долженъ былъ высказываться передъ всѣми глупцомъ, сносить ихъ явное пренебреженiе; я долженъ былъ купить существованiе, обезпеченное цѣной моего нравственнаго достоинства. Мнѣ давали нѣсколько часовъ времени, чтобы подумать объ этомъ предложенiи, и принять его, или нѣтъ.

Вы знаете уже напередъ, что я его принялъ; сознаться вамъ въ томъ, можетъ быть, теперь мнѣ не менѣе тяжело, чѣмъ было тогда рѣшиться на униженiе.

Въ минуту, отъ которой зависѣла вся моя будущность, мои понятiя сдѣлались странно ясны, какъ бываетъ во время великой опасности. Я постигъ всю практическую сторону жизни и все обдумалъ и взвѣсилъ хладнокровно и безпристрастно. Собственными силами взять верхъ надъ напастью и пробить себѣ путь? Да, можно родиться въ захолустьѣ, безъ всякихъ общественныхъ выгодъ, можно назы-

ваться Трофимомъ Лукичемъ, быть разоренным сиротой, не имѣть ни одного покровителя, и наперекоръ всему этому дойти до извѣстности и благосостоянія, заставить людей, нехотя, дать дорогу. Это можетъ сдѣлать геніальный человѣкъ; многіе это сдѣлали и дѣлаютъ. Я былъ не геніаленъ, я былъ только уменъ и не лишенъ образованія. Этого не довольно; чтобы съ этимъ однимъ подняться вверхъ, надо отбросить свою честность. Сдѣлаться плутомъ я не могъ. Оставалось одно: бѣдствовать, бѣдствовать до конца жизни, какъ я бѣдствовалъ до сихъ поръ. Господа, которые для препровожденія времени говорятъ про нуждающихся, успокаиваютъ свою чувствительность утѣшеніемъ, что привычка облегчаетъ самое тяжкое положеніе. Эти сострадательные господа ошибаются. Къ мученію не привыкнешь; чѣмъ оно дальше, тѣмъ оно хуже. Нужда была для меня этою безпрестанною, нестерпимою каплей. Есть примѣры, что люди выносили пытки, не слабѣя духомъ; другимъ оно было не въ силу, воля изнемогала и сдавалась. Галилей отрекся отъ своего убѣжденія, я отрекся отъ своего умственнаго значенія; я согласился отрѣзать языкъ своимъ мыслямъ и чувствамъ. Я подумалъ о матери, представлялось средство ее спасти и успокоить. Она никогда не узнала, что я промѣнялъ на ея успокоеніе.

Я прожилъ три года въ домѣ графа, не измѣнивъ

моему твердому намѣренію. Сперва было тяжело, потомъ стало легче; я наторѣлъ и примирился къ своей роли. Я пріучился видѣть безъ досады на лицѣ каждаго, кто со мной говорилъ, отпечатокъ мысли: какъ онъ глупъ! Я увидѣлъ, что въ Парижѣ и въ Лондонѣ живутъ такіе же люди, какъ въ моемъ родимомъ городѣ, и что вездѣ выгодно сторониться передъ ихъ самолюбіемъ; я узналъ на опытѣ, что протягиваютъ руку на помощь развѣ только тому, на кого смотрятъ свысока; графъ остался мною такъ доволенъ, что сдѣлался моимъ ревностнымъ покровителемъ. Когда я сдалъ сына его на другія руки, онъ мнѣ доставилъ мѣсто и протекцію вліятельныхъ людей. Съ тѣхъ поръ, какъ я ничѣмъ не отличался, я прослылъ отличнымъ, хорошимъ человѣкомъ. Я убѣдился въ истинѣ воззрѣнія Матвѣя Артемьевича, что такъ-то оно вѣрнѣе—и остался Иванушкой-дурачкомъ.

Я себя не оправдываю. Можетъ быть, нашлось бы мнѣ и другое спасеніе, если-бъ я имѣлъ твердость ждать. Было достойнѣе человѣка, уважающаго себя, отказаться отъ удобствъ жизни унизительной, не сдаваться, мужественно бороться съ несчастіемъ; было благороднѣе итти въ поденщики, ломать камни на большой дорогѣ. Я это не разъ чувствовалъ и чувствую горько, болѣе чѣмъ когда бы то ни было, въ этотъ часъ; его я не ожидалъ; чтобы мнѣ могло

прійтись такъ стоять передъ женщиной, готовой принести мнѣ въ жертву всѣ выгоды, которыми ее учили дорожить, этого я не предвидѣлъ. Вы должны понять, чего мнѣ стоитъ каяться вамъ въ томъ, что имѣетъ сходство съ дѣйствіемъ постыднымъ. Я присудилъ себя къ этому признанію, къ самому трудному для меня, честному поступку; эта исповѣдь мое добровольное, великое наказаніе; ею я расплачиваюсь съ своею совѣстью.

Хозревскій замолчалъ и остался, какъ сидѣлъ; онъ старался преодолѣть себя; онъ взглянулъ на княгиню, словно хотѣлъ еще что-то вымолвить, но ничего не вымолвилъ: княгиня также сидѣла молча; прошли двѣ-три длинныя минуты. Княгиня подняла наклоненную голову.

— Я вамъ завтра дамъ отвѣтъ, — сказала она, вставая, и позвонила.

Слуга вошелъ, Хозревскій вышелъ.

Въ слѣдующее утро Хозревскому подали узкое розовое письмецо; оно содержало только двѣ строки: „Я не могу рѣшиться быть женой человѣка, который умѣетъ такъ хорошо притворяться“.

Онъ прочелъ эти слова, прочелъ еще разъ и захохоталъ:

— По дѣломъ, — проговорилъ онъ, бросая письмо на столъ, — въ первый разъ былъ глупъ, не держалъ на привязи ума, высказалъ, что было на сердцѣ.

Досказавъ длинный разсказъ, Алексѣй Петровичъ съ удовольствіемъ допилъ свою остылую чашку чая.

— Что же дальше?—молвила хозяйка дома:—мы ждемъ конца.

— Жалѣю, что долженъ оставить ваше желаніе неудовлетвореннымъ, сказалъ Алексѣй Петровичъ,— конца я вамъ никакого сообщить не могу, потому что и Хозревскій и Висмеръ и княгиня не умерли, и что она не вышла замужъ ни за того, ни за другого.

— Что же вы хотите доказать вашимъ разсказомъ?—спросила княгиня.

— Ровно ничего,—отвѣчалъ онъ.

— Думаете ли вы,—продолжала она,—что еслибы было наоборотъ, еслибы на мѣстѣ Хозревскаго была женщина, а на мѣстѣ княгини былъ мужчина, онъ бы иначе поступилъ?

— Не знаю,—сказалъ Алексѣй Петровичъ.

Дрезденъ.
Сентябрь, 1859 г.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

Двойная жизнь. Отрывки печатались въ „Московскомъ Сборникѣ" 1847 г. и „Московскомъ Обозр." 1847 г.; отдѣльное изд. Москва. 1848 г. См. „Матеріалы для біографіи", т. I, стр. XXIX, XXXI и XXXII.

Кадриль. „Русскій Вѣстникъ" 1859 г., т. XIX (1—2 кн. янв. и 1—2 кн. февр.). См. „Матеріалы для біогр." т. I, стр. XXXIII.

Фантасмагоріи. „Русск. Обозр." 1894 г., № 12; здѣсь же некрологъ К. Павловой, подписанный *Д. П.* См. т. I, Примѣчанія, стр. 3, и „Матеріалы для біогр.", стр. XLII.

Мои воспоминанія. „Русскій Архивъ" 1875 г., № 10, стр. 222. Петромъ Иванов. Бартеневымъ въ „Р. Арх." сдѣлано примѣчаніе къ исторіи Верещагина (наше изд. стр. 276):

„Читатели „Р. Арх." знаютъ невѣрность этого разсказа. Верещагинъ былъ приговоренъ Сенатомъ къ каторжнымъ работамъ. Гр. Ростопчинъ не думалъ скрываться отъ народа; да было и некуда: домъ его выходилъ на двѣ улицы. Онъ просто поѣхалъ къ Яузскому мосту, черезъ который переходили войска. Несомнѣнно, что враги гр. Ростопчина, и особенно въ высшихъ

сферахъ, не пощаженныхъ его острословіемъ и высокимъ умомъ, постарались придать особенное значеніе гибели Верещагина случайной жертвы тѣхъ страшныхъ дней, когда юридическая правда становится невозможной".

Воспоминаніе объ Ивановѣ. „Русскій Вѣстникъ", 1858 г., т. XVI. Смѣсь. См. „Матеріалы для біогр.", т. I, стр. XLIII и XLIV.

Письмо къ Иванову. Рукопись Румянцевскаго музея. Бумаги А. Иванова. См. „Матеріалы для біогр." т. I, стр. XLIII и XLIV.

Письмо въ редакцію „Современника". „Современникъ", 1854 г. т. XLVIII, № 11, стр. 130. Въ этомъ же № отвѣтъ И. Панаева, который мы приводимъ здѣсь:

„Милостивая государыня Каролина Карловна! Позвольте мнѣ прежде всего поблагодарить васъ за то истинное удовольствіе, которое доставило мнѣ ваше любезное, краснорѣчивое и остроумное письмо, возбуждавшее во мнѣ столько пріятныхъ воспоминаній. Чувствуя невозможность отвѣчать вамъ на ваши смиренныя страницы, какъ вы выражаетесь, столь же любезно, краснорѣчиво и остроумно, я постараюсь быть, по крайней мѣрѣ, кратким, не желая ни на одну секунду отвлечь ваше вниманіе отъ вашихъ поэтическихъ замысловъ, трудовъ и мечтаній.

Вы полагаете, что рецензія, напечатанная въ Современникѣ на ваше прекрасное стихотвореніе „Разговоръ въ Кремлѣ", написана мною и кажется, вообще приписываете мнѣ критическія статьи и рецензіи, печатающіяся въ журналѣ, издаваемомъ мною и г. Некрасовымъ. Я долженъ вамъ сказать на это, что никогда не былъ критикомъ и рецензентомъ и поэтому никакъ не могъ уничтожать (по вашему выраженію) ни поэтовъ, ни прозаиковъ

и ваша тонкая язвительная иронія не можетъ задѣть меня по этому поводу. Подъ всѣми статьями, которыя я писалъ и печаталъ, я постоянно ставлю мое имя en toute lettre. Я, съ моими литературными опытами, а вы, съ вашими художественными твореніями,—мы оба равно принадлежимъ къ подсудимымъ и мнѣ очень лестно хоть въ этомъ случаѣ сойтись съ вами. Я отвѣчаю за рецензіи „Современника" только какъ редакторъ и издатель.

Но если бы я когда-нибудь вздумалъ (отъ чего Боже меня сохрани) взять на себя тяжелую обязанность критика—вы позвольте быть совершенно откровеннымъ—несмотря на все мое удивленіе къ вашему поэтическому таланту, къ вашему громкому и смѣлому стиху, къ вашей звучной и всегда поражающей риѳмѣ, я осмѣлился бы замѣтить вамъ, какъ это сдѣлалъ и рецензентъ „Современника", что вы придаете риѳмѣ очень большое значеніе, что въ вашихъ блистательныхъ стихахъ риѳма поражаетъ прежде всего, что она красуется на первомъ планѣ.

Я не понимаю ни малѣйшей ненависти къ новой и оригинальной риѳмѣ, но полагаю, что ей нельзя позволять слишкомъ торжественно, гордо и громко выступать впередъ, слишкомъ заноситься и обращать на себя въ стихахъ исключительное вниманіе.

Вы ссылаетесь на Пушкина, приводите въ примѣръ десять оригинальныхъ риѳмъ его изъ различныхъ произведеній. Я зналъ эти риѳмы, потому что какъ и всѣ, для которыхъ дорого родное слово, знаю стихи Пушкина почти наизусть, но во всѣхъ его произведеніяхъ, взятыхъ вмѣстѣ, едва ли есть столько блестящихъ, изысканныхъ и оригинальныхъ риѳмъ, сколько въ одномъ вашемъ. Великій поэтъ не позволялъ слишкомъ зазнаваться своей риѳмѣ; онъ несмотря, на свою любовь къ ней, держалъ ее въ должныхъ границахъ, у него риѳма всегда подчинялась мысли, а не мысль—риѳмѣ.

Напрасно вы упрекаете меня въ томъ, что изъ памяти моей изгладился прекрасный іюльскій день, проведенный мною у васъ на дачѣ подъ Москвою... Нѣтъ, я живо помню его, со всѣми подробностями: и липовую аллею и ваши удивительные стихи, которые вы такъ превосходно декламируете, придавая имъ этою декламацiей еще болѣе красоты и силы, если только можно. Провести цѣлый день въ вашемъ обществѣ, выслушивая ваши стихи—это такое высокое наслажденіе, которое не можетъ скоро забыться. Я точно былъ, между прочимъ, въ восторгѣ отъ вашей пародіи на поэтовъ, злоупотребляющихъ риѳмами, какъ и отъ всего того, что слышалъ отъ васъ тогда и съ вашего дозволенія, отослалъ эту пародію для напечатанія въ Современникѣ. Рецензентъ, писавшій „Разговоръ въ Кремлѣ" въ нашемъ журналѣ очень хорошо зналъ, что это пародія принадлежитъ вамъ, и онъ не безъ цѣли привелъ ее при разборѣ вашего же серьезнаго произведенія. Онъ напомнилъ вамъ о вашей шуткѣ для того, чтобы показать вамъ, какъ эти риѳмы восхитительны въ пародіи и какъ не всегда умѣстны въ серьезномъ произведеніи. Въ заключеніе я считаю необходимымъ прибавить, что рецензентъ „Современника", разсматривалъ вашъ „Разговоръ въ Кремлѣ" только со стороны литературной, ибо то высокое и священное чувство, которымъ одушевлено это произведеніе, внѣ всякой критики. Этимъ чувствомъ глубоко проникнуты не одни только герои и поэты, а всѣ мы, всякій русскій человѣкъ, къ какому бы званію и сословію ни принадлежалъ онъ, хотя этотъ порывъ, это чувство не у всѣхъ выражается въ такой блестящей формѣ и въ такихъ великихъ и громкихъ стихахъ, какъ ваши.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр. Ив. Панаевъ.

За чайнымъ столомъ. „Русскій Вѣстникъ", 1859 г., т. XXIV, декабрь, 2-я кн.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Библіографія сочиненій К. Павловой и статей объ, ней составлена добросовѣстно Н. Н. Голицынымъ, въ его „Словарѣ русскихъ писательницъ“, Спб. 1889 г. и Д. Д. Языковымъ, въ его „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ“, вып. XIII. Къ этимъ работамъ мы и отсылаемъ интересующихся; нѣкоторыя дополненія и поправки они найдутъ въ нашихъ примѣчаніяхъ и въ „Матеріалахъ для біографіи К. Павловой“ въ I т. Здѣсь мы даемъ только перечень произведеній К. Павловой, выходившихъ отдѣльными изданіями, и ея работъ, не вошедшихъ въ наше собраніе.

1. ОТДѢЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ К. ПАВЛОВОЙ.

Caroline von Janisch. Das Nordlicht. Proben der neuern russischen Litteratur. Erste Lieferung. Dresden und Leipzig. 1833. См. „Матеріалы“, т. I, стр. XXI и XXXIV.

Jeanne d'Arc, tragédie de Schiller, traduite en vers francais par M-me Caroline Pavlof, née Iaenisch. Paris 1839. (См. „Матеріалы“, т. I, стр. XXII; отрывокъ изъ этого перевода былъ напечатанъ въ „la Revue germanique“ 1835 г., декабрь).

К. Павлова. Двойная Жизнь. М. 1848. (См. Матеріалы, т. I, стр. XXXI—XXXII).

К. Павлова. Разговоръ въ Кремлѣ. Спб. 1854. (См. „Матеріалы“, т. I, стр. XLII).

К. Павлова. Стихотворенія. М. 1863. (См. „Матеріалы“, т. I, стр. XLV).

Don Juan, von graf Alexis Tolstoy. Dramatisches gedicht. Dresden. 1863, (См. „Матеріалы“, т. I, стр. XLVI).

Zar Fedor Iwanovitsch. Trauerspiel in 5 Aufzügen, von graf A. Tolstoy. Dresden. 1869, См. „Матеріалы“, т. I, стр. XLVI и XLVII.

Приписывается К. Павловой:

Les Préludes. Ed. A. Tourguenieft et J. de Ronchaud. Paris. 1839. (См. „Матеріалы“, т. I, стр. XXIII; въ „Отеч. Зап.“ 1839 г., т. IV, отд. VII, стр. 162, помѣщенъ разборъ этой книги, которая названа: „Les Préludes, par M-me Caroline Pavlof, née Iaenisch“. Въ предисловіи къ переводу „Жанны д'Аркъ“ Шиллера также говорится о „Les Préludes“ какъ о книгѣ К. Павловой).

2. ПЕРЕВОДЫ К. ПАВЛОВОЙ, НЕ ВОШЕДШІЕ ВЪ НАШЕ ИЗДАНІЕ.

а) *На русскій языкъ:*

Дмитрій Самозванецъ. Сцены изъ послѣдней неоконченной трагедіи Шиллера. „Современникъ“ 1841 г., № 1.

Сцена изъ Промеѳея Эсхила. „Москвитянинъ“ 1850 г., ч. II, стр. 153.

Гаррикъ во Франціи. Комедія, передѣланная изъ Олленшлегера. „Москвитянинъ“ 1852 г., т. VI, ноябрь и декабрь.

Амфитріонъ Мольера. „Отеч. Записки“ 1856 г., т. LVII, августъ.

Смерть Валленштейна Шиллера. „Вѣстникъ Европы“ 1868 г., №№ 7 и 8. (См. „Матеріалы“, т. I, стр. XLVI; Монологъ Теклы былъ напечатанъ отдѣльно въ „Бесѣдахъ въ Общ. Любителей Россійской Словесности“, отд. II, стр. 62, за подписью П. Ч. К. Павлова, т.-е. почетный членъ К. Павлова).

Чайльдъ Гарольдъ Байрона, пѣснь IV. Перечисляется среди прочихъ переводовъ К. Павловой въ статьѣ *П. Д.*, „Русское Обозрѣніе“ 1894 г., № 12, гдѣ также упоминается о *нѣсколькихъ* переводахъ изъ А. Шенье.

b) *На французскій языкъ*:

Лирическія стихотворенія русскихъ и др. поэтовъ. Lès Préludes (См. выше).

Переводы съ англійскаго, польскаго и русскаго. Упоминаются въ письмахъ Н. Ф. Павлова и А. И. Тургенева. См. „Матеріалы“, т. I, стр. XXII—XXIII и подсрочное примѣчаніе).

Жанна д'Аркъ трагедія Шиллера. (См. выше).

c) *На нѣмецкій языкъ*:

Лирическія стихотворенія русскихъ поэтовъ. Das Nordlicht. (См. выше).

Стихи гр. А. К. Толстого. (См. „Матеріалы“, т. I, стр. XLVI).

Его же, *Донъ Жуанъ*. (См. выше).

Его же, *Царь Θеодоръ Іоанновичъ*. (См. выше).

Его же, *Смерть Іоанна Грознаго*. (См. „Матеріалы“ т. I, стр. XLVI); былъ ли напечатанъ этотъ переводъ, намъ неизвѣстно.

ПОПРАВКИ РЕДАКТОРА.

Обстоятельства нашего времени не позволили, къ сожалѣнію, редактору наблюдать за печатаніемъ изданія безпрерывно. Въ цѣляхъ справедливаго распредѣленія литературной отвѣтственности, какъ и возможныхъ заслугъ передъ читающей публикой, буде таковыя будутъ признаны просвѣщенной критикой, редакторъ считаетъ своей обязанностью указать, что въ его отсутствіе трудъ по наблюденію за печатаніемъ выполнялся *І. М. Брюсовой*. Ею также разысканъ рядъ произведеній К. Павловой въ старыхъ журналахъ, составлены примѣчанія ко II тому и пополнены примѣчанія къ I тому. Въ данномъ отдѣлѣ редакторъ даетъ нѣсколько мелкихъ поправокъ, которыя вызваны частью типографскими опечатками, частью нѣкоторыми недосмотрами, и которыя не могли быть сдѣланы своевременно.

В. Б.

Томъ I.

Стр. XL, строка 5 сверху, напечатано: „1883 г.“, надо: „1853 г.“.

„ 46—48. Стихотв. „Н. М. Языкову, отвѣтъ на отвѣтъ“ должно быть датировано: Гирево, *іюль* 1842“ и потому стоять *послѣ* II, III и IV.

„ 52, строка 1 снизу, напечатано: „лучь“, надо: „лучъ“.

„ 67, строка 7 сверху, напечатано „людскаго“, надо „людского“.

„ 106. Въ стихотв. I, стихъ 1-й долженъ читаться: „Не разъ въ душѣ, познавшей смѣло“.

„ 108. I, стихъ 1-й долженъ имѣть на концѣ *запятую*.

„ 157. Въ стихотв. IV, заглавіе должно быть: „Не пора!“

„ 168. Стихотв. V, „Люблю я васъ, младыя дѣвы“, относится къ 1856 г. (См. Примѣчанія).

„ 169, строка 8 сверху, напечатано: „хоть“, надо: „хотя“.

„ 181. Стихотв. VII, въ „Русск. Вѣстникѣ“, т. XXIII, сентябрь, имѣетъ заглавіе: „Вечеромъ“.

Стр. 184—188. Хронологическій порядокъ стихотвореній долженъ быть: XII, XIII, X, XI.

„ 191—200. Варіанты „Разговора въ Тріанонѣ“ по Чаадаевскому списку, дающему текстъ, можетъ быть, лучшій, нежели изд. 63 г., см. въ примѣчаніяхъ. (См. также „Матеріалы“, т. I, стр. XXXIII).

„ 237, строка 7 сверху, напечатано: „Маккрéгоръ“, надо: „Макгрéгоръ“.

„ 251. Въ стихотв. I, стихъ 4-й долженъ имѣть на концѣ *точку*.

„ 264. Въ датировкѣ стихотворенія должно уничтожить лишнее слово: „Гаммеръ“.

„ 286, строка 3 снизу, напечатано: „огонь“, надо: „огнь“.

Томъ II.

Стр. 34, строки 10—11 сверху, должны читаться:

И будь отнынѣ таково
Предназначеніе его.

„ 40, строка 13 сверху, напечатано: „рифма“, надо: „риѳма“.

„ 66, строка 13 сверху, должна начинаться чертой —.

„ 269 и сл. Переводы французскихъ фразъ сдѣланы П. И. Бартеневымъ, когда „Воспо-

минанія“ К. Павловой печатались въ „Русс. Архивѣ“.

Стр. 329, строка 12 сверху, напечатано: „на улицѣ“, надо: „къ улицѣ“.

Алфавитный указатель.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Стр.

Стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ.

КАДРИЛЬ.

стр.

ФАНТАСМАГОРІИ.

СТАТЬИ И ПИСЬМА.

ЗА ЧАЙНЫМЪ СТОЛОМЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

МОСКВА. Цвѣтной бульваръ, 12, телеф. 3.38-45.

ПЕТРОГРАДЪ. Суворовскій пр., 29, кв. 25.

Аполлонъ Григорьевъ. Стихотворенія. Вступительная статья и примѣчанія Александра Блока, ц. 3 р. 50 к.

Архивъ села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову. Примѣчанія Н. Ашукина, ц. 2 р. 50 к.

Аполлонъ Григорьевъ. Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Примѣч. и послѣсловіе Павла Сухотина, ц. 75 к.

В. Евгеньевъ. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Сборникъ статей и матеріаловъ, ц. 2 руб.

Полный каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

Цѣна за 2 тома 5 руб.